

Анатолий Мармазов

Слава, слово и славяне (словене) К этимологии терминов

Самиздат

2023-2024

Слава, слово и славяне (словене). К этимологии терминов

1. Для определения этнонима славяне (словене), который связывают с терминами «слава» и «слово», оттолкнемся от схожего по смыслу и по фонетике санскритского слова śravas - звук, слава, призыв, внешность, восхищение, награда, которое по своей внутренней логике связано с другими фонетически схожими санскритскими словами sārva - полезный и sarva - целый, что можно воспринимать как прославление и призывание на службу «цельного» индивида, завершившего свое физическое и нравственное развитие на пути к статусу взрослого человека. Этим санскритским словам, в том числе и по смыслам приветствия и пожелания, соответствуют итальянские слова salva - салют, залп, salvo – целый, невредимый, сохраненный и латинские слова salvus - находящийся в полной сохранности, целый, salvē - здравствуй, будь здоров, а также английское слово salve – мазь, крем, бальзам, в прошлые времена использовавшееся в качестве доброжелательного приветствия, соответствующего пожеланию «храни вас господь!». Более того, татар. «салават» - хвалебная молитва, хвала, где одновременно присутствуют и Слава, и Слово, в сопоставлении с древнефранцузскими терминами salvation – действие по спасению души и salvete – спасение, salut – сохранение, сбережение может иметь общее происхождение с башк. «саруа» – народ, масса. Сравните: Сарва́ (баш. Саруа) - название башкирской деревни.

В то же время военное значение итальянского слова salva – салют, залп можно сопоставить с башк. «сарбаз» - боец, воин, рядовой и с латин. servus – служилый, подневольный, обремененный повинностями, - то есть находящийся в общем ряду и свято выполняющий свои воинские обязанности, что ассоциативно соответствует понятию общины со своими строгими общинными законами и схожему понятию servus - раб, невольник, слуга, в то время как со значениями санскритского слова śravas - звук, слава, призыв, внешность, восхищение, награда, описывающими образ привлекающего своей красотой и силой «добра молодца», можно сопоставить значения французских слов charman(t) - очаровательный, обворожительный, прелестный и charme - шарм, очарование, обаяние, чары, а также cher – дорогой, любезный, милый и chèrement – любезно, мило, дорого с учетом фр. char – колесница в качестве божественного символа власти, потому что на колесницах разъезжали древние боги, правящие мировым пространством. К тому же, согласно индуистским мистикам, колесница являлась символом человеческой сущности, состоящей из четырех частей: возница - сознание, вожжи — сила воли и разум, лошади — жизненные силы, а сама повозка представляла из себя человеческое тело. Сюда же надо добавить французские слова sarment – виноградная лоза и serment – присяга, клятва, sermon – проповедь, слово, поучение, наставление, а также servi – служить, прислуживать, подавать, потому что виноградная лоза символизирует духовную жизнь и возрождение, а также плодородие и жизненный путь, наполненный многочисленными отношениями между людьми, связанными как с приобретением, так и с отдачей, что составляет ту первородную человеческую службу, в которой так называемое «рабство» является извращением человеческого ума и гордости.

Сравните также фр. servi – служить, прислуживать, подавать и латин. servus - раб, невольник, слуга с азербайджанскими словами sərv – кипарис, стан красавицы,

sərvət - богатство в сопоставлении с ət — мясо, мышечная ткань (масса которых увеличивается в период созревания) и sərvər — глава, хозяин, владелец, обращение к человеку как предмету восхищения и обожания в сопоставлении с əg — муж, супруг, смелый, храбрый, что было бы сопоставимо с древнефранцузскими словами serve — запас, резерв, страж, охранник, server — оберегать, сохранять, обеспечивать и прямо противоположно англ. server — прислужник, если бы издревле не существовало сакрального поклонения женщине и ее прославления со стороны мужчины, что привело к рыцарскому служению «даме сердца», тем более что стройный и вечно зеленый кипарис в геральдике является символом жизненной силы и вечной славы. При этом начальное səg в азербайджанском слове sərv — кипарис определяется как «лучший, отличный, главный», - то есть славный, - а окончание «v» можно сопоставить с азерб. va — ой! (звук, издаваемый при проявлении различных человеческих чувств), что позволяет сравнить значение азерб. sərv — кипарис со значениями санскр. śravas — звук, слава, внешность, призыв, восхищение, награда.

Элементы śar и śra в санскритских словах śarman — приют, защита, блаженство, процветание и śravas — звук, слава, призыв, внешность, восхищение, награда могут соответствовать санскритским словам śār — быть слабым, немощным и śrā — доводить до готовности, делать зрелым, что определяет границы развития человеческого существа от требующего защиты младенчества до набирающего силу отрочества с последующим проведением обрядовой инициации в скрытом от всех заповедном месте. Не статусному положению еще не разумного и поэтому не имеющего права голоса ребенка соответствует значение санскр. maṇ — звучать, бормотать, в то время как значения санскритских слов maṇ — знать, думать, считать, полагать и vas — сиять, становиться ярче относятся уже к расцветающей юности, сравнимой со значениями санскритских слов vasanta — весна и anta — близкий, красивый, находящийся на границе, - в данном случае между детством и взрослой жизнью, - когда приходит пора познать то, что недоступно ребенку. Но в то же время термины «познание» и «бормотание» могут быть применены к образу физически слабого и, возможно, некрасивого, но при этом мудрого, жреца, в своем пограничном состоянии бормочущего какие-то непонятные заклинания.

С учетом того, что в древние времена дозволялось заключать брак лишь после успешного прохождения многочисленных испытаний, цельное развитие организма имели «славник» - завидный жених и «славница» - добропорядочная девушка, достигшая брачного возраста, которые были очевидной целью не только друг для друга, но и для их семей или родов. Соединение этих двух условных «половин» в отдельную семью закрепляло за ними понятия «единое целое» и «полезность для общества», чего лишены были дети и пока еще не прошедшие инициацию подростки, не имевшие права голоса, отдельного «угла» и особой красоты молодого тела, которым обладали созревшие парень и девушка, начинающие полноценную жизнь, связанную с физической работой на земле, с воспроизводством себе подобных и с воинской службой (для парней). Все это соответствует понятию «карма» - судьба, которая в первую очередь относится к женской рожаящей утробе («карману»), на что ассоциативно указывают санскритские слова karman — действие, работа, обязанность, ритуал, судьба, результат, итог в сопоставлении с kārma — активный, деятельный, трудолюбивый, śarman — укрытие, защита в сопоставлении с sarma — идущий, бегущий, текущий и carman — кожа, шкура, кора, щит в сопоставлении с sarma — защищенный кожей, а также русские диалектные слова «трудить» - беспокоить просьбами (то есть приставать с определенной целью), «труд» - затяжное недомогание (под чем можно понимать состояние беременности) и «трудиться» - рожать с учетом того, что рожать может не только женщина - самка, но

и разогретая солнечным теплом земля.

Хорошие урожайность и плодovitость, определяемые другими значениями слова śarman — счастливый, преуспевающий, являются главной целью обихожённой матушки — земли и работающего на ней хозяина - мужчины, соответствуя в этом санскритским словам śaravṛa — цель с элементом śār - быть слабым и немощными, который в данном случае фиксирует состояние почвы после зимней стужи, и kar — изготовлять, возделывать, обрабатывать, рассыпать в сопоставлении с kāṛa — цель, замысел, обязанность, работа, результат, итог. Дополнительно можно указать на персидские слова «кар» - дело, работа, труд, созидание, поступок, сражение, «кир, кер» - мужской половой орган, «кор» - сын, ребенок и «кос» - женский орган, который «косят» или «жнут» в пору его рабочего состояния. Необходимо также указать на персидские слова kīr — забота, опека, удержание, получение знания о секрете (то есть познание женщины) и «курэ» - печь, очаг, топка, кратер, жерло, страна, область, край, где получает закалку мужской орган. При этом безжалостное отношение к земле и такое же отношение к женщине приводит к их истощению, или преждевременной «старости», в соответствии опять же с санскр. śār — быть слабым или немощным (в том числе от многочисленных родов), что можно сравнить с перс. sar — горе, печаль, и с другими значениями санскр. kar — повреждать, губить, хотя с другой стороны окончание avṛa в слове śaravṛa — цель может означать «волосяной покров», что соответствует санскр. vṛā — скрывать, покрывать, окутывать (vṛa — покрытый) и равнозначно появлению мягкого (а значит слабого) травяного покрова земли, в какой-то мере соответствующего появлению лобковых волос у подростков, свидетельствующих о предстоящей «погибели» детства и о начале физического и духовного роста. Если же использовать ассоциацию, то этот травяной покров земли по причине сильной волосатости животных равнозначен санскр. śarman - кожа, шкура, щит, а также русскому слову «кора» в сопоставлении со «скора» - кожа, шкура. Можно также указать на связь названия «плевел», как называют сорное злаковое растение в качестве чего-то фальшивого и ненужного с термином «девственная плева» в сопоставлении с др.-гр. κόρη — дева, девушка, где скрыто осуждение ничем не оправданной долговременной девственности. В то же время др.-гр. κόρος — младенец, ребенок, мальчик, юноша, молодой человек имеет дополнительные уничижительные значения «сор, мусор, свалка нечистот» и «высокомерие, наглость, пресыщение», которые с одной стороны определяют их не высокий статус «сопляков», а с другой стороны могут указывать на такие же невысокие моральные качества у созревших для плодородия парней, чья слава не всегда бывает хорошей. Поэтому, если девушек учили правильно вести домашнее хозяйство и заботиться о муже и будущих детях, то парней во время проведения инициации обучали держать свои чувства в узде и укреплять физическую силу и дух.

Более того, санскр. śravaṇa — слушание, учение, исходя из элементов śrava — слух и ṇa — знание, решение, соответствует устной передаче части накопленных сведений от жреца к созревшей для их усвоения молодежи в специально отведенном и запретном для других месте, что применимо к значениям санскритских слов śrā — доводить до готовности и vāṇa — лес, роща, вода. Поэтому нельзя не учитывать элемент man в словах karmaṇ — судьба и śarman — укрытие, защита, благополучие, счастье, имеющий собственные значения «знать, думать, считать, полагать, рассматривать», который в результате сопоставления со словами kar — повреждать, губить и «кара» - возмездие любопытным образом соответствует выражению «горе от ума», что можно воспринимать как незрелость мыслительных способностей или же как чрезмерное умствование, а на самом деле это выражение может быть связано с началом многотрудной взрослой жизни, которая в прежние времена была

невозможна без познания брачных отношений с женщиной, требующих больших физических усилий для обеспечения всем необходимым рожденного в муках потомства. Не случайно же в мусульманском раю, да и в христианском тоже, не предусмотрены роды.

В ходе нашего исследования мы будем учитывать возможность перехода звуков *g-l* и *s-c-k* (а также *g*) в разных языках, что указывает на некую их тождественность в прошлые времена. Отголоском такой тождественности в первом случае могут служить санскр. *sūg* и латин. *sol* с общим значением «солнце», к которым по ассоциации можно добавить порт. *sul* – юг (в качестве стороны наиболее жаркого солнца) и устаревшее венгерское *sül* — жариться, печься в сопоставлении с венг. *súly* — вес, бремя, значимость, авторитет, потому что встающее над землей солнце является несомненным авторитетом, призывающим людей к началу активной деятельности, в то время как русское сленговое слово «жарить» имеет сексуальное значение. Еще одно слово «сулить» - давать, обещать, назначать цену определяет возможный итог общечеловеческого труда, наложенного на деятельность матушки — земли и работоспособность дневного светила. Однако выражение «сулёная невеста» - девушка, выходящая замуж без благословения родителей, в совокупности с санскр. *śūlā* — шлюха оставляет за словом «сулить» очевидные греховные посулы. Сравните также санскритские слова *sūg* — солнце, небо, *śūr* — бить, ударять, *śūl* — причинять боль в сопоставлении с *śūrah* — герой, воин, *śūlah* — копье, пика, шампур и шумерские слова *šul* — сильный, героический, воин, *sur* — разделять, разграничивать, что может обозначать не только могучего и авторитетного человека или полное животворящих сил солнце, которое своими лучами разгоняет ночной мрак, но и персонифицированный образ небесной грозы, отделяющей свет от тьмы и звук от безмолвия, что соответствует мифологическому акту творения мира.

Поэтому к образу грозы можно добавить значения индоевропейских слов **ser-* ‘быстро двигаться, мчаться’, **ker(ə)-* ‘жечь, гореть и **(s)ker-* ‘резать’ применительно к быстро движущейся огненной молнии, как бы разрезающей небесную твердь надвое, хотя эти же значения можно применить и по отношению к метеору, метеориту и в какой-то мере к дневному светилу, движущемуся вниз по солнечной дуге, что позволяет добавить к этим словам и.-е. **(s)ker-* ‘вертеть, гнуть с учетом русского диалектного слова «вертать» - поворачивать обратно,- то есть менять направление своего движения. Другое же индоевропейское слово **ser(ō)* — стекать, бежать наравне с древнеирландскими словами *sera* и *sreth* с общим значением «разбрасывать, рассеивать» может соответствовать текущей вниз воде и «посеянному» с небес солнечному свету, что во всех вышеназванных случаях воспринималось как акт оплодотворения мужчиной — небом (в других вариантах солнцем, раскаленным от трения камнем или молнией) матушки - земли. Более того, исланд. *séga* — преподобный (титул священника) в сопоставлении с другими исландскими словами *ger* — дрожжи, закваска, *gera* — делать, выполнять, изготавливать и *ker* — сосуд, чан ассоциативно указывают на сеяние «разумного, доброго, вечного» церковными священнослужителями, притом что сосуд является универсальным символом женского начала в качестве плодородия, убежища, сохранения, питания и трансформации, а в чане (или котле) древние жрецы варили свое особое зелье, олицетворяющее магические чары.. При этом на смысл плодородия также указывает латин. *sēro* — сплетать, соединять, обсуждать, следовать друг за другом, сеять, сажать, возбуждать, порождать.

Не случайно на персидском языке слово *ker* означает «пенис», то есть действующее светлое мужское начало (в сопоставлении с титулом «сэр» в качестве аналога

титолов «Ваша Светлость, Ваше Сиятельство»), а персидское диалектное *kor* означает «ребенок» (кем может быть и утреннее *sol* - солнце), притом что перс. *kure* имеет значение «печь, очаг», близкое к индо-евр. **ker(ə)*- 'жечь, гореть и санскр. *śriṣ* (*śliṣ*) — гореть. Таким образом санскр. *śravas* и русск. «слава» в глубине своих значений скрывают указание на горячность и пыл, которые в первую очередь свойственны молодым людям, но в большей степени сексуально озабоченным юнцам, идущим на поиски своей собственной «славы». Дополнительно можно сравнить санскр. *śriṣ* (*śliṣ*) — гореть и санскр. *śrī* — идти, от кого-то зависеть, прилипать в сопоставлении со *śrī* — красота, великолепие, богатство, успех, смешивать, готовить, кипятить, одеваться, что соответствует стремлению созревших и поэтому «липнувших» друг к другу парней и девушек одеваться красиво и ярко, уподобляя себя небесным светилам. Отдельно нужно обратить внимание на любопытную зависимость по крайней мере некоторых древних титулов с образом молодого совершеннолетнего человека, на что в частности указывают русские диалектные слова «князь» - жених и «княгиня» - невеста. Если же мы возьмем значение «царь» - самый лучший представитель своего класса (например, царь зверей), то обнаружим смысловую связь этого слова с санскр. *vara* – избранный, самый лучший, любовник, жених, супруг, что подходит и для санскр. *sāra* — сильный, крепкий, лучший, ценный, суть, сущность. Даже восточный титул «паша» может иметь общую основу с испанскими словами *raso* – шаг, ступень, проход, переход, разрешение и *rasa* – обилие, изобилие, изюминка, определяющими момент перехода из детства во взрослое состояние, связанное со значениями исп. *pasión* – страсти (страдания), страстное чувство, пыл, пристрастие, увлечение.

По смыслу распространения (посыла) с терминами «слава», «слыть» и «слово» может быть связано русское диалектное «слать» - расстилать травяные растения по поверхности земли для просушки (ассоциация с земной растительностью), разбрасывать навоз по полю (ассоциация с пометом, - то есть потомством, - животных), распространяться по земле (что может относиться не только к заявленному значению «пламя, пламень», но и к беспокойному человеческому племени). В то же время негативный смысл «славы» и «слова» может быть заключен в русских диалектных словах «слоть» - слякоть, дождливая погода и «слотить» - пачкать, грязнить, врать, пустословить, шутить, вести неприличные разговоры. Сюда же надо добавить английские слова *cloud* – омрачать, покрывать облаками или тучами, *clothe* — одевать, покрывать, *clot* – засорять, загрязнять и *clown* — грубиян, деревенщина, дурачиться, строить из себя шута (клоуна), что в определенной степени характеризует назойливого молодого самца с дурной славой, который в отличие от держащего свои чувства под контролем и поэтому по-хорошему славного парня или спокойного семейного человека «нависает» наподобие грозной тучи над испуганной девушкой - «землей» и засоряет ее голову разными выдумками в соответствии с англ. *clog* – надевать путы, препятствовать, мешать, засорять, загрязнять.

В таком случае английские слова *cloud* — покрывать, *clot* — комок, слипание, тупица, путаться, засорять, *clod* – ком, глыба, земное, плотское, тупица и *clatter* ['klætə] — болтовня, трескотня, злословие, сплетни, а также *clad* [klæd] — одетый, убранный (то есть покрытый) в сопоставлении с латин. *claudo* – запира́ть, окружа́ть, заключа́ть, имеют несомненный сексуальный подтекст, вариантом которого является кажущееся прижимание грозных небес к земле во время сильного дождя, похожее на ее «одевание». Но в то же время и спокойное небо, окружая землю, «одевает» ее в светлые небесные покрыва, что совместно с покрытием земли мрачными тучами соответствует смыслу русских слов «кора» - внешний защищающий слой, «кара» - наказание и санскритских слов *kaṇa* – почка, бутон, росток, зачаток, *kārā* (*cārā*) —

тюрьма. Однако при этом возникает понятие уютной и в то же время лишенной света материнской утробы, в которой до своего срезания «томится» чудесный плод - узник, произошедший от нередко греховных сексуальных действий, совпадающих со значениями санскритских слов śūr — бить, ударять и śūl — причинять боль в сопоставлении с дат. slā — бить, колотить и др.-сканд. slá — бить, косить, ковать, притом что значение «косить» можно сопоставить с санскритскими словами lava — резание, рубка, жатва, косьба и lavaṇa — срезание, покос, в то время как схожий по смыслу термин «резать» можно отнести к разрезанию пуповины, соединяющей рожденного ребенка с роженицей, к разрезанию невидимой нити, соединяющей выходящую замуж девушку со своим родом, а также к уходу повзрослевшего парня из родительского дома. Здесь явно применимо понятие образности, когда, казалось бы, разные значения оказываются семантически близкими друг другу, создавая единый образ или чем-то похожие образы.

2. С учетом же вошедшего в авторитет весеннего солнца, которое своими огненными стрелами прогоняет зиму и разрывает ее ледяные оковы, растапливая снег и образуя бурные потоки воды с одновременной игрой света, ко всем этим значениям можно добавить санскритские слова sag — течь, струиться, идти, бежать, sāra — прогоняющий, отпугивающий, сильный, крепкий, ценный, лучший, śara — стрела и śāl — говорить, хвалить, светить, śal — встряхивать, дрожать, колебаться, а также русское слово «заря» с вариантом «зоря», потому что заря имеет колеблющийся и отпугивающий ночной мрак свет. Однако слова «зар» - волосы на лобке и «зор» - сила, мощь из языка крымских цыган, подкрепленные киргизскими словами «заар» - гнев, ярость, грозный, рассвет, «зар» - золото, сильная нужда, горести, переживания, плач и «зор» — большой, громадный, сила, насилие, как и русские диалектные слова «зарный» - горячий, страстный, азартный, возбуждающий желание, «зорник» - озорник, буян, указывают на мифологическую связь восхода солнца и начала весны со стартом человеческой жизни, которая начинается с периода взросления, связанного с общим укреплением организма и получением мощной сексуальной силы, когда подросток становится «шалым» и страдающим от прилива гормонов, но в то же время он становится и «шалоумным» — беспутным и легкомысленным. Сюда же надо отнести и слово «шаломут» - смутьян, потому что повзрослевшие подростки начинали и начинают до сих пор бунтовать против родительской опеки, что ведет к появлению их самости.

Эту наполненную горячими чувствами человеческую жизнь от наступления половой зрелости до угасания сексуального желания (с делением на периоды юности и возмужалости) можно сравнить с киргизским словом «жар» - возлюбленный, возлюбленная, жена или муж, период до преклонного возраста. Любопытно, что даже выражение «нагуливать сало» (то есть «жировать» - кормиться) в настоящее время относимое к животным, может скрывать в себе смысл плодородия, в том числе и сексуального, на что указывают санскр. jīra — быстрый, сильный, возбуждающий и др.-гр. πᾶχύς — крепкий, жирный, плодородный в сопоставлении с русскими словами «жир» и «пах» (плодородный орган). А это значит, что слово «сало» древнейшими смыслами связано со словом «шалый» - гуляющий, что подтверждается сочетанием русских диалектных слов «салить» - проявлять нежность, любовь, ласку и «гулёный» - холостой, «гулёна» - распутница. Да и другие диалектные слова «жировать» - заигрывать, ухаживать за женщинами, свободно вести себя с мужчинами (о девушке) и «жировик» - внебрачный ребенок имеют очевидный сексуальный смысл.

На особый период, связанный с появлением плодородных способностей, указывает еврейское слово salav — ступень, стадия, этап в сопоставлении с другими еврейскими словами sha'al — желать, просить, требовать (начальный этап развития)

и shâlav – быть спокойным, защищенным и процветающим (завершающий этап). При этом неуравновешенность мятежного подростка можно связать с русским словом «шалава» - бродяга, негодник, шальной, безрассудный, беспутный, а спокойное состояние уверенного в себе молодого человека хорошо сопоставляется с еврейскими словами salauan – отрада, утешение и salah – хорошее состояние, доброта, право, хорошее поведение, что можно отнести ко всей преодолевшей игру гормонов и ставшей законопослушной и мирной молодежи, определяемой словами «славник» - завидный жених и «славница» - красивая и добропорядочная девушка, достигшая брачного возраста. По своим качествам такая молодежь готовилась стать полноправными членами сельской общины, или «мира», в отличие от «шаломутов» - смутьянов и «шалоумных» - беспутных и легкомысленных юнцов. Поэтому сравните евр. «шалом» - мир и араб. «салам» - мир, благополучие с русскими словами «мир» - спокойствие и «мир» - земля, вселенная, свет, сельская община. В то же время евр. sal – темный, сумрачный можно сопоставить не только с безграмотным детством и затемненным сознанием мятущейся юности, но и с темной материнской, похожей на земную, утробой (санскр. śālā — жилище, фр. sol - земля), с которой ребенок до своего совершеннолетия сохраняет сакральную связь, образно находясь «у матери под юбкой», а евр. sar – правитель, властелин, как и нем. Zar – царь, государь, хорошо сопоставляется со стоящим в вышине солнцем (санскр. sūg — солнце, небо, латин. sol - солнце).

Очень любопытно и евр. servi (sarvi), которое является сокращением от евр. servadio – слуга Божий и имеет несколько иную интерпретацию, чем средневековое «серв» - крестьянин, находящийся в зависимости от феодала, притом что титулы «ваша светлость» и «ваше сиятельство» как бы намекают на желание правителей примкнуть не к земле, а к небу. То есть такой «светлый» правитель заведомо ставил себя в положение вышестоящего, а своих подчиненных крестьян относил к низестоящим «темным» людям, а фактически к детям или ребятам матушки- земли, что имело отражение во взаимной связи хозяина - мужчины и зависимой от него женщины. Вспомните, как до сих пор большие руководители — условные «сэры» или «сиры», что совпадает с евр. sar - правитель, властелин, царь,- нередко называют своих подчиненных ребятами, но их самих так никто не называет. По своей сути сакральный смысл имеется и в вызывании «на ковер» с целью излечения нерадивого работника от бесплодности его работы, потому как ворсистая поверхность ковра могла восприниматься как травяное покрытие земли, а первоначальные изображения на нем олицетворяли земную флору и фауну совместно с географическими объектами.

Если же взять латинские слова salveo – быть здоровым, здравствовать, salvus – целый, непорочный и servio – усердно служить, заботиться, servus – служилый, зависимый, а затем еврейское слово servi (sarvi) в значении «слуга Божий» сопоставить с другими еврейскими словами selvin – задушевный друг и salvy (šālēw) – безмятежный, счастливый, к чему можно добавить sarvi – кипарис (потому что это дерево является фаллическим символом и символом жизни, славы, надежды, юности и плодovitости), то обнаружится смысловая связь с поклонением божеству — опекуну лесного и земного плодородия,- которое в римской мифологии обозначалось словом Silvanus (этруск. Селванс), что соответствует латинскому и еврейскому silva – лес, растения, притом что лес, являясь символом тайны, глубины и загадочности, может олицетворять собой женское начало. Поэтому человек блуждает не только в лесу, но и запутывается в любовных отношениях.

Наименование божества Silvanus можно сравнить с санскритскими словами śīl — учить, почитать, посещать и vana – лес, роща, дерево, заросли, вода, однако другие санскритские слова śīla — колос, жатва, śīlā — камень, скала и śīla — нрав, характер,

привычка, добродетель могут ассоциативно указывать на подростка переходного периода, когда крепнет организм и появляются бунтующая самость, а также возникают сексуальные желания в виде беспочвенных фантазий, что соответствует санскр. *vanī* – желающий, вожделеющий и латин. *vānē* – тщетно, впустую. Именно в эту пору и необходим доброжелательный наставник или опекун, который установил бы тесную связь со своими подопечными, чтобы «возделывать» их и наблюдать за ними в соответствии с латин. *servo* – наблюдать, следить, охранять, чем и занималось божество лесов и полей *Silvanus*, причем оно было крепко-накрепко привязано к месту своего служения. При этом нужно понимать, что дерево в психологии часто выступает синонимом личности, которая стремится выделить себя из общего «леса», а поле (или земля) выступает в качестве рожающей материнской утробы. Любопытно, что даже значения евр. *vane* (*vane*) – флаг, знамя, хвост в сопоставлении со значениями санскр. *vana* – лес, роща, родник, изобилие, страстное желание, неизвестная земля символизируют об уверенности и о стремлении к победе, как и поднятый вверх большой палец руки, соответствующий поднятому вверх знамени или хвосту. Еще одно знаковое евр. *sil* – веревка вовсе не так просто, как кажется, потому что веревка в символике означает тесный союз материального и духовного, тела и души, земли и неба, а также женщины и мужчины.

В случае же сопоставления санскр. *śīl* — учить, почитать, посещать, где предполагается связь учителя (опекуна) с учеником в заповедном месте (условной школе), и латин. *sīl* – желтая охра возникает образ бледного от переживаний подростка — ученика с учетом сравнения древнегреческих слов *ῥῶρα* — желтая охра и *ῥῶραω* — бледнеть, что можно также сопоставить с использованием охры в погребальных обрядах. Объяснить такое сопоставление можно через восприятие жизненных переходов как процесса трансформации из одного состояния в другое, когда человеческая сущность постепенно проходит через знаковые стадии отмирания прежнего и рождения нового, — так «отмирающее» детство превращается в юность, а «отмирающая» юность превращается в молодость и затем зрелость, которая с течением лет переходит в старческое отмирание, связанное с большим жизненным опытом и культом предков. Можно также обратить внимание на общий корень у слов «желтый» и «зеленый», притом что ранняя юность может быть не только зеленой, но и бледной, — то есть пока еще недостаточно яркой, в то время как наступившая зрелость связана с красным цветом, — не случайно же в древности повзрослевшие люди мазали красной охрой тело и бороду.

Трудно сказать, было ли лесное и земное божество Сильван в пантеоне кельтских друидов, но образная связь между ним и языческими священнослужителями существует, что подтверждается значениями санскритских слов *dru* (*dāru*) – дерево, *dar* – принимать во внимание, поклоняться, *dāru* — щедрый, обильный и *īd* — восхвалять, превозносить, взывать, умолять, *īd* — услада, отрада, молитва (при жертвоприношении), *īdā* — земля, а также *idh* – гореть, светить, сиять, потому что без солнечного божественного света лес и земля не будут щедрыми и обильными. Сюда же можно добавить и слово «друг» не только в значении «близкий человек», но и в значении «любовник» с особым «наркотическим» очарованием и «лекарственным» утешением в соответствии с англ. *drug* – снадобье, лекарство, препарат, наркотик, дурман, что по своему внутреннему смыслу соответствует санскритским словам *śīl* — учить, почитать, посещать и *śāl* — говорить, хвалить светить, а также латин. *sol* – солнце и евр. *sela* – скала, утес, камень, которые определяют понятие светлого мужского начала, окрепшего в своей самости. Но в то же время фр. *sol* – почва, грунт, земля и евр. *sal* – темный, вялый может относиться не только к темному женскому началу, но и к вялому мужскому естеству, устремленному не в небо, а к земле. При этом любопытно и латин. *sāl* – соль, рассудок, ум, шутка, острота, потому

что настоящей «солью земли» является подросшая и набравшаяся ума молодежь, которая с одной стороны стремится погубить женскую честь (землю), над ней подшучивая и ее «подсаливая», а с другой стороны дает начало новым межполовым отношениям и, благодаря этому, новой человеческой поросли.

В данной связи интересны значения порт. *sagaças* — любовный напиток, приворотное зелье, колдовство, чары, отнесенные к бурному потоку солнечного тепла и света, которые могут сохранять в себе образ небесного «знахаря», запирающего зиму и излечивающего землю от болезненной стужи и от ее бесплодия, на что указывает порт. *sagar* — исцелять, вылечивать. Что же касается венгерского языка, то в данном случае из него помимо *sül* — жариться, печься и *súly* — вес, бремя, значимость, авторитет можно выбрать слова *sár* — грязь, слякоть, *sárga* — желтый и *sarj* — побег, росток, отпрыск, потомок, а также *zár* — запор, задвижка и *zord* — плотный, сильный, грубый в сопоставлении с *zöld* — зеленый, которые вписываются в систему взаимоотношений молодого и жаркого солнца и готовой к плодородию земли, что естественным образом переходит на взаимоотношения светлого мужского начала и темного женского. Здесь даже значения *sarj* — побег, росток, отпрыск, потомок, *sár* — грязь, слякоть и *zár* — запор, задвижка ассоциативно указывают на некую границу, отделяющую теплое время года от холодного зимнего времени с застывшей напроць землей и теплую молодую пору от холодных в сексуальном отношении детства и старости, что позволяет сравнить эти слова с санскр. *śrā* — созреть и перс. *šâl* — шерстяная материя (русс. «шаль») с учетом того, что шерсть, или мех, является символом богатства и процветания. В данном случае подобная «шерстяная материя» может соответствовать многочисленным солнечным лучам и обильному травяному покрову, который появляется с наступлением «запирающей» зиму весны. Соответствует она и появлению лобковых волос у подростков.

Обратим теперь внимание на санскритские слова *śrava* — желание восхвалять, *śrāva* — слушающий, внимающий и *srava* — текущий поток, сопоставив их со словом *gava* (*gāva*) — крик, звон, плач, рев, любой шум или звук, значения которого можно воспринимать как отражение текущих потоком звуков весенней природы и даже как отражение страстных человеческих просьб к тому, кто обладает большим авторитетом, на что указывает соединение санскритских слов *ga* — любовь, желание, отдача или *gā* — давать, дарить, жаловать с санскритским словом *va* — обращение, почтение, примирение, которое имеет вспомогательные смыслы «сильный, могущественный, заклинание». Дополнительно с санскритскими словами *śrava* — желание восхвалять, *sārāva* — кричащий, плачущий, зовущий и *gava* (*gāva*) — крик, звон, плач, рев, любой шум или звук можно сравнить венг. *zörej* — звук, звон, шум, шелест и русские диалектные слова «зорник» — буян и «зорить» — блеснуть, созреть, присматривать, беспокоить, разорять, плакать, что равнозначно сопоставлению слов «срывать», «сорвать» и «рвать», которые могли образно относиться к рождению ребенка и к уходу созревшей и поэтому славной молодежи из отчего дома на зов сексуальной природы, воспринимаемых в качестве сорванного плода. Данный вывод соответствует сочетанию санскритских слов *var* — любить и *varj* — срывать. В то же время в санскритском слове *śravas* — звук, слава, призыв, внешность, восхищение, награда есть элементы, соответствующие санскритским словам *śrā* — созреть и *vas* — сиять, сверкать, светить, одевать, что соответствует как яркости юношеской поры, так и стремлению хорошо одеваться, чтобы понравиться противоположному полу. Сюда же надо отнести и санскр. *vaś* — страстно желать, любить, помогать.

Если воспринимать пылкость характера в качестве южного темперамента, а сдержанность и хладнокровие как проявление северного характера, то следует обратить внимание на латин. *sēvērus* — строгий, суровый, воздержанный,

закаленный, чьи значения в сопоставлении со значениями санскритских слов *sāvara* (*śāvara*) — злой, зловредный и *śavara* (*śabara*) — пестрый, пятнистый, похожий на дикаря или варвара, могут описывать молодых brutальных самцов в отличие от несдержанных юношей. В таком случае санскр. *śabara* — похожий на дикаря или варвара можно сопоставить не только со словом «сябер» - сосед, товарищ, соучастник, но и с диалектным словом «варвар» - милый, дорогой, любимый человек, что можно образно отнести и к молодому любовнику. Дополнительно можно указать на французские слова *mâle* — самец и *mal* — злой, а также на старослав. «зѣло» — беда, грех и «зело» - очень в сопоставлении с др.-русск. зѣль — сильный. Этим смыслом соответствует слово «зелье», которое могло когда-то обозначать любовное «варево» в соответствии с санскритскими словами *var* — отбирать, покрывать, любить и *vār* — вода. Более того, в круг любовных значений можно ввести и слово *svara* (*svāra*) — голос, звук, которое соответствует признакам полнокровной жизни в отличие от полного безмолвия, когда не достигший совершеннолетия ребенок был лишен так называемого права голоса. При этом вспомните о русской поговорке «милые бранятся - только тешатся», на самом деле скрывающей любовные разговоры друг с другом. Следует также обратить внимание на образную тождественность элементов *sva* — свой и *śra* — варить, доводить до готовности, делать зрелым, -га 'обладающий, способствующий' и *vas* — жить, сиять, *vā* — соединять, распространяться, соответствующих санскритским словам *svara* — голос, звук и *śravas* — звук, призыв, слава, пыл, внешность, где проводится параллель между терминами «свой» и «приготовленный, созревший», а также между терминами «обладающий, способствующий» и «живой, сияющий», которые в полной мере можно отнести к яркой и получившей особую силу молодежи, благодаря чему она входит в особо значимый круг «своих», что соответствует санскритским словам *vara* — круг, избранник, любовник, жених, супруг и *vāra* — богатство, сокровище.

Призывные звуки есть и в мире животных, - так, например, соловей во время любовного томления теплыми майскими ночами подзывает самочку своими залихватскими трелями, но в то же время и тигрица в брачный период может издавать призывные ревушие звуки. Даже плач человеческого ребенка, переходящий в рев, относится к способам обратить на себя доброжелательное внимание. Вероятно, для того, чтобы отделить такие звуки от звуков, несущих в себе функции уже взрослой мольбы и молитвы, к слову *rava* (*rāva*) — крик, звон, плач, рев, любой шум или звук было добавлено начальное «ś», которое можно сопоставить с санскр. *śa*, равным *śastra* — призыв, хвала, восхваление и *śiva* — дружественный, благосклонный, целебный, притом что бог Шива считается верховным божеством, создающим, защищающим и преобразующим Вселенную, выступая при этом в роли всеведующего йога, домохозяина, истребителя демонов и даже в роли лингама — символа божественной производящей силы.

Разница между словами *śrava* — желание восхвалять и *śravas* — звук, слава, призыв, внешность, восхищение, награда может присутствовать в санскритском слове *as* — быть, существовать, служить, становиться, делаться, стрелять, метать, бросать в сопоставлении с санскритскими словами *īś* — властелин, владыка и *iś* — сила, мощь, возбуждать, желать, способствовать, что изначально могло относиться к блестящим небесным светилам, чьи острые лучи служат для освещения земной поверхности и для питания земных растений. На это указывают санскритские слова *vas* - сиять, сверкать, светить и *vaśa* — влияние, растопленный жир с учетом русских диалектных слов «жира» - место кормежки, жизнь, существование и «жирный» - большой, обильный, сочный (о траве), сильный (о свете). В таком случае термин *śravas* может относиться к светлому небесному Владыке или же к светлому земному правителю, а термин *śrava* — к подчиненному им человеку, который при этом сам

становится славным, потому что на него падает отсвет небесного величия. Косвенно на это указывают титулы «ваша светлость» и «ваше сиятельство», употребляемые по отношению к очень высоким особам. Что же касается окончания «as» в слове śravas применительно к русскому языку, то его любопытно сопоставить с почтительными словами «извольте-с», «да-с», «ждем-с» и т.д. При этом надо помнить и о поклонах, которые в древности отдавались славянами при встрече друг с другом, что означало уважение, а значит и славление.

Следует также указать на санскритские слова avas – способствование, поощрение, радость, желание, потребность, вниз, внизу и āvas — отправляться, идти, жить, пребывать в сопоставлении с ava – благосклонность, av(a) — способствовать, насыщать, защищать, желать, любить и āvā — втыкать, вплетать, что соответствует «метанию» ярких небесных лучей на землю. При этом санскр. as - быть, существовать, служить, становиться, делаться можно сопоставить с фр. as – туз, имеющим современное значение «мастер своего дела», притом что слово «туз» можно сравнить с санскр. tuṣ — быть довольным, наслаждаться, удовлетворять, ублажать,- то есть получать славу и делать благо, что, в свою очередь, соответствует значениям aś — есть, пить, наслаждаться, достигать, овладевать, проникать, наполнять. В этом и состоит служба или помощь «светлого небесного мастера», которому люди, жившие на земле когда-то воздавали соответствующие жертвоприношения. В роли такого мастера выступает и бог Шива, с которым сравнительная мифология отождествляет Диониса, бога производительных сил природы, вдохновения и религиозного экстаза, а сейчас к подобному небесному мастеру пытаются примазаться не только самый ничтожный из земных правителей, но и разнообразная попса, живущая на деньги своих почитателей.

Таким образом происходит объединение значений «быть довольным, наслаждаться» и «удовлетворять, ублажать», относящихся к более высокому и менее высокому статусам взаимодействующих объектов, один из которых окормляет и защищает другого или других, получая в ответ благодарность и повиновение, что объясняет сочетание турецких слов Rab – господин, владелец, бог и rabit – связь, соединение со славянскими терминами «раб» и «роб», обозначающими подчиненное положение. Но эта подчиненность относится к двум сторонам подобной связи, которая представляют из себя божественный симбиоз. Так небо соединено с землей и земным населением, правитель соединен со своей страной и своими подданными, учитель соединен с учением и с учениками, работник соединен с местом своей работы и с ее результатами, а муж соединен с женой и со своими детьми. Такими соединениями пронизан весь мир, где каждая отдельная часть тесно связана со многими другими частями, а значит находится в исконном состоянии общественного «рабства», для упорядочивания которого требуется жесткая иерархия. Поэтому когда-то не только слово правителя было законом для его подчиненных, но и слово супруга также было непрекаемо для его супруги и остального семейства. Однако при этом правитель и супруг в своих зонах ответственности должны были следить за благополучием своих подданных.

Ровно также и женский работающий орган вначале соединяется с мужским, а затем так называемая пуповина соединяет его с только что родившимся ребенком, что объединяет в единое целое слова «основная женская работа» и «трудиться» - рожать. Любопытно, что при этом славянский термин «слава» - широкая известность, популярность, высокая репутация фонетически и образно схож со швед. slava — работать как каторжный, в то время как русский термин «труд» может относиться не только к работе и заработку, но также к боли и родам. Конечно, здесь нужно учитывать тождественность физической работы с землей и сексуальной работы с женщиной, чья работа, в свою очередь, из-за многочисленных родов была

тождественна тяжелой работе крестьянина в поле. Благодаря этому, славян в общей своей массе много, а шведов, как и других европейских народов, относительно мало.

Если же мы возьмем санскритские слова *śrava* — желание восхвалять и *as* — быть, существовать, служить, становиться, делаться, стрелять, метать, бросать, то их объединение в слово *śravas* — звук, слава, призыв, внешность, восхищение, награда можно воспринимать как прославление небесных светил, которые освобождали мир от темноты и, способствуя росту растений, давали людям пищу. По ассоциации подобные взаимоотношения между небесным и земным перешли на взаимоотношения между двумя человеческими полами, а также на взаимоотношения между взрослым человеком, принадлежащим нашему миру, и ребенком, который до своего окончательного созревания по своей сути связан с потусторонним миром женской утробы, — то есть находится у матери «под юбкой». Поэтому обратите внимание на санскритские слова *rabh* — начинать, хватать, страстно желать, действовать необдуманно и *rabhas* — сила, мощь, которые через соответствие *bh* / *v* образно связаны с санскритскими словами *gava* (*gāva*) — крик, звон, плач, рев, любой шум или звук и *ravas* — обильный.

При этом значения *rabh* и *rava* (*gāva*) относятся к юному и поэтому не статусному поколению, на что указывает санскр. *rabha* — обезьяна (то есть как бы «недочеловек», чем по своей сути является и несовершеннолетний ребенок), а значения *rabhas* — сила, мощь и *ravas* — обильный относятся к молодому человеческому существу, достигшему своего наивысшего развития. Одновременно все эти значения связаны с началом шумного дня после восхода солнца, которое изливает особо жаркие лучи, находясь в зените, притом что слово «зенит» может быть связано со словом «жених». Естественно, что при этом элемент *bha* имеет значения «звезда, созвездие, светило, солнце», а родственные ему слова *bhā* — светить, появляться, быть, иметь место и *bhās* — сверкать, сиять, быть явным и осененным мыслью, а также *bhāṣ* — звать, призывать, говорить, разговаривать, можно отнести не только к появлению ярких небесных светил, но и к появлению сформировавшихся и получивших право голоса самца и самки, которые в своем молодом возрасте имеют блистательный вид и готовы не только получать, но и отдавать в соответствии с санскритскими словами *gā* — давать, дарить, жаловать и — *ga* 'обладающий, дающий займы, способствующий', притом что словом *Ra* в Древнем Египте называли бога солнца.

3. В то же время начальное *śr* в санскритских словах *śrava* — слух, ухо и *śravas* — звук, слава можно сравнить с санскритскими корнями *śṛ* — бить, разрывать и *sṛ* (*sar*) — течь, струиться, идти, бежать, значения которых можно истолковать в качестве звука, разрывающего тишину, потока воды, разрезающего сушу, или солнечного света, пробивающего ночную тьму, что соответствует санскритским словам *sūr* — солнце и *śār* (*sār*, *śṛ*) — быть слабым, — то есть не обладать достаточной крепостью, — хотя слабым в начале и к концу дня может быть и само дневное светило, изливающее на землю солнечный свет. В то же время сопоставление русского диалектного слова «бить» — издавать звук, бушевать, помогаться, метать икру и санскр. *bhīti* — страх, тревога, опасность может ассоциативно обозначать чувство возбуждения, связанное с соблазнением, и чувство опасения, связанное с родами, что обозначает возможность перехода из одного состояния в другое. На это же указывают английские *beat* — бить, побеждать и *beat the bounds* — выйти за рамки дозволенного. Однако эти же значения можно воспринимать и в качестве исхода внешне слабого ребенка, который настойчиво «пробивает» материнское лоно, чтобы наподобие солнца явить свой лик миру, на что указывают санскритские слова *dāra* — детеныш, сын и *dāra* — раскалывающий, разбивающий, расщепляющий. Тем не менее в конце человеческой жизни наступает уже старческая слабость, которая

свойственна и нашему дневному светилу, утрачивающему свои силы в конце дня или года. Подобную образность также имеет половой акт в качестве «любовной баталии», по своей сути тождественный ударам кетменя, заступа или мотыги, которыми перед посевом крестьяне разрыхляли земную твердь. Любопытно также сравнить русские диалектные слова «срам» - мусор, «срамживать» - соединять и «срамота» - стыд, бесчестье с санскр. śram – прилагать усилия, уставать, в которых имеется намек на половые отношения, притом что дополнительное śram — подавлять чувства указывает на сексуальное воздержание. Поэтому значения санскритских слов śrā — доводить до готовности, делать зрелым, śri — прилипнуть, зависеть, смешивать, кипятить, красота, успех, богатство, наряд и śru — слышать, прислушиваться, внимать, изучать могут определять наступление юношеского возраста, когда приходит пора завязывать тесные межполовые отношения, связанные с русскими диалектными словами «бить» - домогаться и «рвать» - действовать с горячностью, вместе с тем порывая со своим сексуально холодным детством.

Согласно указанному в начале статьи переходу звуков г-л в разных языках, следует обратить внимание на соответствие санскр. śār (sār, śr̥) — быть слабым со швед. slö — слабый, а санскр. śr̥ (śūr) — бить, разрывать со швед. slå — бить, колотить, в то время как санскр. śru — прислушиваться, внимать, изучать (на слух) и др.-ирл. clú — слава можно образно сопоставить с русским словом «слух» и со швед. sly – побеги, - то есть вырастающее славное потомство, которому приходила пора обучения с помощью сказанного жрецами Слова. На связь побегов с человеческой порослью косвенно указывает шведское slyna – неразборчивая в общении с мужчинами женщина, если сопоставить термин «побеги» не только с каким-то количеством рожденных детей, но и с количеством внебрачных связей. При этом шведское слово slyna образно совпадает с русским диалектным словом «слюндать» - пачкаться в грязи, что соответствует испорченному имиджу гулящей женщины. Поэтому швед. sly – побеги образно схоже с новонорв. sly (sli) – слизь и с новошведским диалектным sly (sli) – заболоченное поле, что и дало столь негативное значение слову slyna. Сюда же надо отнести старинное русское выражение «слюну пущать» - испытывать сильное желание (например, при виде сексапильной девушки). Дополнительно можно сопоставить санскритские слова sr̥ (sar) — течь, струиться, идти, бежать и sal – идти, двигаться, переходить, которые также указывают на сочетаемость звуков г и л. В данном случае совершенно очевидно, что санскритские слова śr̥ (śūr) — бить, разрывать и śār (sār, śr̥) — быть слабым, а также шведские слова slå — бить, колотить и slö — слабый, можно отнести не только к расположению солнца в зените, когда оно наиболее сильное и от него можно получить «солнечный удар», но и к восходящему и заходящему солнцу, когда его силы минимальны, а также к тому факту, что даже самый сильный человек после полового акта расслабляется.

С учетом же связи появившейся детородной славы с известностью и распространением соответствующих слухов нужно обратить внимание на шведские слова av – прочь, вон, долой и avi – уведомление, извещение, которые можно сопоставить с санскритскими словами av – побуждать, насыщать, приводить в движение, приносить жертву, vā - распространяться и ava- 'движение прочь', āvi — боль, страдание, родовые схватки, что можно отнести не только к рождению ребенка, но и к переходному возрасту, когда половозрелые самец и самка уходят из родительского дома. В таком случае соединение шведских слов slå — бить, колотить и avi – уведомление, извещение можно образно сопоставить, например, с толчками внутриутробного плода, указывающими на скорые роды, или с учащенным биением сердца, свидетельствующим о возникновении любовного чувства, в то время как соединение санскритских слов śrā — созреть и vā — распространяться, могло бы

стать описанием наступления детородной «славы», которая в религиозном смысле отображается через звон колоколов, приглашающий на богослужение сакральной плодородной силе (хорошая слава) или предупреждающий о приближении опасного события (дурная слава), поэтому сам образ колокола с бьющимся в нем языком является не чем иным, как символом объединения женского (коло - круг) и мужского (кол в центре круга) начал.

Конечно же, сказанное слово может быть «острым», а слава в древние времена могла добываться с помощью острого меча, но в отношениях между любящими людьми, восхваляющими друг друга и почитающими своих ушедших предков, такая острота слова и славы, в общем-то, не нужна, поэтому и нет окончания *as* – быть, существовать, служить, стрелять, метать, бросать в славянском термине «слава», которая может быть и посмертной, - хотя по-прежнему существует значение «стрелять глазами», - то есть флиртовать. К тому же самая настоящая слава была у девственных и поэтому до поры до времени спокойных подростков, которые в прошлом особенно почитались, благодаря своей нерастраченной сексуальной силе, что позволяло им быть в услужении у жрецов и жриц из-за того, что их девственность не считалась принадлежащей живому миру. Однако при этом значения санскритских слов *vas* – сиять, сверкать, светить с дополнительным смыслом «одевать» и *vaśa* — растопленный жир хорошо соотносятся с видом красиво одевавшихся «женихов» и «невест», в то время как русское диалектное слово «жировать» - флиртовать можно сопоставить с санскр. *vaś* — страстно желать, любить, что является неременным атрибутом не всегда добропорядочной славы.

С учетом внутренней связи терминов «отдавать», «отрезать» и «скашивать», а также «издавать звук» и «внимать», к санскритским словам *ga* – любовь, желание, отдача или *gā* – давать, дарить, жаловать можно добавить схожее по смыслу санскр. *la* – начинать, приобретать, отдавать, акт взятия или отдачи, а к санскритским словам *gava* (*gāva*) — любой шум или звук и *śrāva* — слушающий, внимающий можно добавить санскр. *lava* (*lavya*, *lāvyā*) – акт срезания, скашивания, жатва, что ассоциативно соответствует словам «внимать» (выделять определенные звуки из общего звучания) и «вынимать» - отделять. Так внимающий ученик как бы забирает себе сказанное или «срезанное» с уст учителя Слово, что любопытным образом позволяет соединить русское слово «уста» - губы и гагаузское (караимское, ногойское) «уста» - мастер, знаток. При этом даже элемент «ус» в случае сопоставления его с санскритскими словами *uṣ* - утро, рассвет, гореть, поглощать и *uṣa* — сияющий, сверкающий, жаждущий, стремящийся, а также *vas* (*uṣṭa*) – сиять, сверкать, светить, указывает на утро человеческой жизни, когда у подростка начинают расти борода и усы, а также появляется возможность стать мастером (асом) своего дела, что любопытным образом сочетается с санскритскими словами *ṭa* — звук, клятва и *ta* — matka, воин, вор, прегрешение, добродетель, где присутствует намек на добрую или дурную славу, возникающую с ранней молодости. Не случайно же уста, то есть губы, имеют яркий цвет, да и бороду с усами зрелые мужчины когда-то красили красной охрой.

Исходя из вышесказанного, любую часть учения можно воспринимать как плод, сорванный с дерева, или вынутый из земли. При этом необходимо учитывать тот факт, что элемент *va* – обращение, почтение, примирение в санскр. *śravas* — призыв, слава со своими дополнительными смыслами «сильный, могущественный, заклинание» может относиться к взаимодействию смиренного ученика или послушника и его учителя, в роли которых также могли выступать жрец и его языческое божество, которому он возносил молитвы и заклинания. Поэтому санскритские слова *la* – начинать, приобретать, отдавать, акт взятия или отдачи в сопоставлении с *ga* – любовь, желание, отдача и *va* – обращение, почтение,

примирение, сильный, могущественный, заклинание весьма органично сочетаются не только с санскритскими словами śa – призыв, хвала, восхваление, дружественный, благосклонный, целебный или sa- 'с, вместе с', но и с другим санскритским словом pa – знание, решение, в то время как их соединение в слово lavaṇa имеет значения «срезание, жатва, косьба, серп, нож, резчик, жнец» в сопоставлении со словом lavaṇa — соленый, статный, красивый, сделанный со вкусом, где значение «соленый» можно объяснить тем фактом, что влюбленного человека древние римляне называли salax – посоленный. При этом санскр. ślavana (śravaṇa) — хромой, прихрамывающий помимо демонического значения хромоты, свойственной Демиургам (творцам) или героям, может являться аллегорией такого же демонического по своей сути полового акта, сочетающегося с движениями туда-сюда, напоминающими качание маятника или походку хромого человека.

В таком случае еще одно санскритское слово śravaṇa — слушание, учение, репутация, зов, приглашение с элементами śa – призыв, хвала, восхваление, дружественный, благосклонный, целебный и gavaṇa — звучный, кричащий, поющий можно сравнить с санскритскими элементами sa- «с, вместе с» и lavaṇa - срезание, жатва, косьба, серп, нож, резчик, жнец с учетом так называемых жнивных песен, сопровождавших уборку урожая, и по своей сути одинаковых смыслов у санскритских элементов śa — призыв, срок и sa- «с, вместе с», а также ga — любовь, отдача и la — начинать, приобретать, отдавать, потому что любовные отношения начинаются с зова человеческой природы, когда «гуляющая» молодость во время своей кратковременной свободы от семейных уз учится не только получать, но и отдавать, что в частности соответствует передаче вено (выкупа за невесту) и получению взамен полюбившейся девушки. Все значения этих слов весьма подходят для сферы деятельности статных и красивых славян, которая была тесно связана с многочисленными обрядами и песнями во время пахоты, посева и уборки урожая. Но при этом данные слова несли в себе и другие смыслы, такие как рождение ребенка-ростка, который издает свой первый крик, и уход подростка на инициацию, связанную с передачей ему разного рода знаний, а также смысл так называемых свадебных плачей, знаменующих уход выходящей замуж девушки, «срезанной» молодым «жнецом», в чужой для нее род. Сюда же можно отнести и смерть человека, скошенного незримой «косой» с мирского «поля». Частью исследуемых славян являются сербы, чье название может быть одновременно связано с перс.-тур. serbes – свободный, индоевр. *ser-v- 'охранять' и слав. *sъrbъ — союзник. Более того, этноним «сербы» можно сопоставить с еврейскими словами servi – слуга Божий, serbu – служитель, прислуга, невольник, человек, serber – праздник, торжество, гулянье, встреча и даже с латинск. servio – посвящать себя, усердно служить, находиться в подчинении, что дало расширенно трактуемое значение «раб», каким в частности мог быть подросток или юноша, прислуживавший священнику во время религиозных праздников,- так называемый «раб Божий». Образно с этими недостаточно «взрослыми» прислужниками в церкви можно сравнить пажей знатных особ или же рыцарских оруженосцев, хотя и сами рыцари были озабочены служением Главе рыцарского ордена и даже служением какой-нибудь собственной Даме сердца, как и знатные особы были озабочены служением королю, а священники усердно служили Богу. Да и сам король был вынужден заниматься делами своего королевства, а у самого Бога до сих пор имеется немало причин для приведения в порядок отбившегося от рук всечеловеческого мира. Таким образом все в мире взаимосвязано и все друг от друга зависит, находясь при этом в безусловном «рабстве» согласно перс. рабт — связь, соединение, скрепление и слав. «мир» - мирное сообщество, община.

Естественно, что прежде чем научиться что-то отдавать, нужно было приобрести

более высокий статус, что подтверждается потоком воды, текущим с горы в низину, и еще больше проясняет смысл русского термина «слава», связанного с санскритскими словами śrā — созреть и va — обращение, почтение, примирение, сильный, могущественный, заклинание, а также śravas — слава, зов, призыв и śrāva — слушающий, внимающий, — то есть стремящийся к знаниям, в том числе и стремящийся познать женщину. К этим словам нужно добавить санскр. śru — прислушиваться, внимать, изучать (на слух), причем сопоставление данных санскритских слов и русского слова «слух» с др.-ирл. clú — слава позволяет связать между собой термины «созреть», «внимать», «изучать» и «слава».

Подтверждают это и современные ирландские слова cáil — слава, репутация и cailín — девочка, девушка, подруга в сопоставлении с sac — экскремент, помет, испражнения, под чем можно понимать рождающегося ребенка и девушку, готовую к выдаче замуж в чужой род. Значение еще одного ирландского слова саса – торт, кекс относится к понятию испеченного пирога, который у осетин символизировал божественный, земной и загробный миры, в то время как круглый и румяный пирог у других народов мог служить символом солнца. Тем не менее стоит присмотреться и к английскому слову soil – почва, земля, сопоставив его с ирландскими словами cáil — слава, репутация и cailín — девочка, девушка, потому что землю и девушку объединяет славная способность рожать. Если же рассмотреть ирландские слова cá - что, где, сколько и il- 'много', то речь может идти об изобилии, которое приносит осознающая свою роль самка, послушная зову природы, что образно соответствует санскритским корням śa - призыв, хвала, sa – знание, sā (san) – достигать, получать, дарить, награждать и il – приводить в движение, побуждать, причем окончание in в ирландском слове cailín — девочка, девушка, подруга, отличающее его от слова cáil — слава, репутация, можно сравнить с санскритским корнем in – вселять силу, подбадривать, радовать, аналогом которого является переосмысленное нем. In – в, на, по, о, в котором сохранился смысл связи.

Если же учитывать в санскритском корне śa (=śastra) - призыв, хвала дополнительные значения «кинжал, меч, оружие», то они могут указывать на окончание переходного периода подростка мужского пола, по древним традициям вместе с правом голоса получавшего право на ношение холодного оружия, хотя кинжалами и ножами могли пользоваться и половозрелые особы женского пола. При этом такие парень и девушка начинали соответствовать др.-гр. κλέος — слух, весть, молва, слава, славные деяния и др.-ирл. clú — слава. Сравните также латинские слова glōria — слава и gladius — меч, а также английские word — слово и sword — меч, что указывает на соответствия русского звука «с» с иностранными «k, c, g».

С учетом же того, что мечи ковались (или отбивались) кузнецами и подвергались закалке, что соответствует жреческому воспитанию подростокшей молодежи во время ее инициации, к этим словам нужно добавить помимо санскр. śrā — зреть, созреть и швед. slå — бить, колотить русское слово «калить» и бурят. «гал» - огонь, костер. Дополнительно удмурт. ме́ч — крутой, отвесный задает не только направление удара мечом, но и «крутизну», испытываемую в молодом возрасте. Можно даже указать на связь санскритского слова śrā — созреть и русского слова «сор», потому что любой сор представляет из себя отбросы или выделения. Так перезревшее зерно может высыпаться из колоса, а созревший плод выделяется из материнской утробы, поэтому «сор» и нельзя (прежде времени) выносить из «избы», а сранью когда-то в шутку называли маленьких детей. В то же время «солить» - удобрять землю, делать сладким, «солёный» — дождь, идущий при свете солнца, «солидный» — статный, красивый и «солка» — прозвище крестьянина могут быть связаны с латин. sol – солнце и с выражением «соль земли», фактически означающим «земное отражение солнца».

С учетом же санскр. *lava* (*lavya*, *lāvyā*) – акт срезания, скашивания, жатвы и русских диалектных слов «лавазить» – часто ходить к кому-либо и «лавить» – собирать что-либо в большом количестве, прошедший инициацию парень был готов не только к войне, но и к сельскохозяйственным работам (битвам за урожай), а с учетом сравнения мужского органа с боевым оружием и сельскохозяйственным орудием он получал право создавать свою собственную семью и «строгать», а затем воспитывать, многочисленных детей согласно фр. *raboter* — строгать, шлифовать. Поэтому санскритские слова *śrava* – истечение, водопад, моча и *srāva* — течение, болезненный исход, выкидыш не только относятся к одной из общих функций полового органа человека, изливающего в молодом возрасте мощный водопад соленой мочи (слова «мощь» (мочь) и «моча» взаимосвязаны), но и по своей сути определяют рождение ребенка, воспринимаемого как Слово, сказанное женщиной, одновременно означающее и ее Славу. Вследствие этого женскую детородную область называют «материнским ртом», который поглощает отдаваемое мужчиной семя (еду) и изрекает младенца в качестве своеобразного отрыжки, или выкидыша, притом что термины «отдавать» и «изрекать» тождественны терминам «выкидывать» и «изрыгать». Сравните данное утверждение с религиозными словами: «Святой пророк говорит: Отрыгну из сердца моего слово благое. Так и ты, христианин, делай...»

4. При этом непосредственно с этнонимом «славяне» (словене) можно сопоставить санскр. *śravaṇa* — учение, слушание, репутация, зов, приглашение, в котором есть и смысл Славы, и смысл сказанного Слова. Одновременно санскр. *śravaṇa* — течение, испарина, пот, моча, выкидыш в сопоставлении с *gavaṇa* — ревуший, кричащий, звучащий иносказательно указывает на родовые муки, которые сродни тяжелой работе, что и отражено в русском народном слове «трудиться» — рожать. В то же время слово «моча» не случайно схоже со словом «мочь» – уметь.

В данном случае любопытно сопоставить окончание этнонима «славяне (словене)» с санскритскими словами *van* (*vene*) – любить, нравиться, стремиться, обладать, помогать, готовить и *vanā* – любящий, просящий, стремящийся, а также с санскритскими словами *vuṇa* — дыхание и *vāṇī* — голос, речь, слова, музыка, в то время как элемент «ла» в термине «славяне» можно сравнить с санскритскими словами *la* – отрезать и *lā* – начинать, овладевать, жертвовать, которые могут иметь сексуальное значение, связанное с уходом обуреваемой желаниями молодежи из отчего дома, а также с передачей мужского семени и последующим рождением ребенка, что сопоставимо со значениями санскр. *ga* – любовь, желание, страсть, вожделение, дарить, жертвовать. Дополнительные значения *ga* – золотистый цвет, яркость, блеск, движение объединяют действия жаркого весеннего солнца по отношению к пока еще девственной земле с действиями светлого мужского начала по отношению к темному женскому. Ровно также день соотносится с ночью, оставляя в ней отблески своей светлой эманации в виде блеска ночных небесных светил. Ну и, наконец, начальное «с» в термине «славяне» можно сопоставить с санскритской приставкой *sa-*, выражающей значения связи, подобия и владения, не забывая при этом о ранее приведенных *śa* (=śastra) – призыв, хвала, кинжал, меч, оружие и *sa* – знание, медитация.

Таким образом термин «славяне» можно разделить на «с(а)» в сопоставлении с санскритскими словами *śa* (=śastra) – призыв, хвала, кинжал, меч, оружие и *sa* – знание, медитация, «ла» в сопоставлении с санскритскими словами *la* – отрезать и *lā* – начинать, овладевать, жертвовать и «вяне» (*vene*) в сопоставлении с санскритскими словами *van* (*vene*) – любить, нравиться, стремиться, обладать, помогать, готовить и *vāṇī* — голос, речь, слова, музыка, но при этом нужно учитывать, что соединение «с(а)» и «ла» может быть тождественным санскритским

словам śāla — палка, посох, жезл (символ духовной и светской власти) и śālā — дом, комната, помещение (символ убежища Великой Матери), а также śāla — находящийся под кровом, высокая пальма, вал, насыпь, ограда (символы первородства, триумфа и защиты); рыба (символ женского начала и плодородия).

В то же время элемент «вяне» (вене) можно разделить на «вя» (ве) и «не» (с учетом śravaṇa — репутация, слава), что можно сравнить с санскритскими словами va — сильный, могущественный, заклинание, ткач, стрела, почитание, жилище, вода, vā — дуть, веять, идти, распространяться, сплетать, соединять, уставать, любить, нравиться, стремиться, владеть, помогать и na — обруч, оковы, драгоценный камень, подарок, благоденствие, знание, музыкальный инструмент, цельный, совпадающий, пустое пространство, помещение, ũa — бык, еретик. В совокупности все эти значения могут относиться к бунтарскому и чрезвычайно любвеобильному молодому возрасту, когда приходит пора овладевать особыми знаниями, недоступными ребенку.

Поэтому под «жезлом» и «помещением» можно понимать мужское и женское начала, которые выступают не только в качестве подарка, но и оков, хотя несомненно несут в себе благоденствие и изобилие в виде продолжения рода. Сюда же надо отнести и выражение «познать женщину», на которой мужской «смычок» играет как на скрипке, притом что ткачество, где вместо смычка используется челнок, символизирует акт творения мира и жизненный путь человека. Дополнительно можно указать на то, что рыба ассоциируется с мудростью и прародителями, вода — с первоначалом, а прямо стоящая пальма — с благословением, честностью и со славой, — в славянской традиции ее место занимают священные деревья дуб и сосна.

Исходя из этого, связь славянина и славного молодого человека определяется значениями санскритских слов lavaṇa — срезание, покос, lavaṇa — соленый и gavaṇa — ревущий, кричащий, звучащий с учетом созревания колоса (убирают с поля) и созревания молодого человека (уходит из отчего дома на зов сексуальной природы), а также с учетом связи латинских и русских терминов sal — соль и sol — солнце. Можно даже сравнить французские слова salé — соленый и sale — грязный, мерзкий, непристойный с другим французским словом sol — почва, грунт, земля, что указывает на сакральную связь солнца (латин. sol) и земли (фр. sol) в качестве вечных любовников, когда солнце вечером идет к земле, а утром уходит от нее на небо). Поэтому соль является одним из символов гостеприимства, а значит и любви в форме дружелюбия.

В то же время значения санскритских слов van (vene) — любить, нравиться, стремиться, обладать, помогать, готовить и vana — лес, роща, заросли, дерево, вода, а также значения русских диалектных слов «вантажиться» — уделять много времени любимому или любимой и «ван» — трава, «вана» — полынья, можно сопоставить с тем фактом, что славяне всегда селились рядом с лесом и водой и передвигались с места на место всем «селом» по мере оскудения пахотной земли, что позволяет в качестве дополнения к славянскому образу жизни использовать значения санскритских слов sel (śel) — идти, двигаться, а также значения индоевр. sel — жилое помещение, общесл. selo — жилье и старосл. «село» — жилище, местопребывание, село, поле, луг, земельный участок с учетом того, что в древности значения «садиться» (то есть двигаться к месту посадки) и «сидеть» могли обозначаться одним словом.

К этим значениям примыкает и внутренний смысл слова «салить» — бить рукой или мячом по убегающему игроку при игре в салочки, что заставляло его выбывать из состава убегающих. Поэтому корень «сал» можно сравнить с дат. slå — бить, ударять, исключать. А так как слово «салить» имеет и другое значение «проявлять

нежность, любовь, ласкать, ублажать», сохраняющее не только смысл связи, но и движения к предмету своей любви, то в слове *slā* — бить, ударять могут быть скрыты наиболее древние смыслы, сходные со значениями русских диалектных слов «бить» - бушевать, домогаться, метать икру (о рыбе), заниматься выгодной работой, судить по старине, играть и «биться» - заботиться, хлопотать, склоняться, прибиваться, куда можно отнести и выражение «бить по рукам» - заключать сделку,- в том числе и свадебную.

Можно предположить, что слово «бить» связано с санскр. *bhīta* — встревоженный, напуганный, взволнованный, что в случае его соединения с санскр. *lū* — разделять, отрывать, собирать, снимать урожай дало бы pp. *lubhita* от слова *lubh* — жаждать, стремиться, завлекать, соблазнять, любить, притом что pp. (лат. *participium passivi*) указывает на то, что слово *lubhita* является причастием страдательного залога, которое определяет действие, происходящее под влиянием другого человека. В данном случае речь идет о старании взволнованного молодого парня убедить колеблющуюся девушку в своих искренних чувствах,- то есть победить ее страх и таким образом забрать ее из родительского дома (снять урожай, не им посеянный). В таком случае англ. *rob* – грабить, воровать, отнимать и укр. *робити* — делать, начинать, совершать, предпринимать можно сопоставить с санскр. *rabh* – неистово желать, начинать, предпринимать, действовать опрометчиво, захватывать, удерживать, что указывает на обрядовое «отнимание» и не обрядовое воровство молодых девушек парнями - «грабителями». Необходимо также обратить внимание на семантическое сходство русского слова «салить» - касаться или ударять рукой убегающего игрока при игре в салочки и дат. *slå* — бить, ударять, исключать с русским словом «рабить», когда парень в молодежных играх догонял одну из убегающих девушек и слегка ударял свою избранницу рукой, приглашая на ночное свидание.

Исходя из этого, парень и девушка являются рабами любовных отношений, муж, жена и дети — рабами семейных отношений, члены общины — рабами общинных отношений, правитель и подчиненные — рабами государственных отношений, Бог и верующие — рабами религиозных отношений и т. д. Поэтому тур. *Rab* – правитель, Бог и славянское «раб» - слуга тесно взаимосвязаны между собой и английским словом *slave* – рабовладелец, раб, невольник в сопоставлении со словом *slav* – славянин, притом что славяне когда-то были верны своему Слову, своему правителю, своему Богу, своей общине и своей семье.

5. Если же мы сопоставим санскр. *vāṇī* — голос, речь, слова, музыка с другим санскритским словом *vāk-* (*vāc*) — речь, голос, звук, слово, то увидим, что первое слово может входить в этноним «славяне», а второе слово может входить не только в этноним «словак», но и в обозначение «человек» (ст.-слав. *чловѣкъ*). На это указывают полабские слова *slawack* (*slawa*) – человек, народ, люди и *clāvāk* (*čelvēk*) – мужчина, человеческое существо, причем обратите внимание на соответствие начальных «s» и «c» в этих словах.

Подобное соответствие позволяет сравнить с русскими словами «слава» — возвеличивать, хвалить и «слава» - сплетни, пересуды английские слова *clarity* — чистота, прозрачность и *clarty* — грязный, липкий в сопоставлении с английскими же словами *glory* — слава, хвала, величие, великолепие, сияние и *claver* — болтовня, сплетня, вычленив из них элементы «сла», «cla», а заодно и «glo», которые могут иметь смысл «славы», что подтверждается др.-ирл. *clú* — слава, а также санскритскими словами *śgā* — доводить до готовности, делать зрелым и *śru* — слышать, внимать, учить, изучать (на слух), которые в совокупности обозначают славную пору человеческого взросления, когда парни начинают прислушиваться к зову человеческой природы и «липнуть» к девушкам. Поэтому сюда можно отнести и

англ. *slave* — прилипнуть, оставаться верным кому-л. или чему-л. (например, данному девушке Слову), что также проясняет смысл славы, которая может быть и светлой и липкой в результате разумного или же неразумного поведения созревшей для сексуальных отношений молодежи. Более того, устаревшее англ. *glaver* с первоначальным значением «издавать звук, болтать» и последующим «лестить, угождать» тоже имеет смысл прославления или славы, относящейся к тому человеку, которому льстят, в сопоставлении с русским словом «глава(рь)» и с учетом того, что значения «издавать звук, болтать» могли, например, относиться к молодому парню - обманщику, пока еще не имеющему во взрослом обществе права голоса, но при этом льстящему своей податливой избраннице, на что указывают русские диалектные слова «леститься» - прельщаться, ласкаться и «лестить» - прельщать, ухаживать, соблазнять.

Обратимся теперь к др.-ирл. *clú* — слава (в сопоставлении с др.-англ. *glówan* — быть взволнованным, светиться, пылать), которое производят от протокельт. **klowos* — слышать, слушание, слух, слава, известность, популярность, что предполагает связь этих слов не только с русскими терминами «слава» и «слово», но и с латин. *salō* — возвещать, призывать, служить и др.-гр. *κᾰλέω* — призывать, именовать в сопоставлении с прото-индо-европейскими словами **kléwos* — слава, известность и **kléw-* 'слышать, слушать, прозвучать, узнать', в то время как окончание «os» можно сравнить с др.-гр. *ὅς* — он, этот со смыслом узнавания. При этом англ. *fame* — слава и латин. *fāma* — молва, слух, общественное мнение в сопоставлении с латинскими словами *fāmēs* — голод, нищета, страстное желание, ненасытность, *fāmīlia* — все семейство вместе с прислугой и имуществом, труппа, отряд, школа, секта, направление и *fāmōsus* — известный, славный, позорящий, порочащий в общем своем смысле могут указывать на молодую и взволнованную поросль человеческого рода, которая страстно желает приобрести себе имя и право голоса через служение своей общине, причем значения «позорящий, порочащий» могут относиться к излишней сексуальной активности молодежи, которая нередко приводила к внебрачным связям. На это указывают англ. *clown* — деревенщина и исл. *klunni* — неуклюжий, невоспитанный парень, совпадающее по значению с северо-фриз. *klönne*.

Отдельно рассмотрим элемент *glo* в английском слове *glory* — слава, хвала, величие, великолепие, сияние, который имеется в латин. *glōbus* — шар, глыба, ком, толпа, множество, фр. *global* — всеобщий и даже в латин. *glēba* - глыба земли, комок, шарик, что образно может указывать на всеобщий расцвет природы, связанный с ярким весенним солнцем (латин. *sol* — солнце), которое мажет, или «грязнит», голую и голодную до тепла землю (фр. *sol* — почва, земля) каплями солнечного света, что соответствует русскому диалектному слову «салить» - мазать грязью, проявлять нежность, любовь, ласкать, ублажать, работать до крайнего утомления. В данном случае следует указать на отживший свой век обычай, когда парни мазали грязью стены жилища, снятого девушками для молодежных посиделок, намекая этим на желание сексуальной связи. То есть парни вели себя неотесанно и грубо, что тем не менее могло нравиться девушкам, старавшимся и пофлиртовать, и при этом сохранить свою честь, благодаря этому попадая в категорию «славных девушек». Поэтому латин. *sol* — солнце можно сопоставить с другими латинскими словами *salēo* — быть теплым, горячим, взволнованным и *salō* — возвещать, призывать, служить, что равнозначно призыванию на службу горячих молодых парней, которые должны ухаживать за девушками, как наше дневное светило ухаживает за землей. Сюда же можно отнести слова «хлеба» и «хлябь», потому что хлебные злаки хорошо созревают при теплой и ясной погоде с достаточным количеством дождей, размягчающих землю и питающих растения. Дополнительно можно указать на норв.-

дат. gal – сумасшедший, сердитый, бешеный, разъяренный и английское разговорное gal (gæl) – девушка, девчонка,- от которой буквально шалеют молодые парни.

В то же время славянское «глум» — шутка, насмешка вместе со словом «глыбаться» - не решаться может указывать на подростковую и поэтому отважную на горячие любовные чувства молодежь, которая при этом грубит и насмехается над пока еще нерешительными в сексуальном отношении подростками. Однако с другой стороны англ. glum – угрюмый, хмурый, мрачный определяет не только состояние нерешительного подростка, над которым «глумится» более взрослая молодежь, но и назойливые приставания парней к девушкам, как мрачные и обещающие сильный дождь тучи «пристают» к земле. Ну и, конечно, нельзя оставить без внимания санскритское слово kheli — игра, шутка, солнце, птица, потому что образы поднимающихся над землей и затем стремящихся к земле солнца и птицы, да еще связанные с понятием «игра», соответствуют не только английскому слову game – игра, но и санскр. gata – соитие, случка, что подтверждается термином «любовная игра». При этом надо учитывать мифологическое соответствие земли и женщины, в прошлые века выражавшееся в почтительном отношении мужчины — хозяина к своей матушке — земле.

Не так просты и значения латин. glēba - глыба земли, комок, потому что, если учесть уйгурское слово қом — племя, род и др.-гр. κόμη (κόμη) — волосы, листва, то за терминами «ком» и «волосы, листва» может скрываться тесное единение людей в роду и хлебных злаков на поле, совмещенное с весенним расцветом природы и молодости после зимней, похожей на детскую, «спячки», которую можно сравнить с др.-гр. κῆρυς — сон, дремота, что затем переходит в состояние, определяемое санскритским словом .kāma — желание, любовь. Хотя, конечно, «выпадение» подростка из обычного положения в состояние любви также можно определить как условную «кому», называемую «первой любовью», когда подросток отрешается от окружающего мира и погружается в свои беспочвенные фантазии. Любопытно и то, что с началом пубертатного периода повзрослевшей и окрепшей молодежи дозволялось отращивать волосы, чтобы их красота и ухоженность свидетельствовала о физическом и духовном здоровье, связанном с наступлением славной поры и окончанием гормональной перестройки организма, сопровождавшейся бурным наплывом переменчивых чувств.

В таком случае в качестве сопоставления со словами śravas — слава и srava — текущий поток следует указать на санскритские слова sāra — сильный, крепкий, прямой, обильный, зерно, нектар, вода и śara — раздирать, разрушать, а также на sāla — дерево и śala — палка, посох, жезл в сочетании с śālā — дом, комната, помещение, где под «деревом, жезлом» и «помещением» скрываются два человеческих начала. При этом санскритские корни śṛ — рвать на куски, бить, убивать (сравните: сломать) в сопоставлении с śara — раздирать, разрушать и sṛ (= sar) – течь, струиться, идти, бежать (сравните: слезы) в сопоставлении с śār — быть слабым, немощным и sara – жидкий, текучий, веревка, нить, струна в гиперболизированной форме указывают на страстные любовные баталии, которые в скором времени заканчиваются ослаблением сексуального влечения. Символика веревки (нити, струны) включает в себя не только зависимость от клятвы или союза, но и связь материального и духовного (тела и души, земли и неба), а также смысл оплодотворяющего семени в виде струящегося солнечного света или дождя и смысл бренности человеческой жизни, которая мифологически могла быть отождествлена с периодом сексуального влечения. Поэтому дети и старики считались связанными с потусторонним миром.

В то же время, сравнивая санскритские слова śara — раздирать, разрушать и śār — быть слабым, немощным, необходимо учитывать рождение пока еще слабого

ребенка, который при своем выходе наружу разрушает «оковы» материнской утробы, что соответствует санскр. *dāṛaka* – раскалывающий, разбивающий, расщепляющий, детеныш, мальчик, сын. Однако после своего рождения (дара) от чужеродной,- то есть пришедшей из чужого рода,- матери такой ребенок оказывался ничего не понимающим «дураком» (санскр. *dur-matī* 'плохо мыслящий') и до определенного возраста соответствовал значению санскр. *durāka* — пришедший из чужого племени,- а фактически из потустороннего мира,- пока его официально не признавали своим.

При этом можно предположить, что за терминами «веревка, нить, струна» скрывается не только пуповина, связывающая рожденного младенца с матерью, но и мужской орган, во время соития соединяющий мужчину с женщиной. Отдельным планом надо указать на то, что санскритские слова *sāga* — имеющий спицы и *śāga* — пестрый, смесь синего и желтого указывают на дневное солнце в противовес «солнцу ночному», которое своими острыми лучами-спицами раздирает ночную тьму и проливает в небо солнечную «влагу», в итоге делая его божественно синим. В данном случае любопытно сопоставить голландские слова *zon* – солнце и *zoon* – сын с англ. *sun* – солнце (мужской символ созидательной энергии, страсти, храбрости и жизненной силы), болг. «син» - сын (светлое мужское начало, к которому применимы все эпитеты солнца), швед. *sin* – свой и англ. *sin* – грех, порок, проступок, добавив к этим словам синий цвет индуистских богов Кришны и Шивы, отвечавших за преобразования живых существ и вселенной. Поэтому в религиозных текстах Кришна предстает в последовательных образах игривого бога-ребенка, беззаботного мальчика-пастушка, идеального возлюбленного, божественного героя-воина и верховного божества, а Шиву называют не только милостивым богом, но и богом-разрушителем, смысл чего проясняется в сопутствующих этому богу лингамах, символах божественной производящей силы.

6. Получается, что в этнониме «славяне» (словене) заложено неизбывное чувство любви и в то же время дружбы, которое связывало более взрослого и самостоятельного парня и юную девушку в единую семью, а древних славян в единую общину или союз под руководством вождя и старейшин. Но это же чувство дружеских межличностных отношений между «ведущим» и «ведомым» первоначально было заложено и в слово «*rab*», что могло привести к появлению ныне ложно понимаемого английского термина *slave* — раб из-за неправильной его трактовки по причине случайной или злонамеренной. На это указывают турец. *Rab* – бог, господин, владелец и санскр. *rabhas* – сила, мощь, а также иудейские слова *rab* – смелый, дерзкий, отважный, *gabau* – проказник и *gabibo* – зять, союзник, приемный ребенок, невольник, раб. С учетом праслав. * *zęť* — познанный, узнанный,- то есть принятый в сферу своих интересов,- от чего произошло слово «зять», речь идет в первую очередь о семейных отношениях, в которые мог включаться и купленный невольник из чужого рода. В данном случае с праслав. * *zęť* — познанный, узнанный можно образно сопоставить иврит. «рабби» - господин мой, учитель мой с основой «рав» (раб) — великий, господин, совпадающей с турецким словом *Rab* – бог, господин, владелец. Смысл здесь в том, то учитель передает свое священное Знание избранному ученику, в то время как отец передает свою любимую дочь избранному,- то есть проверенному и опознанному,- «зятю», просившему ее руки, устанавливая при этом прочную связь между двумя неоднородными статусами в соответствии с арабским словом *rabt* – связь, соединение.

В сопоставление с санскритскими словами *vuṇa* — дыхание и *vena* – просящий можно привести русские народные слова *венуть* — дунуть, повеять и *веньгать* (вяньгать) — жаловаться, просить, канючить, произносить невнятные слова, что вначале могло соотноситься как с детским лепетом, так и со словами, произнесенными не авторитетной для взрослого общества молодежью. Но в то же

время имеется и слово «вёкать» (вякать) в значении «говорить», как мог разговаривать самостоятельный и умный человек (сравните со значениями турецких слов *vakar* – степеньность, важность, солидность, *vâkif* — знающий, сведущий и значением устаревшего *vakit* — сила, мощь, существование), а также слово «вече» - собрание, образно совпадающее с санскр. *vācā* — речь, слово, священный текст, клятва, присяга, на котором главы семейств высказывали свои соображения и поддерживали наиболее ценные из них. Тем не менее санскритские слова *vāka* — говорящий, изречение, формула, болтовня, разговор и *vak* – быть кривым, идти криво можно отнести не только к бормочущему свои непонятные изречения жрецу (сравните: верховный жрец балтийских племен Криве), но и к бунтующей и что-то там «болтающей» молодежи, не имеющей права голоса и права на сексуальные отношения, на что иносказательно указывает тур. *vaка* – вспышка какой-либо болезни (например, любовное заболевание), происшествие, случай, событие (получение сексуальных способностей), действие, акт (в том числе и половой). Здесь даже тур. *vakans* — каникулы вместе с латин. *vacans* – свободный, пустующий определяют наличие места, которое должен занять повзрослевший, но еще не занятый общественными делами, юнец, у которого появилось время, свободное от материнской опеки и от предстоящих семейных уз. То есть случились «каникулы» между «учебой» детства и «учением» взрослой жизни, начинающейся с подростковой инициации.

При этом санскр. *vep* – томиться, тосковать, завидовать, хотеть, желать, имеющее фонетическое и образное сходство с санскр. *vepa* – любящий, просящий, стремящийся, хорошо отождествляется с окончанием имени Словен, как называли гипотетического прародителя славян, - по всей видимости молодого человека, успешно завершившего обрядовые испытания, что позволило ему завести свою собственную семью. Если же мы сравним санскритские слова *śravas* — призыв, слава, награда, внешность, усердие, пыл и *cakṛti* — слава, награда, то, сопоставив их элементы *śrā* — делать горячим, варить, кипятить, созреть и *caṅ* — ходить, странствовать, жить, действовать, производить, *vas* — жить, сверкать и *kṛti* — действовать, творить, колдовать в сочетании с *kīrti* — известие, упоминание, хвала, слава, мы увидим не только очевидную общность этих слов и их элементов, но и намеки на пылкий молодой возраст, сочетающийся с магическими действиями старого и опытного жреца, варящего свое колдовское зелье и связанного с инициацией подростков.

Любопытно, что санскритские слова *vep* – томиться, тосковать, завидовать, хотеть, желать и *vepa* – любящий, просящий, стремящийся в датском языке отражены в виде *ven* - приятель, друг, который может быть и сердечным другом, а в норвежском языке *ven* — милый, славный, красивый, что по смыслу соответствует др.-ирл. *clú* — слава и русск. «слух», потому что термины «(добрая) слава», «красота» и «слух» взаимосвязаны. В то же время английское диалектное *ven* (*fen*) — торф, болото, почва, земля ассоциативно намекает на связь рождающей земли с женщиной, которая в любой момент способна к воспламенению. При этом смысл живительного объединения присутствует и в эстонских словах *vene* — русский в сопоставлении со словом «вена» — кровеносный сосуд, жила и *vend* — брат в сопоставлении с этнонимом «венды», что может указывать на дружеские отношения между эстонцами и древними вендами - славянами.

В таком случае начальное «сло» в этнониме «словене» можно сравнить не только с др.-ирл. *clú* — слава в сопоставлении с протокельт. **klowos* – слышать, слушание, слух, слава, известность, популярность и латин. *calo* – возвещать, призывать, служить, но и с протоевропейским корнем *sol-* (*solə*) - целый, ухоженный, чьи значения можно отнести и к *sol* – весеннему солнцу в полной своей силе, и к

молодому крепкому парню. При этом с образом одинокого солнца или парня, ищущего себе невесту, можно сравнить ит. *solo* – один, одинокий. Более того, шумер. *šul* (*sul*) — молодой, неженатый мужчина можно напрямую сопоставить с др.-ирл. *slú* – слава и русск. «слух», потому что именно в молодом возрасте человек становится известным и поэтому славным. Переход же *sol* в *slu*, а *sul* в *slu*, мог произойти через метатезу — перестановку соседних звуков, на что указывает польск. *słońce* — солнце. Если же сопоставить протоевропейский корень *sol-* (*solə*) - целый, ухоженный,- вычленив из него смысл красоты,- с санскритским словом *vāṇī* — речь, слова, красноречие, музыка, то можно получить образ цельного в своем развитии молодого и красивого парня, ухаживающего за нравящейся ему девушкой не только с помощью присущего ему красноречия, но и с помощью музыкального сопровождения. В то же время в укр. *чоловік* - муж, супруг вполне может содержаться элемент, схожий с PIE *sol-* (*solə*) - целый, ухоженный, что соответствует обретению своей второй половины.

Поэтому и значения санскритских слов *śāl* — говорить, хвалить, светить, *śal* - двигаться, перемещаться и *vep* - томиться, тосковать, завидовать, хотеть, желать могут относиться к поведению созревшего подростка-славена, страстно мечтавшего вырваться из надоевшего ему детства и войти во взрослое человеческое сообщество, потому что с этим вхождением он получал не только право голоса и право жениться, но и земельный надел для новой семьи, что соответствует санскр. *avanī* — земля, почва, река, хотя в данном случае это могли быть новые места обитания возле речных извилин, на которые избыточная славянская молодежь переселялась по обычной в те времена практике. В принципе такое переселение, при котором часть народа откалывается от основной массы, может соответствовать англ. *clave* (*cleave*) — раскалывать, расщеплять, рассекать, разрезать, но эти же значения можно применить к сельскохозяйственной или любовной пахоте, а также к переселению выходящей замуж девушки в чужой род и к процессу рождения ребенка, при своем выходе «раскалывающего» лоно матери. Можно его связать и с расщеплением губ при произнесении слов, как бы прилипающих к образу обсуждаемого человека, на что указывают фонетически схожие английские слова *claver* — болтовня, сплетня и *clave* (*cleave*) — прилипать. Но в то же время значение англ. *clave* (*cleave*) — оставаться верным соответствует данной клятве или закреплению Словом, что когда-то было особенностью славянского племени. Поэтому значения английского *clave* — прилипать и *clave* — оставаться верным определяют не только тесное единение верного человека со своим избранником или избранницей, но и наличие дурной (то есть липкой) славы и славы настоящей (то есть светлой и зримой).

В английском сленге слово *clave* приобрело значения «быть распутной», - вероятно, по причине дополнительных значений «расщеплять, разделять» и «тесно прижиматься», где в общем смысле присутствует указание на женщин-разлучниц, общение с которыми приводило к бесполезной трате сексуального «зерна» на чужой для мужчин-сеятелей «пашне», которое таким образом изымалось из своего семейного фонда. По этой причине смысл обрядовой инициации подростков, связанной с их обучением навыкам правильной взрослой жизни, мог быть отражен в санскритских словах *śrā* — доводить до готовности, делать зрелым и *śru* — слышать, внимать, учить, изучать (на слух), что, между прочим, отчасти связано с отсутствием записей древнеславянского учения, которое пытаются восстановить в современных книгах.

Эти санскритские слова *śrā* и *śru*, а также *śrotra* — действие слушания, знакомство с Ведами или священным знанием, в полной мере соответствуют элементам, входящим в состав русских терминов «слава», «слух» и «Слово», причем элемент *tra*

в санскр. śrotra имеет значение некой защищенности или утаенности, что соответствует смыслу терминов «сакральный» и «священный», а также церковному выражению «идти со славою» (о церковном шествии со звоном колоколов и с поющим клиром). Соответствует элемент tra — защищающий, ограждающий, защищенный и термину «тайные знания» (сравните: Тора), которые передавались с одновременным прославлением новой плодородной силы. На этот же образ играют санскритские слова sruva — деревянная жертвенная ложка и śruva — деревянный ковш, используемый при жертвоприношении для наливания топленого масла, притом что ложка и ковш символизировали соединенные половые органы мужчины и женщины (ручка + емкость).

Сравните также санскритские слова sāra — бег, хождение, путь, прогоняющий, отпугивающий и tāra — проникающий, спасающий, что предполагает некую общность санскритских слов śrā — доводить до готовности, делать зрелым и trā — охранять, спасать, защитник. Смысл здесь в том, что защищаемый ребенок после своего окончательного взросления сам становится защитником, переходя через рубеж совершеннолетия. В определенном смысле подобной защитой является трава, которую связывают с идеей подчинения и принесения пользы (лекарственные травы). В таком случае название месяца мая, по-старинному травня, не случайно схоже со словами «маяться» и «травиться», когда любовь и схожие с ней маятные чувства «отравляют» душу и сердце молодого парня или молодой девушки, подчиняя их своему влиянию.

Если же к санскр. śrā — доводить до готовности, делать зрелым добавить санскр. ava — (оказывать) благосклонность в сопоставлении с av — способствовать, насыщать, защищать, желать, любить, то получится слово, фонетически схожее с санскр. śrava — слух (чувство), орган слуха, ухо, что можно понимать как пробуждение и становление славного по своей сути человека, выходящего из детства и начинающего прислушиваться к зову внезапно ожившей сексуальной природы, что подтверждается фонетической близостью санскритских слов śrava — слух (чувство), орган слуха, ухо и śravas — звук, слава, зов, призыв, цена, награда, восторг, пыл, рвение, вид, внешность. В таком случае слово śravaṇa — учение, слушание, репутация, зов, приглашение состоит из śrava — слух (чувство), орган слуха, ухо и ṇa — знание, решение, что соответствует устному получению соответствующих знаний молодыми учениками от учителей (жрецов) во время подростковой инициации. В индуизме обряд посвящения в ученики называется dīkṣā, что можно сопоставить со значениями санскритских слов dik (diś) — направление, руководство, требование, сообщение и sā — дающий, наделяющий, śā — точить, обтачивать.

7. На истинную суть слова «живой» в сопоставлении с ожившей человеческой природой у созревшего подростка-славена указывает санскр. jīva — живой, полный жизни, основа существования, душа, при том что термин «душа» в русских говорах нередко связывается с любимым человеком, хотя имеются и отрицательные значения, ассоциативно связанные с изнанкой любви. В таком случае русские диалектные слова «душиться» — задыхаться и «душить» — срывать незрелые плоды, ягоды можно сравнить с санскр. duṣ — совершать грех, быть развращенным и dūṣa — загрязняющий, оскверняющий, растлевающий, развращающий. И то правда, что душа может быть и «грязной» от нахлынувших плотских чувств.

Однако все эти отрицательные смыслы тоже относятся к понятию жизни, потому как имеют отношение к ее плодородию, но при этом плодородию, находящемуся вне закона. Наверное, поэтому английские слова love — любовь и law — закон имеют фонетическое сближение, разделяя любовь законную, то есть семейную, и любовь незаконную, или распутную. Также любопытно английское слово low — низкий, дешевый, незначительный, чьи значения могут относиться вовсе не к телесному

низу, а к не одобряемой обществом внебрачной связи.

Если же беспристрастно присмотреться к слову «закон», то в нем можно обнаружить элементы, связанные, например, с персидскими словами «за» — родящий, производящий и «кан» — рудник, копь, месторождение, кладезь, источник, сокровищница, или с французскими словами *sa* — свой и *son* — женский половой орган, дура, дурак, которые даже в значениях «рудник, источник» и «дура, дурак» относятся к эвфемизмам половых органов, что отчасти подтверждается выражением «загнать дурака под кожу» — совершить половой акт с женщиной

Подтверждает затаенную связь терминов «жизнь», «душа» и «взрослое состояние организма», — то есть вся полнота жизни, — тот факт, что в санскритском языке значение «душа», как правило, объединено в одном слове со значениями «ум, разум, мысль, дух, личность, желание, намерение», что может быть связано с процессом инициации уже достигшего половозрелого возраста молодого человека, когда в него вместе со знанием жрец вкладывал истинную «душу», а точнее «дух». В качестве примеров можно привести санскритские слова *buddhi* — ум, разум, взгляд, мнение, дух, душа, мудрость, размышление, *cetana* — вид, наружность, восприятие, разум, ум, душа, мысль и *manas* — дух, душа, ум, разум, замысел, желание, намерение.

Поэтому санскритские слова *srāva* — вытекание, стекание, *srava* — течение, просачивание, водопад, поток и *śrava* — слух (чувство), орган слуха, ухо, *śravas* — звук, слава, зов, призыв, награда, восторг, рвение, усердие, пыл, вид, внешность не только объединяют понятие вагинальной течки у самки и понятие половых возможностей молодого альфа-самца, призывающего самку на свидание, но и связывают в единое целое образ большой и хорошо слышимой бурной реки, начавшей свое существование с маленького и тихого ручейка, с образом славного молодого существа, получившего в награду за свое фактически бесполое детство бесценный дар активной сексуальной природы.

Более того по мифологическим представлениям ухо отождествляется с раковиной, которая, в свою очередь, в качестве символа рождения связана с вульвой. Именно поэтому ухо слышит "Слово" творения, которое ассоциируется с дыханием жизни, что отражено в санскритских словах *śrava* — ухо, *śru* — слышать и *vāṇī* — голос, речь, слова, красноречие, *vyāna* — дыхание. А значит с учетом мены *r-l*, отчетливо видной в сочетании *śravas* — слава, термин «славяне (словене)» можно трактовать как «слышащие Слово» или же с учетом санскр. *śrā* — доводить до готовности, делать зрелым как «доросшие до Слова», что равнозначно трактовке «достигшие Славы», потому что вместе со Славой повзрослевшая молодежь получала и Слово, которое она могла изрекать, не боясь быть не понятой или не услышанной.

В таком случае термин «немец», которым могли обозначать любого приехавшего на Русь иностранца — мужчину, соответствовал выражению «не владеющий Словом», то есть фактически находящийся на уровне ребенка или неженатого человека, что можно отождествить с санскр. *peta* — один, половина. Более того, ит. *nemico* — враг, недруг, ненавистник ставит холостого самца, не желающего заводить семью, в положение противника семейной жизни. Возможно, с санскр. *peta* — один, половина связаны русские слова немалаш — юноша и немальная сухота — сильная любовная тоска, притом что фр. *mâle*, как и русск. «малый» по отношению к парню, означает «самец». Любопытно и сопоставление русских диалектных слов «буйла» — самка буйвола и «малак» — буйвол-самец.

Так что в слове «немец» может быть заключен не только смысл непонятной речи, но и смысл одиночества, потому как на Русь могли приезжать или еще неженатые мужчины, или их семьи оставались на родине. При этом ит. *nemico* — противник,

неприятель, нарушитель спокойствия помимо табуированного значения «одиноким самец (опасный для любого супруга)» могло отождествлять «немцев» с иницируемой в образе какого-нибудь животного молодежью, скрывающейся за итальянскими словами *bruto* — животное, тупой, необработанный и *brutto* — безобразный, скверный, гадкий, что соответствуют англ. *brat* — отродье, негодяй, ребенок и относятся сейчас к брутальному парню – любовнику - мачо. Поэтому таких подростков когда-то уводили от греха подальше в так называемое «братство», чтобы с помощью инициации дать им нужное направление. Не очень близким аналогом такого братства в настоящее время является армия.

Сакральный момент такой обрядовой инициации, связанной с совершеннолетием, разделял когда-то существование наших предков на три неравнозначных этапа: 1. призрачная жизнь человеческого ребенка (но еще не человека), до поры до времени подвластная влиянию потустороннего мира женской утробы, - то есть условное нахождение у матери под юбкой, 2. появление «безумного» от прилива гормонов самца, чью сексуальную похоть необходимо было укротить и 3. рождение настоящего человека, взявшего свои глубинные чувства под контроль. Но в любом случае 2 и 3 этапы соответствуют настоящей жизни человека - самца с пробужденным и задышавшим естеством, - то есть пробужденной самостью, - намеки на что сохранились в выражении «я к тебе неровно дышу» и в обценном слове «вдуть» — совершить половой акт с женщиной. Возможно, этот же намек есть и в русском диалектном «век» — срок жизни человека или годности предмета, если под «предметом» понимать мужское и женское естество. Такая возможность ассоциативно отражена в другом диалектном слове «предметочка» — милая, дорогая девушка или женщина. Однако сам сакральный момент, отделяющий взрослую жизнь от детства, выпадал на период юности, не обремененной супружескими узами, но зато наполненной колдовством внезапно возникших сексуальных чувств, ищущих себе применения.

При этом наличие четвертого этапа, воспринимаемого как «увядание» или как «отхождение к предкам», касалось в те трудные времена относительно немногих отживших свой плодотворный век людей и по своей сути соответствовало призрачной жизни ребенка, движущейся в обратном направлении.

То есть этот четвертый этап (доживание) фактически принадлежал потустороннему миру предков и поэтому не включался в понятие жизни, что можно объяснить на примере хлебных растений, время роста которых соответствует опекаемому детству, время зрелости колосьев соответствует плодотворной человеческой жизни, а оставшееся на корню после проведенной жатвы и пока еще видимое взгляду бесплодное жнивье уже выпадает из понятия жизни растений, как выпадают из понятия жизни пожилые родители, бобыли и старые девы, которые могут быть вовсе не старыми в современном понимании этого слова.

8. Дополнительное санскр. *vaṇa* — лес, роща, заросли, дерево, вода, с которым могут быть образно связаны русские слова «ван» — трава (особенно трава высокая), «вана» — полынья, «ванда» (ванна) — рыболовная снасть и «венец» - веник, кисть хмеля, огуречная ботва, высокий берег реки, супружеская пара, семья, содержит в своих значениях ассоциативные намеки на «мужские» и «женские» элементы, - которые можно отнести и к этнониму «славяне» (словене), - заодно «указывая» на местожительство славян в лесистой и многоводной местности. А еще два санскритских слова *vāṇa* — стрела и *vaṇu* – усердный, ярый, а также *avāk* — стремительный, безудержный, безрассудный, олицетворяют собой воинственность и быстроту мужского работающего естества, которые сполна присутствуют в буйном молодом возрасте.

При этом элемент avāk наравне с элементом vāk — речь, голос, звук, слово может находиться в этнониме «словак», а заодно и в полаб. clāvāk — мужчина, определяя этим возможность получения права голоса лишь после сексуальной перестройки организма, что сопровождается быстро возрастающей выработкой половых гормонов и напрямую связано с появляющимся шансом начать сексуальные отношения и с отчетливой ломкой голоса у мальчиков в период полового созревания.

Именно в этом возрасте человеческое существо превращается в полноценного человека, что позволяет сопоставить санскритские слова śrā — доводить до готовности и śrī — красота, великолепие, богатство, знаки царского достоинства (булава — мужской термин и держава — женский термин) с индонезийскими словами sri — сиятельный, ваше сиятельство и Sri — богиня плодородия, а санскр. avāk — стремительный, безудержный, безрассудный с индонез. awak — корпус, туловище, человек, я (мы), ты (твой), наш. Сюда же можно добавить индонезийские слова awal — начало и awang — юноша, который после обучения мог соответствовать индонез. awas — зоркий, бдительный, ясновидящий, осторожный, осмотнительный, наблюдательный, чьи значения характеризуют бродягу - охотника во всех вариантах данного образа. Соответствуют они и санскритскому слову śravas — звук, слава, зов, награда, восторг, усердие, внешность с учетом русского диалектного слова «славник» — завидный жених. В то же время девушка считалась славной, если она была очень популярна у парней, но при этом не доводила дело до греха, что соответствует наименованию «славёна» - девушка, о которой идет хорошая молва.

Поэтому стоит обратить внимание не только на русские диалектные слова «вандровать» — бродяжничать и «вакан» - свободный, но и на диалектные слова «вакат» — сват, сватающий невесту, «вакул» — плут, обманщик, «вакшаться» — якшаться (путаться с кем-л.) и «вено» — приданое невесты, в которых могут быть отражены блуждания любвеобильного парня - самца в поисках девушки - самки и не одобряемая обществом внебрачная связь с нею, а также обман парнем соблазненной им девушки и нередкое преувеличение сватами достоинств жениха. При этом значения элементов «ван», «вен» и «вак» могут быть связаны не только с образом субъекта, вошедшего в полную сексуальную силу, но и с терминами «славяне», «словене», «словаки» и даже «человек» (ст.-слав. чловѣкъ, полаб. clúovak). .

Но в то же время стоит еще раз вернуться к возможному родству начальных элементов «sla» и «cla» в семантически схожих полабских словах slawack (slawa) — человек, народ, люди и clāvāk (čelvēk) — мужчина, человеческое существо, а также в образно схожих терминах «slovak» - словак и «clāvāk» - человек, которое подтверждается образной тождественностью значений санскритских элементов sa- 'приставка, выражающая связь, подобие, равенство' и са — оба, где также имеется значение связи, в то время как родственное ka может означать «быть стремящимся к, нравиться, любить», что в русском языке сохранилось в виде предлога «к(ко)», имеющего общий смысл с предлогом «с(со)». При этом соединение санскритских слов са — оба и lī — прикасаться, липнуть можно сопоставить с санскритским словом calī — покрытие, покров и санскритским корнем cal — возбуждаться, перемещаться, толкать, пропихивать, беспокоить, хранить.

Любопытно и др.-ирл. sele — компаньон, товарищ, пара, муж, жена, второй из двух, что в первую очередь относится к женщине — основной «цели» для подросших юнцов, желающих подыскать себе пару для семейной жизни,- тем более что при обручении женщина всегда стоит с левой стороны, что соответствует др.-ирл. cle — слева, левый и русскому «пойти налево», - то есть морально согрешить. А так как любовная связь возможна лишь с пробуждением сексуальной силы, то к др.- ирл.

cele — компаньон, товарищ, пара, муж, жена можно добавить другое древнеирландское слово wake — будить, подстрекать, причем объединение cele + wake схоже со словом «человек» («словак»), которое можно трактовать и как «пробуждающий женскую плодородную силу». Если же мы заменим др.-ирл. cele — компаньон, пара, жена, муж, второй из двух на др.-ирл. clú — слава, то получим трактовку слова «человек» («словак») как «будящий славу», что, между прочим, подходит как полабским словам clāvāk — мужчина и clúovak — человек, так и старославянскому прозвищу Будислав.

Очевидна и связь др.-ирл. wake — будить, подстрекать с санскр. vāka — говорящий, изречение, формула, болтовня, разговор, где присутствуют сакральный и профанный смыслы. При этом нельзя не обратить внимания на ирл. vac — крик утки, фонетически схожее с санскр. vac – говорить, с учетом того, что данная птица является символом продолжения рода и счастливой дружной семьи, благодаря веренице следующих за мамой-уткой утят и «утиной» походке беременной женщины. В санскрите образ движения зафиксирован в слове sel — идти, двигаться, но в то же время санскр. sel (sal) помимо значения движения имеет и значения трепета, дрожи, возбуждения, нажимания, проталкивания, а также игры и путаницы, что в любом случае можно сопоставить со значениями др.-ирл. cele — компаньон, пара, жена, муж, второй из двух.

В принципе все эти «колебательных» варианты телодвижений, особенно связанные с санскр. sa – двигаться вперед и назад, находят свое объяснение в результате сопоставления англ. game — игра и санскр. gata — уход, спаривание, случка, соитие, что можно сравнить и с русским значением «путаться» — находиться в любовном сожительстве, - то есть блудить, - из чего может возникать скрытая связь слова «люди» (мужчины и женщины) с латин. ludus — игра и санскр. luḍ — прилипать, приставать, покрывать, волновать, двигать, перемешивать, твердо держаться, распространяться, где элемент uḍ может соответствовать слав. «уд» — член и выражению «уды блудничи». Соответствует он и латинскому слову idus – сочный, свежий, мокрый, влажный, мягкий, в котором зафиксировано состояние молодого уда вначале и по завершению соития, а слово idus, в свою очередь, по смыслу соответствует др.-гр. παῖχός — толстый, крепкий, огромный, плодородный и русскому слову «пах».

9. При этом начальное «сла» (или «сло») в этнониме «славяне» (словене), которое в форме «кла» входит в слово «клан» - род, община у ирландцев и шотландцев, может быть разделено на элементы, связанные с санскритскими словами sa – с, вместе с, са – оба (в галльском языке sa (se) имеет значение самости), и la – начинать, предпринимать, достигать, добывать, вмещать, отдавать, отрезать (сравните с галл. la – пора расцвета), что может относиться к началу самостоятельной деятельности человека, когда он начинает ходить на сторону в поисках женщины, что, между прочим, соответствует курдским словам la – сторона и la – эй! (при обращении к женщине). Особую ценность имеют санскритское слово ka – душа, тело; солнце, вода; звук, шум, огонь, блеск, правитель, изобилие, срок и санскритский корень kā со смыслами «искать, желать, томиться, тосковать, жаждать, стремиться, любить, получать удовольствие» в сопоставлении с русским предлогом «к (ко)», обозначающим стремление к кому-то или к чему-то и с галльским словом sa – жилище, приют, жить, обитать, вмещать, содержать, таить. Все эти значения можно отнести к понятию «клан» (союз) и к начальному элементу «сла» (сло) в словах «славяне» и «словене». Например, соединение санскритских слов sa – с, вместе с и lavaṇa – резчик, жнец могло бы дать наименование сообщества молодых жнецов, состоявших в юношеском «братстве», которым приходила пора «пожинать» не ими возвращенные колосья, ассоциативно определяющие «заневестившихся» девушек.

Сюда же уходят корни образа смерти с косой, потому что девушка, вышедшая замуж, считалась умершей в своем роду, а ушедший из-под материнской опеки парень считался умершим в качестве ребенка. Возможно, к данному образу имеет отношение отторгаемый всеми образ старой девы, которая обязана была заплетать девичью косу, но в то же время носить мрачную «старушечью» одежду. Вообще-то смерть, воспринимаемая как переход из одного состояния в другое, неоднократно встречается на человеческом пути, - вначале это смерть внутриутробного плода и появление младенца, затем смерть ребенка и появление юнца, который умирая переходит в состояние молодости и последующей зрелости. В итоге все заканчивается утратой жизненных сил и закономерной смертью человеческого организма.

Санскр. lavaṇa — соленый имеет дополнительные значения «блеск, красота, обаяние, изящество, слава», что в сопоставлении с латин. salax – похотливый, возбуждающий похоть и галл. laveno- 'радостный, веселый, счастливый', а также в сопоставлении с английскими словами love – любовь и loving – влюбленный, дает нам образ молодого парня или молодой девушки, обладающих друг для друга большой привлекательностью, который подтверждается санскритскими словами van – стремиться, нравиться, любить, vani – ярый, усердный, пылкий, нетерпеливый, жаждущий и vani – страсть, вожделение, мечта в сопоставлении с курд. lawanî — юность, молодость. При этом значения латин. salax – похотливый, возбуждающий похоть и галл. salach – грязный, поганный, пакостный, нечистый могут иметь отношение к грязным похотливым мыслям половозрелых юнцов, что заставляет задуматься над истинным смыслом слов «замарашка» и «грязнуля». В принципе с элементом «сла» в этнониме «славяне» можно сравнить не только санскритские śgā — варить, доводить, до готовности, созреть, делать горячим и śgī — красивый, счастливый, богатый, нарядный, но и санскр. kra(m) – предпринимать, стремиться, прилагать усилия, овладевать, покрывать (при совокуплении), переходить (в данном случае через барьер, разделяющий явственный мир и потусторонний мир женского естества). К этой системе образов надо отнести и курдские слова şa — радостный, веселый, sa – ну, еще, еще раз (с признаками побуждения, удивления, восхищения, негодования) и lawanî (lawî, lawînî) — юность, молодость, которая через беспокойный процесс совокупления переходит из состояния девственности в состояние взрослого человека. При этом дополнительное курд. şa (şah) — правитель, шах любопытно сравнить с курдскими словами sahir — волшебник, колдун, sahib — господин, хозяин и saħ — живой, здоровый, целый, невредимый, что несет в себе отождествление периода самостоятельного правления с периодом наиболее здорового состояния человека, когда он обладает мощными и в какой-то мере колдовскими силами. Сравните эти значения с русским народным «князь» - жених.

В то же время санскр. lavaṇa — должный быть срезанным, скошенным, пожатым и курд. laven — тростник (в данном случае колеблющийся) определяют собой не только созревший «хлебный колос», который в скором времени начнет высыпать зерна на землю, но и пока еще нерешительного подростка - самца, который уже готов «покрыть самку», но до сих пор скрывает свои сексуальные желания, тем самым продлевая свою невинность, что позволяет разделить слово lavaṇa на la – начинать, предпринимать и vaṇa — скрывать, покрывать, окутывать. Это же относится и к молоденькой девушке, которой уже пора «плодоносить», но в то же время боязно, что соответствует не очень приличной поговорке «и хочется, и колется, и мамка не дает». Существует также любопытная образная тождественность галльских слов sa (se) со значением самости, la – пора расцвета и uan – агнец, простак, наивное дитя, значения которых могут служить описанием юного парня и юной девушки, неожиданно оказавшихся перед серьезным жизненным выбором, но

не знающих, что им делать. В то же время соединение sa + la + uan напоминает термин «славяне», притом что самих славян считали молодым племенем и даже «низшими неарийцами», хотя в основе этих наименований лежит давно забытая отсылка к значительному преобладанию низших по статусу детей по сравнению со взрослыми и самостоятельными людьми

Здесь следует обратить внимание на положение боявшихся испытаний подростков, которых перед началом инициации высмеивали взрослые парни и девушки, таким образом подталкивая их к большей решимости изменить свой статус, что может соответствовать русскому диалектному слову «ваньжа» (ваньзя), имеющему значения «глупый, неповоротливый» и «насмешник, насмешница». При этом значения «глупость, неповоротливость» характеризуют невинное и пока еще не образованное детство, которое находится в темноте сексуального неведения, а значение смеха связано с образом победителя или смеющегося солнца, - то есть с образом молодых людей, победивших свое бесплодное детство, сопоставимое с зимним периодом после Рождества, в то время как зимний период до Рождества характеризует бесплодную человеческую дряхлость, образно соответствующую пока еще не сформировавшейся массе внутриутробного зародыша. Но в то же время следует отметить, что соединение двух зимних периодов, когда время «смерти» соединяется с посмертным, но пока еще бездеятельным, «воскрешением», является одним из этапов так называемой сансары или вечного круговорота жизни и смерти.

Естественно, что не только санскр. la – начинать, предпринимать, мечтать и галл. la – пора расцвета, но и древнегреческие слова la – бойцы, народ, племя, люди, камень, глыба и lo' – совершать омовение, можно отнести к началу и продолжению сексуальной деятельности сформировавшегося человеческого организма, который одновременно с этим начинает деятельность производственную, а в необходимых случаях он готов и к воинской службе. Поэтому помимо соединения санскритских слов sa – с, вместе с и la – начинать, предпринимать, мечтать, галльских слов sa (se) со значением самости и la – пора расцвета и курдских слов za – радостный, веселый и la – эй! (при обращении к женщине), lo – эй! (при обращении к мужчине) элемент «сла» таким же образом связан с соединением древнегреческих слов sa – здоровый, целый, верный, неизбежный и la – бойцы, народ, племя, люди, камень, глыба, а значит этому элементу образно соответствуют древнеирландские слова slan – крепкий, здоровый, полезный, clann – дети, племя, клан и clú – слава с учетом галл. lu – маленький, низкий (эпитеты ребенка) и санскр. lū – разъединять, снимать урожай, где могут быть одновременно зашифрованы благополучное окончание периода детства, после чего молодежь становится самостоятельной и славной, а также рождение у молодой пары своего собственного ребенка, который по мере своего взросления обещает стать славным. Несмотря на то, что начальное sa в ирландском слове clú – слава приобрело, казалось бы, нейтральные значения «что, где, сколько» по сравнению с галл. sa – приют, убежище, в котором можно обнаружить ассоциацию с женской утробой, однако ирл. sas – экскременты, помет, испражнение (русс. «кака») в иносказательной форме указывает на плодovitость самки или самца, достигших своего пика развития, когда они становятся способными к особому рода выделениям, связанным с репродуктивной системой.

В данном случае можно говорить о некоей сакральной границе, разделяющей два периода жизни, что ассоциативным образом отразилось в ирл. clái – ограда, стена, изгородь, дамба и даже в ирл. cló – форма, внешность, потому что начиная с переходного возраста меняется внешность ребенка и начинает изменять свою форму половой орган мальчика, аллегорическим образом превращаясь в ирл. clóch – камень, - то есть речь идет об общем укреплении организма, когда взрослеющий юнец начинает слышать зов природы, что соответствует ирл. clois – слышать.

Именно в этом возрасте мудрая природа начинает подталкивать пока еще человеческое существо к воспроизводству себе подобных, что определяется ирландским словом clann — семья, потомство. А значит человек — это в первую очередь «говорящее существо, создавшее свою собственную семью», на что указывает негативное отношение к бобылям и старым девам, притом что утратившее истинный смысл обращение к ресторанной прислуге «эй, человек» намекает на низкий статус этой прислуги, равнозначный статусу человекоподобного существа (ребенка или юнца).

Ирл. cluas — ухо можно сравнить с ирл. clú - известность, слава, репутация, честь, причем элемент as — из, от, вон предполагает распространение «славы» (из уха в ухо), но в то же время санскритские слова as – служить, становиться, делаться и aś — достигать, добиваться, проникать, наполнять указывают на получение скрытых доселе знаний посредством внимательного слушания благодарным учеником мудрого учителя, который не принадлежал к обычным людям. Вспомните, как молодой герой или героиня, залезая в одно ухо сказочного животного-помощника (конь Сивка-Бурка, корова Крошечки-Хаврошечки) и вылезая из другого, превращался в красавца или красавицу. Можно предположить, что русский корень «крас» связан не только с др.-исл. hrósa — хвалиться и нов.-исл. hrós — слава, но и с санскритскими словами śrā — созреть и as – служить, становиться, делаться, aś — достигать, добиваться, проникать, наполнять, значения которых можно соотнести не только с получением знаний, но и с получением сексуального опыта, - в том числе и с познанием женщины. На это указывает санскр. sras – падающий, капающий с учетом связи англ. fall – падать, опускаться и др.-гр. φάλλος — фалл (культовый символ плодородия), соответствующий термину «фаллос» - эрегированный мужской член или его изображение.

При этом на связь значений древнегреческих слов λα — бойцы, народ, племя, люди, λό' - совершать омовение и санскр. la – начинать, предпринимать, мечтать с сексуальной деятельностью указывает тот факт, что омовение имеет ритуальный характер и в полной мере выполняется, например, иудейскими женщинами после менструации, что делает их дозволенными для мужчин. Такое же полное омовение происходит и после сексуальных отношений для восстановления ритуальной чистоты человека, причем эти сексуальные отношения можно определить значениями санскритских слов vā — покрывать (в том числе покрывать самку) и vā — соединять, связывать, дуть, распространять, уставать, что можно согласовать с русским общенным «вдуть» — совершить половой акт с женщиной.

Дополнительные санскритские слова ṇa — знание, решение, ni — направление вниз и nī — вести, направлять, проникать, входить, а также ānī — вливать, которые могут соответствовать окончанию этнонима «славяне» (словене), в совокупности можно сравнить с выражением «познать женщину», что фактически означает любовную связь, одновременно присутствующую во всех элементах соединений s(a) + la + vā + nī (ṇa) и s(a) + la (lo) + vene (vena) с учетом др.-гр. λό' - совершать омовение, что в современном славянском мире носит обрядовый характер лишь в виде омовения покойника перед его похоронами, что, в свою очередь, соответствует уходу окостеневшего мужского начала в потусторонний мир женского лона. К этим словам можно добавить курдские la и lo, которые употребляются при обращении к женщине и мужчине, что определяется связью двух человеческих начал, а также галл. la – пора расцвета. Отдельно можно указать на то, что сравнение окостеневшего мужского органа с покойником соответствует тесному единению культа плодородия с культом предков, которые могут воплощаться в животных, растения, природные объекты или же они возвращаются в мир людей в качестве новорожденных.

В то же самое время значения санскритских слов ṇa - знание, ni — направление вниз

и *nī* - входить, а также *ina* — сильный, крепкий, могучий, солнце, *uāna* — выступление в поход, *uānī* — путь, дорога и *an* — дышать, *ana* — дыхание, могут относиться не только к началу осознания половозрелыми подростками крайней необходимости сексуальной жизни, на что указывает фонетическая и образная схожесть санскритских слов *uānī* — путь, дорога и *uonī* — лоно, чрево, матка, но и к началу работы с землей и началу возможной воинской службы, которые так или иначе связаны с движением солнца по небу, при том что солнце также проливает свои лучи, как любовник и крестьянин «проливают» свое семя или пот, а воин проливает свою кровь. Поэтому начальное «сло» или «сла» может иметь дополнительную связь со ст.-слав. *сльньце*, др.-русск. *сьльньце* и латин. *sol* — солнце, но в то же время имеется связь и с фр. *sol* — почва, земля, учитывая возможную перестановку букв.

Стоит обратить внимание и на латин. *venatio* — охота, а также на латин. *vena* — природное качество, свойство, характер, потому что страстно хотеть можно не только воинской славы или славы добычливого охотника в совокупности со славой хорошего хозяина, но и пылких любовных отношений, связанных с неистовством души и тела, что сближает слово «шалый» не только с образом шалого или ярого весеннего солнца в зените, но и с гиперболизированным образом восставшего молодого начала в его мужском варианте. А значит с латинским словом *vena* — природное качество, свойство, характер можно сравнить староболг. «хуй» — нор, нрав, навык, привычка, а заодно и одинаковую транскрипцию старокитайских иероглифов: «хуй» — поднять, двигать, трясти, высыпать, истощить, утирать, «хуй» — блеск, слава, «хуй» — биться, ударяться, «хуй» — раздирать, раскалывать, руководить и т.д. Есть там и иероглиф «хуй» — пепел, прах, упадок духа, уныние, связанный с русским словом «х.ёво» и, возможно, привязанный к временному или постоянному отсутствию либидо. Получается, что специально созданных матерных слов не существует в природе, есть лишь древние слова - эвфемизмы, на которые нынешнее общество наложило свое собственное сексуальное табу, обнажив этим их прямое значение.

Вполне очевидно, что имеется определенная связь между санскритскими словами *sa* — с, вместе с и *śā* — точить свое оружие или рог, где запрятан намек на активно действующий мужской орган, который соответствует значениям др.-гр. *σῆ* — здоровый, целый, находящийся в полной сохранности, верный, неизбежный, в то время как др.-сканд. *sá* — тот, этот указывает на особую значимость «объекта», который умеет выделять *sād* — семена, как во время заточки выделяются искры от затачиваемого оружия. При этом русское слово «шалава», в котором начальное «ша» фонетически схоже с санскр. *śā* - затачивать, а окончание схоже с санскр. *lava* — потеря, утрата, отрезанный кусок, забава, стало со временем соответствовать дурной славе женщин, которые не придерживались строгих семейных отношений. Этому образу отчасти соответствует русское выражение «отрезанный ломоть», которое когда-то применялось к девушке, вышедшей замуж и фактически порвавшей связь со своим родом. Но его можно применить и к блуднице, своим поведением отрезавшей себя, а заодно и неустойчивых мужчин, от остального общества и принятых им обычаев. Однако и дурная слава, и слава добропорядочная в сексуальном плане могут быть связаны со значением перс. «за» — родящий, производящий, что образно увязывает это персидское слово не только с санскритскими словами *sa* — с, вместе с и *śā* — точить свое оружие или рог, но и с русским предлогом «за», потому что мужской орган во время полового акта скрывается за, а затем появляется из-за, откуда впоследствии может выйти и ребенок, что соответствует взаимосвязи персидских слов *zēh* — роды и *zēhdan* — матка с учетом перс. *dan* — знающий, умеющий, - то есть слово *zēhdan* — матка хорошо трактуется как «умеющая рожать».

Дополнительно можно указать на перс. *sābet* – стойкий, твердый, прочный, в котором окончание *bet* (*bot*) может иметь значения «идол, кумир, красавица, возлюбленная», причем с одной стороны слово *sābet* не может не соответствовать действующему мужскому органу, а с другой стороны с этим персидским словом одновременно могут быть связаны русские слова «завет» и «забота», потому что издавна завещано молодым и здоровым людям заботиться о продолжении своего рода.

10. Таким образом древние славяне или словене были не просто людьми, стремящимися к славе и верными однажды данному Слову, но и людьми, умеющими работать с землей и воевать, а также они активно выполняли свои супружеские обязанности, но в строго обозначенное соответствующими обрядами время, что определило их многочисленность по сравнению с остальными европейскими племенами. То есть славяне не использовали сексуальные отношения ради всего лишь телесного удовольствия, – они были нужны им для увеличения своего рода, мифологически связанного с обилием выросших злаков, плодов и животного мира. Этой же цели служили густая борода и усы у мужчин и густая и длинная коса у девушек, являвшиеся маркером их плодородной силы, но таким же маркером для славян были и волосы на лобке, которые древнегреческие женщины удаляли, в то время как древнегреческие мужчины, за исключением философов, не имели растительности на лице, ассоциируя ее с животным (варварским) происхождением.

Возможно, именно из-за этого племена, которые могли быть в основной своей массе славянскими, древнеевропейские снобы, в частности греки, называли словом *barbaros* или *barbarus*, которое трактуется не только как «чужестранец, говорящий на непонятном языке», – то есть фактически «немец», – но и как «некультурный, грубый», – то есть не вписывающийся в систему их мировоззрения. Однако при этом латин. *barba* — борода, щетина, волосы и русское диалектное слово «варвар» — милый, дорогой, любимый человек, создают образ зрелого и брутального молодого мужчины, объединившегося со своей второй половиной в своеобразное «варево» (уху), к которому постепенно примешиваются и дополнительные ингредиенты в виде множества ребятишек, или «рыбешек». Поэтому русское слово «варвар» не может не быть связано с исп. *barbar* – роиться (о пчелах), пускать корни, прорасти (о растениях), что можно сопоставить с появлением щетины на лице у мужчин и с появлением лобковых волос у женщин, свидетельствующих о том, что с бурным наплывом сексуальных сил наступает время для создания своего собственного «улья». На это указывает аргентинское слово *bárbaro* – чрезмерно, слишком много с жаргонным вариантом *bárbara* — привлекательная, горячая, сексуальная, что можно сравнить с именами *Barbara* и *Варвара*. Сюда же надо отнести и сленговое испанское слово *bárbaro* — привлекательный мужчина, сопоставив его с русским диалектным словом «варвар» – милый, дорогой, любимый человек.

Такие несомненно ассоциативные значения объясняются мифологической привязкой рожавшего женского лона к рожавшему лону матушки-земли, поэтому осевшим на земле славянам, – трудолюбивым «пчелам», – приходилось трудиться по двум чрезвычайно важным для них направлениям, не забывая при этом и о защите своей территории, и о военных походах на чужие земли, – что, впрочем, было обычным делом и для других народов. Но, к сожалению, бытовавшая у славян чрезмерная вера в своего военного предводителя, основанная на нерушимой клятве такому вождю, нередко приводила к тому, что неожиданная смерть вождя на поле боя лишала их объединяющей силы и способствовала разгрому славянского войска. В принципе это соответствует поведению пчелиного роя, оставшегося без матки, который начинает разлетаться по разным углам. Видимо, этими же причинами объясняется и добровольный уход из жизни супруги – славянки вслед за своим

умершим мужем,- не только потому что не на что было жить, но и потому что незачем.

Венцом окончания переходного периода или зенитом человеческой жизни, сравнимой с движением солнца по небу, был момент, когда приходил «жнец» - жених и «срезал» красивую девушку — колос с семейного поля, что соответствует санскритским словам *lavuṇa* — должный быть срезанным, скошенным или срубленным, *lava* — резание, рубка, жатва, косьба, *lavana* — жатва, жнец и *lāvaṇya* — красота, изящество, солёность, при том что соль обладает функцией оберега и способствует установлению дружеских отношений (хлеб + соль) между людьми. Но до этого и сам повзрослевший подросток в момент пробуждения в нем огромных сексуальных сил, готовых выплеснуться наружу подобно зернам из перезревшего колоса, языческими жрецами отрывался от родной семьи и проходил очень трудную и опасную для жизни инициацию, благополучное завершение которой давало молодому славянину право начать свою собственную общественную деятельность с одновременным получением права голоса, права любить женщину и права на свой личный участок земли после свадьбы, что подтверждается фонетической и образной схожестью санскритских слов *vāṇī* — голос, речь, *van* — нравиться, любить, стремиться, владеть и *avanī* — земля, почва. Естественно, что это переходное время всегда было связано с большими надеждами и чаянием, но одновременно оно было связано и с разрушением прежней жизни, что соответствует значениям древнескандинавских слов *vána* — надеяться, чаять, ожидать, уповать и *vana* — разрушать. Косвенно эти выводы подтверждаются тем фактом, что так называемые бобыли изначально не имели жены и собственной пашни, да и значимость их голоса в общественной жизни была фактически нулевая. То есть их образ не соответствовал санскритским словам *van* — нравиться, любить, стремиться, владеть, *avanī* — земля, почва и *vāṇī* — голос, речь. Получается, что для крестьянской общины такие вроде бы взрослые люди были на положении «детей», в то время как сами крестьяне были такими же условными «детьми» для владевшего землей барина,- но при этом бобыли, в отличие от настоящих детей,- возможно, за редким исключением,- не могли изменить свой жизненный статус или «общественно повзрослеть».

Именно этот краткий период юности, во время которого половозрелая молодежь отделяется от родителей, получая видимость некой «свободы» от родительской опеки, когда-то назывался славной порой, что увязывает слово «пора» с ныне обшечным значением «пороть» - совершать половой акт, уходя при этом в потусторонний мир женского лона, в то время как фонетически схожее слово «пороть» — разрезать сшитое может относиться к образу ухода за порог отчего дома повзрослевшей и поэтому ищущей славы молодежи, которую до этого в целях воспитания и наставления на путь истинный нередко пороли родители.

Более того санскр. *loga* — ком земли и др.-гр. *λόγος* — слово, слава, разум, группа могут скрывать в себе образ некоего сплоченного и верного данному Слову коллектива, что соотносится со значением уйгурского слова «қом» — род, племя, которое можно сравнить с др.-гр. *κομέω* — заботиться, холить, окружать вниманием, в то время как само «слово» состоит из совокупности звуков, которые образно можно сопоставить с членами одной семьи, да и термин «слава» невозможен без отсылки к множеству знающих о каком-нибудь выдающемся человеке людей, в то время как разум характеризуется множеством основательных мыслей.

Любопытно, что англ. *slow* — медленный, неторопливый, неспешный подходит к образу обстоятельного и рассудительного человека, у которого каждое слово — на вес золота,- то есть это уже человек взрослый и семейный в отличие от суеющегося и что-то «щебечущего» юнца, лишённого права на настоящее веское Слово. Именно такому обстоятельному человеку соответствовал низкий тембр голоса и работа с

землей, над которой он должен был гнуть спину, как бы кланяясь матушке-земле, но при этом понимая свою зависимость от неба. Поэтому неудивительно, что элемент low в английском слове slow имеет значение низа, причем низ может быть и телесным, в то время как его медлительность объясняется семейной жизнью, когда никуда не нужно спешить, потому что «вторая половина» находится рядом. Однако в какой-то период времени в связи с захватом земель и закабалением крестьянства появилось низкое по своему положению сословие, что соответствует другому значению англ. low — человек низкого происхождения или социального положения, хотя первоначально это мог быть обыкновенный ребенок или холостяк, что связывает англ. low с курд. law — дитя, ребенок, сын, юноша, молодой человек.

Тем не менее, несмотря на то, что в моду у возникшей при этом паразитарной элиты вошли высокие голоса вплоть до фальцета, церковные песнопения в основном проводятся самым низким по своему тембру мужским голосом или басом, особенно в православной традиции. Хотя слово «бас» производят от ит. basso — низкий, однако при этом существуют санскритские слова bhāṣ — говорить, разговаривать, звать, призывать и bhās — сверкать, сиять, быть осененным мыслью, которые могут иметь древнюю религиозную основу, что отразилось на использовании баса в церковных песнопениях. Имеется и русское слово «баской» — красивый, которое образно соответствует значениям санскритского слова bhās — сверкать, сиять и др.-гр. βασιλεύς — царственный, могущественный, что соответствует образу сверкающей от переизбытка чувств молодости. Дополнительно можно указать на санскр. bhas — пепел, прах, пожирать, поглощать, значения которого могут иметь многочисленные смыслы, связанные как с древним вечерним богослужением вслед уходящему солнцу и ушедшим предкам, так и с любым видом семян или мужского семени, которые ввергаются во «прах» с последующим возрождением новой жизни, как обновляется и возрождается солнце, освобожденное от ночных оков или оков своего зимнего существования. Поэтому термин «солнце» соответствует санскритскому слову bha — звезда, созвездие, светило, солнце, в то время как образ передвигающегося небесного светила (и не только солнца) соответствует значениям древнегреческого слова βάς — всходить, отправляться, садиться верхом, доходить, опускаться, входить, исчезать. Более того в титуле βασιλεύς помимо элемента βα, сопоставимого с βάς, имеется элемент, схожий с др.-гр. ἵλη — группа, стая, отряд, что можно сравнить не только с яркими лучами — стрелами, испускаемыми небесными светилами, но и со всем ночным небосводом с множеством ярко сверкающих звезд, который вращается и оберегает землю. Поэтому сюда же можно добавить и др.-гр. ἵλαος (ἵλεως) - радостный, доброжелательный.

Своими значениями и своей фонетикой санскритские слова bhāṣ — говорить и bhās — сверкать, сиять связаны с русскими словами «басить» — занимать разговорами, ухаживать за женщиной, как солнце и другие небесные светила «ухаживают» за матушкой - землей, и «бас» — красота, бузина, колотушка, при том что растение «бузина» по народным верованиям обладает огромной колдовской силой и живучестью, а колотушка помимо значений «бить, болтать, сплетничать, просить, трястись, страдать», заключенных в родственном слове «колотиться», обладает явными признаками «болтающегося» мужского начала. Поэтому в вечерних церковных песнопениях обычно звучат следующие темы: конечность земной жизни человека, грехопадение и покаяние, а также пришествие в мир Сына Божия и творение Богом мира, что в положительных смыслах можно отнести к обновленному весеннему солнцу и к расцветающей после зимней спячки природе с проекцией на расцвет женской красоты после рождения ребенка.

При этом можно указать на англ. Low Church — низкая церковь, которая добивалась отмены рабства и прекращения работорговли, а также на английское сленговое low —

друг, приятель, подруга, приятельница, где явно видна сексуальная составляющая, связанная с телесным низом. К тому же дополнительные значения англ. low – вульгарный, грубый, невоспитанный, то есть дикий, и в то же время low – тихий, негромкий требуют своего объяснения, которое с одной стороны может заключаться в сравнении русского слова «дикий» с англ. dick – пенис, а с другой стороны в сравнении русского слова «тихий» с др.-гр. τίχη — судьба, участь, счастливый случай, несчастье, беда, что можно сопоставить как с умиротворением после хорошего секса, так и с упадком сексуальных сил по множеству причин. Но в любом случае др.-гр. τίχη может быть ассоциативно связано с фонетически схожим τίκη — каменное сооружение с намеком на отвердевание мужского органа, что подтверждается сопоставительным тиков — вагина. Свою роль здесь играет и понятие нижней церкви как подземной части храма, чье название может быть связано древними нитями с персидским словом hārām — женская половина дома (гарем), запретное, священное место, храм, святилище, жена,- а по простому — женский телесный низ, который когда-то обожествлялся, как и мужской.

11. Если же разбирать русский термин «слава» - возвышать себя, делать что-нибудь для вида, обсуждать, воспевать, возвеличивать в сопоставлении с санскритскими словами śravas — звук, слава, пыл, внешность, призыв, śrava (śruti, śrotra) – ухо, слух (чувство) и др.-ирл. clag – слово, уровень, ярус, то его можно сравнить как с ирландскими словами clú — слава и cluas – ухо в сопоставлении с санскр. śru — слышать о чем-то, учить, изучать, внимать, так и с санскр. śrā — варить, стряпать, доводить до готовности, делать зрелым, что в соединении с санскритскими словами van (vene), vena или vāk, обозначающими любовное стремление и человеческую речь, определяет облик достигшей определенного возраста и готовящейся к разного рода испытаниям молодежи, которая пока еще представляет из себя то, что определяется древнеирландским словом uan – агнец божий, простак, наивное дитя. Успешное прохождение таких испытаний в молодежном и хулиганистом «братстве», что можно сравнить с ирл. slua – войско, толпа, народ, др.-ирл. slúag (slog) с тем же значением и с англ. brat – сорванец, негодник давало ей право быть услышанной обществом и в каком-то смысле быть «услышанной» близкими по возрасту людьми противоположного пола, откликнувшимися на зов человеческой природы, который, однако, мог привести и к тому, что определяется др.-ирл. claen – грех, порок. Необходимо также сравнить др.-ирл. slúag (slog) — воинство с ирл. sluaghairm — боевой клич, призыв и русскими словами «слуга», «служить» и «служба», потому что половозрелые подростки призывались на службу обществу, что соответствует образному сложению отдельных частей в однообразный массив. В таком случае ирландские слова clú — известность, слава, репутация, честь и slua — воинство, простой люд, народ имеют единую образность, соответствующую категории взрослых людей, в том числе и людей военных, занимающихся служением своему сообществу. Сюда же надо добавить и ирл. glao – крик, зов в сопоставлении с ирландскими словами glóir — слава и glé — яркий, блестящий, а также glan — чистый, целомудренный, потому что «расцветающие» подростки в свою весеннюю пору могли иметь половую связь только лишь после прохождения инициации, когда они начинали соответствовать значениям ирл. glíc — умный, хитрый, коварный, становясь при этом glúin — поколением, которое движется дальше (ирл. gluais).

В случае продления образных сравнений образуется цепочка, включающая ирландские слова glíu — клей в сопоставлении с gliudóg — увалень и gliúcaí — соглядатай (сравните с санскр. lī — ласкаться, липнуть), русское «клей» в сопоставлении с выражением «клеить девушку» и древнегреческие слова κλέος - молва, слух, слава, славные деяния в сопоставлении с κλάζω — звать, призывать и κλάς — (преимущественно отломанная) ветка, побег, притом что отрезанная ветка

или побег в качестве ассоциации с половозрелым подростком соответствуют ирландским словам *slais* — резать и *slán* - здоровый. Забирая у чужого племени девушку, неженатый еще подросток выполняет действия, соответствующие ирл. *slad* — грабеж, разорение, но в то же время значения ирландских слов *sladmhargadh* - сделка, торг в сопоставлении со *sládar* — бить, рассекать и *slabhraithe* — скованный, сцепленный, *slabar* — узкий, тесный, ограниченный соответствуют тесным семейным узам и неотвратимым общественным обязательствам, которые налагает на себя до этого гулявший на свободе молодой человек, вступающий во взрослую жизнь, предварительно «ударив по рукам» при заключении сделки с родителями избранной девушки. Отдельно отметим ирл. *slábhaí* — раб в сопоставлении со *slabhra* — цепь, которые отличны от этнонима *slavach* — славянин, хотя славянские общины и славянские семьи также представляли из себя тесное единение зависящих друг от друга людей, тем более что существует выражение «цепь поколений». В данном случае интересно сравнить санскр. *lābha* – достижение, приобретение, рост, захват, завоевание, восприятие, понимание, осознание, знакомство, наслаждение в сопоставлении с ирл. *slábhaí* — раб (в том числе и раб любви) и санскр. *lava* – резание, жатва, шерсть, волосы, часть, доля, разрушение, разорение, забава, развлечение в сопоставлении с образом бородатых славян, пашущих землю и собирающих урожай, причем термины «забава» и «развлечение» имеют эротический оттенок, связанный с жизненной силой, которая тождественна силе сексуальной. Косвенно на это указывают англ. *game* – игра и санскр. *gata* – соитие, случка.

В этом отношении термин «слава» в хорошем и плохом вариантах следует сравнить с итальянскими словами *slavo* – славянин и *slandra* - распутная женщина, вычленив из них элемент «*sla*», который, как уже было сказано, может соответствовать соединению санскритских слов *sa* – с, вместе с и *la* – начинать, предпринимать, мечтать. Такое «мечтание» бывает в юношеском возрасте с проявившейся сексуальностью, что делает подростка полноценным и здоровым наподобие жаркого весеннего солнца (латин. *sol*), стоящего в зените, - то есть в наибольшем удалении от земли. Исходя из этого образа отдаленности, половозрелый подросток является сексуально одиноким в соответствии с праиндоевропейским корнем **sol* - "целый, ухоженный" и итальянским словом *solo* – один, одинокий. Однако при этом следует учесть латин. *salve* – здравствуй, будь здоров, ит. *salva* – залп, салют и англ. *salvo* – повод, предлог, утешение, салют, которые считаются связанными с латин. *salvus* – здоровый и PIE **sol* - "целый, ухоженный", а через метатезу и внутренние смыслы они могут быть соединены с термином «слава». Этот термин в прошлые времена мог обозначать знаменательную пору, когда человеческое существо наполнялось огромной жизненной силой (становилось славным) и готово было «выстрелить» в качестве полноценного человека, обладающего многими яркими возможностями. Любопытно, что грузинское имя Шалва, которое трактуется как «гармония, счастье, радость, покой», через значение «покой» можно связать с русским сленговым «спать» — иметь сексуальную связь с противоположным полом, в то время как ит. *slandra* - распутная женщина можно сравнить с русским словом «шалава» - беспутная женщина, что можно в случае хорошей славы сравнить с санскр. *śāl* — хвалить, а в случае дурной славы с санскр. *śal* — встряхивать, взбалтывать, - то есть вывести из равновесия, лишить покоя или сбить с пути. Очевидно же, что в первом случае — это спокойная семейная жизнь, а во втором случае — это юношеская взбалмошность, ведущая порой к внебрачной связи.

Исходя из всех этих предположений, значение ит. *slavato* – бледный помимо светлого по сравнению с итальянским типажом цвета кожи славян можно отнести к пока еще недозревшей юности, значения ит. *slancio* — разбег, скачок, порыв, стремление и ит. *slagare* – разливаться - к буйству гормонов, а значения ит. *slabbrare* — распадаться и

ит. *slamare* — вычищать могут относиться к рождению ребенка, выходящего из материнского лона. Поэтому слово «чисто» можно сравнить с церковнослав. «чиста» — матка,- пока еще не тронутая «грехом» или очистившаяся от ребенка. Не случайно же «любящий» подметать полы веник имеет брачную символику, а сор при этом не рекомендовалось выносить из избы. То есть все отношения между мужчиной и женщиной в прежние времена должны были оставаться недоступными для постороннего взгляда. Также здесь может быть зашифрован запрет на аборт, когда внутриутробный плод сравнивается с никому не нужным сором. Дополнительно итальянские слова *slabbrare* — распадаться и *slagare* – разливаться можно образно отнести к уходу молодежи из родного племени, что в то же время способствовало расширению и так уже обширного славянского мира.

Здесь любопытно отметить, что значение русского диалектного слова «веньгать» (вяньгать) — канючить, то есть просить, выпрашивать, может быть изначально связано с санскритскими словами *kanā* — девушка, девица и *uc* (*ucita*) – любить, заботиться,- а значит, «канючить» когда-то могли молодые парни, выпрашивая у понравившихся девушек благорасположения. Сравните: фин. *кана* — курица, что раздраженные финны употребляют по отношению к женщине. В то же время, догоняя в игре одну из девушек и легонько ударяя ее по спине рукой, парень делал ей соответствующий намек, что можно сопоставить с датскими словами *slå* — бить, ударять и *ven* – друг, приятель, подруга, приятельница, а у русских парней такой удар назывался «рабить (девушку)», приглашая ее на ночное гулянье. То есть первоначальное «рабство» могло относиться к тесному любовному или дружескому единению, что объясняет появление англ. *slave* – раб, рабыня в сопоставлении со *slav* – славянин. В каком-то смысле такой удар, будучи признаком благорасположения или связи, соответствовал посвящению в рыцари или в какой-нибудь религиозный орден «полюбившегося» адепта, что естественным образом отражается на введении молодым мужчиной в свое семейство, или в свою «фамилию», выбранной им или же его родителями девушки, зачастую в качестве подневольного человека. Однако при этом необходимо учитывать и латинские слова *fāma* — молва, слух, репутация, слава и *fāmēs* – крайняя нужда, страстное желание, нищета, голод, ассоциативно связанные с появлением сексуального чувства у подрастающего поколения.

Поэтому даже слово «учить» в случае его связи с санскр. *uc* (*ucita*) - быть пригодным, подходящим, устраивать, наслаждаться, любить может иметь сексуальный оттенок, как и слово «знать» по причине русского выражения «познать женщину» и санскритского слова *snāta* – вымытый, очищенный, погруженный (поглощенный), опытный (сведущий), инициированный, значения которых могут соответствовать образу прошедшего обрядовые испытания молодого человека, что позволяло ему вступать в половые отношения с женщиной. В нынешние времена слово «учить» приобрело более конкретный оттенок, связанный с процессом передачи тех или иных знаний от учителя к ученику, но все равно в русском языке сохранились такие понятия как «любимый учитель» и «любимый ученик», а также слово «проучить» - наказать за какой-то проступок.

В сущности языческий обряд инициации подростков схож с более поздним обрядом Крещения, а время от Рождества и до Крещения, занимаемое такими же языческими святками, во время которых происходит разгул нечистой силы, определяет период беспокойного поведения подростка из-за игры гормонов, падавший в прежние времена на промежуток от начала появления неуправляемого либидо до момента его умирения, в результате чего сексуальный дикарь, благодаря руководству жреца, превращался в законопослушного человека и в скором времени семьянина. Поэтому нынешнее исключительно славянское омовение в проруби во время Крещенских

морозов, до сих пор не признаваемое церковью, в древнейшие времена могло знаменовать очищение от сексуальной безудержной скверны, связанной с одной стороны с «оледеневанием» мужского органа во время любовной страсти, а с другой стороны с его «исчезновением» при омовении в проруби. Этому мнению соответствует эпизод из книги Аполлона Коринфского «Народная Русь», когда толпа молодых людей на лошадях во время святок носилась по всем дворам и била метлами и кнутами по темным углам и закоулкам (аналоги темной женской утробы), сопровождая это битие заклинаниями, криком и визгом. По окончании святок притихшие молодые парни дружной толпой шли окунуться в прорубь, что схоже с до сих пор существующим у мусульман полным омовением, которое происходит после прошедшего сексуального контакта. Здесь к месту будет упомянуть о фильме «Укрощение строптивого», в котором Челентано рубил дрова, чтобы убрать свой сексуальный пыл. В таком случае рубка дров заменила ему ледяную прорубь.

Ну и, конечно, есть параллели с крещением уже взрослого Христа в Иордане и с нынешним предварительным крещением младенцев в церковной купели, но, все-таки, изначальный посыл является сексуальным, ведущим к разумному человеческому плодородию, образно связанному с разумной обработкой земли. Поэтому слово «крестить» в своем более древнем значении, а также слово «крестьянин», не может не быть связано с санскритскими словами *kṛṣṭi* — оседлый народ, земледелец, мудрец, урожай, плод, результат и *kṛṣṭa* — влекомый, натянутый, вспаханный, обработанный, пашня в сопоставлении с русскими словами «пах» и «пахать», а также в сопоставлении с русским неприличным выражением «натянуть женщину». В принципе слова «осесть на земле» соответствуют словам «найти себе жену», а не бродить от женщины к женщине. В то же время имеющее фонетическое сближение со словами *kṛṣṭi* и *kṛṣṭa* санскр. *śreṣṭha* — самый красивый, наилучший, наивысший по семантике можно сравнить с еще одним санскр. *vaga* — избранный, самый лучший, возлюбленный, любовник, супруг, жених, а также с русским словом «варвар» - милый, дорогой, любимый человек в отличие от чужого самца, обозначаемого др.-гр. *βαρβαρος* - грубый, непонятный. Не стоит сбрасывать со счетов и англ. *crest* — гребень, хохолок, холка, грива, потому что тот же девичий гребень использовался в магии любовного приворота и в гаданиях молодых девушек на будущего супруга. На сексуальное наполнение слова *crest* (*krest*) указывают и другие его значения «подниматься, вздыматься, гордость, спесь, чванство».

12. Таким образом с учетом санскритских слов *śrā* — доводить до готовности, делать зрелым, *śru* — слышать о чем-то, учить, изучать, внимать и *van* (*vene*) — любить, нравиться, стремиться, обладать, помогать, готовить, *vāṇī* — голос, речь, слова, музыка, а также *vuāṇa* — дыхание, славянами (словенами) могли называться прошедшие обрядовую инициацию молодые и полные сил люди, которые получали право голоса, право иметь собственную семью и право работать на своей земле после заключения брака, - то есть они получали приглашение стать владельцами или хозяевами неких маленьких социальных групп, имеющих возможность к расширению своего состава. При этом они становились гордыми и славными людьми в соответствии с английским словом *crest* — гордая осанка и санскр. *śravas* — звук, слава, усердие, пыл, восторг, внешность, после чего не сгибаясь свой «крест» судьбы. Этот вывод подтверждается датскими словами *slå* — бить, ударять, задвигать, засов и *ven* — друг, приятель, подруга, приятельница, притом что *slå på* означает не только «ударять», но и «намекать на что-то» в полном соответствии с русским словом «рабить» — легонько шлепать девушку по спине, приглашая ее на ночное свидание.

Этот приобретаемый с возрастом статус альфа-самца соответствует санскритским словам *śravaṇa* — приглашение, зов, слушание, репутация, учение и *sṛāvaṇa* —

изливающий, испускающий, источающий, излучающий, вынуждающий течь, которые имеют определенную связь с санскритскими словами śaga — тростник, камыш, стрела, жидкость, вода и saga — зерно, сердцевина, сила, мощь, суть, сок, вода, а также śrāva — который должен быть услышанным. Vaṇa при этом означает «звук, шум», но в то же время vaṇa — заросли, вода соответствует слову śara — тростник, камыш, стрела, жидкость, вода. К этим словам можно добавить санскритские слова śala — палка, жезл, посох и śāla — ограда, помещение, что можно образно связать с репродукционными органами мужчины и женщины. С учетом того, что колеблющийся тростник или камыш мог восприниматься в качестве трепещущего от страсти мужского начала, а вода — в качестве женского начала, внезапно открывшаяся взгляду суть, рожденная истинными любовными отношениями, могла обозначать, например, желанного сына или в те времена менее желанную, но более милую, дочь, которая после своего взросления будет выдана замуж, что в первом случае может соответствовать санскр. kam (любить, хотеть, желать) + iṣ (приводить в движение, возбуждать), а во втором случае — санскр. vadhū — женщина, самка и санскр. voḍhā — взятая в жены. В третьем же случае уже сами значения «суть» и «истина» могут соответствовать санскритским словам suta — сын, sutā — дочь, sū (sūta) — приносить, порождать, ta — он, она, воин, боец, matka, лоно и iṣṭa — искомый, нужный, желанный, милый, любимый + īna — сильный, крепкий, могучий (могущий), что может относиться в первую очередь к рождению половозрелых самца и самки, а затем уж к рождению здорового и крепкого ребенка.

Если же сравнить начальное śga - доводить до готовности, делать зрелым в санскритских словах śgravas — звук, слава, пыл, внешность и śrava — желание восхвалять не только с санскр. śrī — слава, очарование, процветание, королевское достоинство, рассудок, понимание, речь, слово, но и с санскр. śāl — говорить, хвалить, светить, то откроется возможная связь санскр. śrava — желание восхвалять с латин. salvē — здравствуй, будь здоров, а значит и связь ит. salva — салют с русским термином «слава», в которых окончание va (ва) можно сравнить с санскритскими словами vā — сплетать, соединять, распространяться и vas — сиять, сверкать, светить в сопоставлении с vaś — страстно желать, любить и vaṇ — стремиться, нравиться, обладать, помогать, любить. Дополнительные санскритские слова vāś — издавать звук, vāk — голос, речь, звук, слово и vāṇī — голос, речь, слова, музыка, красноречие предполагают связь этнонимов «словаки» и «славяне» (словене). В то же время элемент «сла» в сопоставлении с санскр. śāl — говорить и элемент «вяне» (вене) в сопоставлении с санскр. vāṇī — голос, речь, слово могут дублировать друг друга по значению «говорить», одновременно относящемуся к терминам «Слово» и «Слава», что указывает на сакральное укрепление этнонима «словене» (славяне), который относился к людям, внятно разговаривающим на понятном для них языке, в отличие от детского «лепета», не воспринимаемого в качестве статусной речи. Более того соединение санскритских слов śrāva — который должен быть услышанным, слышимый, внятный, отчетливый и ṇa — знание, решение определяет образ взрослого и знающего молодого человека, обладающего правом голоса, в то время как другое санскр. na — не, нет указывает на недостаточную зрелость юного возраста, что не позволяет юнцу получить право быть услышанным.

Таким образом возникает понятие красноречия или сияющего Слова, которое присутствует в этнониме «славяне» (словене), что косвенно указывает на обучение подросшей и полной сексуальных надежд молодежи правильно и складно излагать свои мысли, в том числе игрой на музыкальных инструментах. Для этого достаточно сравнить старинное русское слово «гусли» с санскритскими словами ghus — издавать звук, привлекать, манить, побуждать и li — приставать, прилипать, достигать, добиваться, чему соответствует вид самих гуслей, состоящих из ряда натянутых и

объединенных в общую систему струн, которые могут обозначаться санскр. *sara* — струна, нить, веревка, что, в свою очередь, можно сопоставить с санскритскими словами *śravas* — слава, звук, призыв и *śāl* — говорить, хвалить, светить. В то же время с учетом мифологического соединения невидимой нитью влюбленной пары, а также с учетом соединения пуповиной матери и внутриутробного плода, санскр. *sara* — струна, нить, веревка можно сравнить с другими санскритскими словами *śala* — палка, посох, жезл, *śālā* — дом, комната, помещение и *śāla* — находящийся под кровом, которые ассоциативно связаны с сексуальными взаимоотношениями (киданием «палки») мужчины и женщины и последующей женской беременностью. Сюда же можно добавить санскр. *śara* — тростник, камыш, стрела в качестве варианта слова *śala* — палка, посох, жезл и *śara* — жидкость, вода в качестве варианта слова *śālā* — дом, комната, помещение, что подтверждается символикой воды как некой порождающей силы, которая получает во внутриутробных пределах беременной женщины свое начальное развитие (околоплодные воды).

Поэтому если сравнить санскритские слова *śra* - доводить до готовности, делать зрелым и *sāra* — сильный, крепкий, могучий, ценность, богатство, суть, зерно, вода, а также *sar* — идти, бежать, течь, струиться и *sara* — жидкий, текущий, веревка, нить, струна, то в них можно обнаружить не только сочетание зрелости и крепости, что в те времена было свойственно выжившей молодежи, но и эвфемизмы, связанные с божественной «нитью», соединяющей мужчину и женщину, а также небо и землю, в образе текущих водяных «нитей», символизирующих плодородие. Любопытно, что санскр. *nīti* — правильное поведение, жизненная мудрость, политика, обычай, которое может быть связано со словом «нить», категорически исключает из своих значений суматошное поведение юнцов, обуреваемых невнятными любовными желаниями, которые дергают их за ниточки. Именно такое поведение может быть скрыто за словами «шалеть», «шалить» и «шалава», которые при всех своих отрицательных значениях, все-таки, связаны не только с санскр. *śāl* — встряхивать, взбалтывать, трястись, сотрясаться (например, от любовной дрожи), но и с санскр. *śāl* - говорить, хвалить, светить,- в данном случае обманывать, хвастаться и модничать,- что сближает значения образа шалавы — беспутной и легкомысленной женщины и реже мужчины с образом хвастуна и пустослова, получившего дурную славу, а не ту, которая определяется санскр. *śravas* — слава, звук, призыв. Поэтому молодым людям, дабы исключить их дальнейшие шалости и научить держать в узде чрезмерное либидо, с помощью инициации давали в руки путеводную нить, что также можно сравнить с похожей формой *nīta* санскритского слова *nī* — вести, направлять, устанавливать.

13. При этом образно примыкающее к значению санскр. *śra* - доводить до готовности, делать зрелым значение санскр. *vyāna* — дыхание, совпадающее с русским диалектным «вянуть» — дуть, веять и ассоциативно соответствующее библейскому «и создал Бог человека из праха земного, и вдул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою», может указывать не только на мифологическое обоснование жизни как дышащей субстанции, но и на не совсем очевидный в нынешнее время факт, что полностью живым считался лишь тот, кто достигал состояния зрелости, когда оживал его детородный орган, что соответствует общенному слову «вдуть» - совершить половой акт,- то есть когда новоявленный человек обретал зачатки мощной мифологической «силы», которую по своей созидательной и разрушительной мощи можно сравнить с силой ветра, при том что ветер в народных представлениях наделяется признаками демонического существа. Не случайно же древние боги плодородия изображались с огромными эрегированными членами, которыми они разрушали бесплодное состояние природы.

Естественно, что дующий в полную силу ветер становится хорошо «слышимым», а

человек, имеющий не только право голоса, но и право на брачные отношения, становится «слышимым» и «славным», но в то же время санскритские слова śravaṇa - учение, репутация, приглашение, хромой и śrāvaṇa — воспринимаемый на слух указывают на процесс обучения «услышанного», но пока еще не уверенного в себе, подростка, который подобно тростнику или камышу шатается из стороны в сторону, как делает это хромой человек. При этом значение «хромота» в термине śravaṇa указывает на нечто демоническое, присущее тайному учению, которое имеется и в таинственном сотворении человеческого существа,- то есть ребенка,- темной утробой беременной женщины с ее «утиной» походкой, когда она переваливается с ноги на ногу, что наложило свой отпечаток на термин «славяне», а также на то, что любого выдающегося мастера, особенно обладавшего каким-нибудь физическим недостатком, могли обвинить в связи с нечистой силой. Эти ассоциации позволяют связать санскритские слова śara — тростник, камыш, стрела, вода, sāra — сильный, крепкий, ценный и śara — веревка, нить, струна, śāra — пестрый,- то есть неоднородный или колеблющийся между светом и тьмой, что как раз характеризует неустойчивого подростка, но это же характеризует и жреца, находящегося на границе между явным и тайным мирами, причем подросток и жрец могут выступать в качестве своеобразной веревки, соединяющей ребенка и взрослого человека или же земную и потустороннюю сферы.

Что же касается до сих пор будоражащего умы slave — раб, невольник с отбрасыванием весьма важных значений «ведомый, управляемый» и «работорговец», то, все-таки, раб в нынешнем понимании этого слова может иметь твердое намерение убежать от своего господина и при случае непременно совершает побег, чтобы затем представлять бывшего хозяина в черном цвете, а влюбленный, напротив, даже издалека всегда стремится к предмету своей любви и думает о нем, как о цветке всей своей жизни. В этом и заключается истинное значение древнейшей «связи» между людьми, которые называются тесными человеческими узами, а не надуманное более поздними поколениями издевательство человека над человеком, причем такому смыслу значений англ. slave — ведомый, управляемый соответствует санскр. vodhā — приведенная в дом, взятая в жены и др.-русс. «водити жену» — жениться.

В принципе заключение брака не могло происходить без предварительного обучения основам взрослой жизни в соответствии с санскритскими словами veda – знание, священное знание, сплести, соединять вместе и vedha – проникновение, проламывание, дыра, отверстие, смесь жидкостей в сопоставлении с фонетически одинаковым vedha — благочестивый, набожный, правдивый, заслуживающий доверия,- то есть в обыденном смысле не ходящий «налево». Так что brutальный вождь может оказаться обычным женихом или супругом, по-человечески относящимся к матери своих детей, если сопоставить литовские слова vādas — вождь и vadá – приплод, помет с учетом русского народного слова «вожай» — козел-вожак, который если и воет, то с предполагаемыми самцами-соперниками.

Мифологически такую любовную связь мужчины и женщины можно представить в виде любовной связи солнца и земли, где мужское начало выступает в роли санскр. sūr – солнце, а женское - в роли санскр. avanī — земля. Отдельно можно сопоставить санскритские слова bha — светило, солнце и bhū — земля, heli — солнце и halā — земля, а также английские слова sol – бог солнца и soil — земля, почва, грунт или же латин. sol – солнце и фр. sol – земля, причем значение «сексуальной» и даже в некотором роде духовной связи между ними скрытно присутствует в других значениях англ. soil — пачкать, марать, запятнать, загрязнять, пакостить, если под словом «загрязнение»,- то есть, фактически, покрытие нижнего верхним,- понимать высыпание солнечных лучей, а также небесных дождевых струй, на земную почву. В

то же время и похотливые мысли можно связать с загрязнением.

Похожий вариант «загрязнения» присутствует в значениях санскр. grāsa — поглощение, астрономическое затмение и опосредованно в санскр. hala — плуг, часть которого при пахоте «поглощается» (или загрязняется) halā — землей, причем элемент ha включает в себя значение «совокупление, соитие», а элемент «ala» связан с выделением и, соответственно, с загрязнением. Сравните при этом русское народное «срань» - дети и санскр. āla — потомство. Также любопытно сопоставить латинские слова sol — солнце и āvēna — овес, стебель, тростник, свирель, потому что образы солнечных лучей, пробуждающих спящую природу, и трепещущего от легкого дуновения тростника можно наложить на образ молодого Славена, соответствующий не только латинским словам sāl — рассудок, ум, изящество, тонкий вкус, sālah — похотливый, возбуждающий похоть, sāleo — быть горячим, взволнованным и āvens — желающий, охотно делающий, āveo — страстно желать, жаждать, томиться, здравствовать, но и санскритским словам sal — идти, двигаться, sala — ветер, дрожание, трепетание и avas — желание, потребность в сопоставлении с āvan — требовать, желать. По ассоциации к этим словам можно добавить имя славянского бога смены времен года Авсена (Овсена), приносящего вести о начале весны и начале осени, который подготавливал приход молодого солнца и способствовал наполнению крестьянских закромов урожаем. Ясно же, что Авсена (Овсена) можно назвать земным богом плодородия, но с другой стороны он является отражением небесного бога солнца, который обретал свою плодородную силу с приходом весны и утрачивал ее в осенний период.

14. Как известно, обряд посвящения в рыцари включал в себя помимо мытья тела и надевания чистых одежд ночную молитву (Слово), опоясывание мечом и легкий удар другим мечом по шее или по плечу новоявленного адепта проводившим церемонию человеком. Если допустить, что этот обряд соответствовал более древнему обряду инициации повзрослевшего юноши, дававшего клятву быть достойным своего нового статуса, то слово colée — церемониальный удар входит в один образный ряд не только с русскими словами «коло» - круг и «колея» - след от колес, но и с исп. slá — бить, ударять, косить, обивать, оковывать, что по своему внутреннему смыслу соответствует выражениям «дать клятву», войти в круг избранных и «войти в колею», - то есть пойти по проторенному многими поколениями пути в отличие от значений slabba — шлепать по грязи и slark — плохая дорога, распутица, разгульная жизнь. При этом нахождение в «колее» обычной человеческой жизни как раз и соответствует др.-ирл. clú — слава и англ. slave — раб, но раб не униженный, а получивший статус одного из членов семейства или клана, что по ассоциации добавляет к этим словам английские слова slam — бить, clam — ударить (в колокола), скреплять, зажимать и slap — шлепать, clap — хлопать, а также другое английское слово slice — часть, доля, кусок в сопоставлении с англ. cliché — штамп, клише. Чтобы не было сомнений, чем в своем истинном варианте может быть такой удар или такое хлопанье, да еще со штамповкой похожих друг на друга изделий (частей), можно привести и другие значения англ. clap — спрятать, загнать, триппер. В таком случае, учитывая тождественность слов slam и clam, slap и clap, а также образную тождественность slice и cliché, с англ. slave — раб можно сопоставить староангл. clave — оставаться верным, прилипнуть или, например, clown — деревенщина, что как нельзя лучше подходит к образу сакрально привязанных к матушке - земле славян. Причем в роли своеобразных «клоунов» в прежние времена выступали ходившие по городам и весям скоморохи со своими шутками «ниже пояса», а заодно молодые и неженатые парни, забавлявшие девушек своим «клоунским» поведением.

Одновременно возникает необходимость рассмотреть латинское слово colonus, как называли условно зависимых крестьян в Римской империи времен ее упадка и в

Византии, которые, хотя и были свободны во всех отношениях, однако оставались «рабами» договора об аренде земли, - то есть «рабами» данного арендатору «Слова». Конечно, с падением Римской империи часть колонов, благодаря своему образу жизни, могла влиться в славянский массив, но отождествлять всех славян с колонами не представляется возможным. При этом латинск. *cōlis* - стебель, стержень, половой член проясняет истинный смысл слова *colonus*, которое было создано путем соединения латинских элементов *col-* 'с, вместе с, с помощью, заодно' и *onus* – бремя, обязанность, долг, расходы, что помимо крестьянской работы и связанных с нею расходов можно трактовать как совместное выполнение супружеского долга, а также как времена «оно», во время которых происходило развитие внутриутробного плода, а женщина носила предназначенное ей «бремя». Но об этих временах «оно» выросший человек не может ничего знать по определению. Тем не менее слова *cōlis* — стебель и *colonus* — зависимый крестьянин - колон фактически являются синонимами, потому что окончание *is* – этот, тот, такой в первом слове через его санскритский аналог *is* – сила, мощь, владение, хозяйство образно можно сравнить с окончанием *onus* – бремя, обязанность, долг, расходы во втором слове, притом что женская беременность через последующее рождение ребенка несомненно усиливает значимость крестьянской семьи и в то же время оказывает мощное воздействие на женщину, да и само крестьянское хозяйство требует больших расходов, как и содержание рожденного ребенка.

Другой вариант соединения латинских элементов *co* (*cō*) – с, вместе с, заодно и *lis* — процесс, тяжба напоминает собой не только споры колонов с землевладельцами, которые разрешались в судебном порядке, но и пресловутую битву за урожай с погодными условиями, которую не всегда удавалось выиграть даже совместными усилиями, что в сексуальном плане так же не всегда заканчивалось отбором здорового ребенка из чрева матери. Судебные процессы могли происходить и при разводе мужа с женой. Более того, обговариваемые условия при заключении брака в какой-то мере соответствовали договору, заключаемому с владельцем арендованной земли, которая древними славянами воспринималась как матушка - земля, рождающая необходимые им хлебные злаки, а отношения с нею воспринимались как некие религиозные таинства с сопутствующими началу сева и окончанию сбора урожая обрядами и заклинаниями. Поэтому латинские слова *clam* — тайным образом и *clāto* — взывать, провозглашать, называть вместе с англ. *clam* – ударить (в колокола) создают образ некоего деревенского заклинателя, который был подобен шаману, издающему непонятные звуки и бьющему специальной палочкой - колотушкой в свой шаманский бубен, чтобы в результате религиозного экстаза душа его вознеслась в высшие и опустилась в нижние сферы потустороннего мира. Образно такие духовные движения совпадают с экстазом от любовного соития, когда одновременно с движениями мужского органа вверх-вниз возникает чувство неизъяснимого блаженства, которое требует неоднократного повторения, захватывая молодого человека в свой сладкий плен, который с рождением ребенка переходит в череду будничных забот.

Исходя из данных соображений, возможна определенная связь между английскими словами *slave* — раб и *love* — любовь, причем начальное «s» можно сравнить с англ. *say* — сказать, провозгласить, что соответствует клятве, даваемой при вступлении в брак или в какое-нибудь религиозное братство. С учетом значения связи, что подтверждается санскр. *sa* (латин. *so*) – с, вместе с, англ. *say* — сказать, провозгласить можно сопоставить с персидским словом «зай» — родящий, производящий, рождаться, появляться на свет, что в совокупности соответствует древней процедуре признания отцовства, без которого рожденного ребенка ждала

незавидная судьба. По своему смыслу признание, как и непризнание, имеет отношение к слову «запятнать», которое кроме позорного значения имеет и значение установившейся связи, наиболее явственно проступавшее в уже исчезнувших молодежных играх, когда парень старался догнать понравившуюся ему девушку и слегка шлепнуть ее по спине (рабить), намекая этим о своем к ней расположении.

Рассматривая термины slave — раб и love — любовь, можно указать и на англ. lave — совершать омовение, что у мусульман означает очиститься от следов менструации или от «скверны» после сексуального контакта, причем до, во время и после него произносятся определенные слова в знак защиты от темных сил и принятия божественной чистоты. В принципе это можно сравнить с церк.-слав. чиста — матка, которая в древние времена была вынуждена постоянно рожать детей и постоянно очищаться от скверны, что логично сопоставить со словом «срань» - дети. Видимо, к такому смыслу сексуального омовения может относиться и яростное мытье славян в бане с непременным хлестанием (битьем) своего грешного тела или тела другого человека, что как раз и можно сравнить с датск. slå — бить, избивать и ven — друг, приятель, подруга, приятельница при наличии санскр. vana — вода, заросли, vanitā — любимая, супруга, женщина и русских слов «веник», «венук» и «венец» с дополнительным смыслом брачных отношений.

Очевидно, что название веника, состоящего из скрепленных прутьев, можно сравнить с санскр. vāna — действие сплетения, соединения, сшивания, но в то же время и санскр. veṇī — коса из соединенных вместе волос также сравнимо с названием веника. Более того еще одно значение veṇī — сор, мусор в ассоциативном плане за профанным «веник выметает мусор» позволяет видеть и сакральные смыслы, которые связывают косу и мусор с девичьей плодовитостью. Сравните: «сор» — навоз и «срань» — дети. В сопоставлении терминов «веник» и «вода», под которыми ассоциативно можно понимать мужчину и женщину, роль воды раскрывается в еще одном сопоставлении на этот раз санскритских слов ar — вода и āri — друг, приятель, союзник, при том что человек или мужчина может одинаково жаждать как воды, так и женщину. Поэтому хлестание веником в бане символизирует усмирение жаждущей плоти, что, тем не менее, не отменяет вероятной связи слов «пар» и «пара», когда от наплыва жарких чувств души влюбленной пары испытывают приятное воспарение.

В данном случае со значениями «бить, хлестать» и «веник» можно связать санскритские слова śūr (śī) - бить, ударять и śara — тростник, камыш, вода, которые имеют основу «śg», такую же как и санскр. śgā — доводить до готовности, созреть. Но в то же время со значением «веник» можно связать не только санскр. vana — вода, заросли, но и фонетически схожее со словом «вода» санскр. vadha — телесное наказание, побои, причем здесь надо видеть образную связь веника с тростником и зарослями. Даже русское слово «баня», образно схожее с санскритскими словами vana — вода, заросли и vana — дикий, необузданный (намек на яростное хлестание банным веником), на самом деле имеет сексуальный смысл, что подтверждается русскими диалектными словами «баня» — изба, снятая девушками формально для прядения, а на самом деле для встреч с парнями, девишник или мальчишник перед свадьбой, обрядовая песня на свадьбе и «банить» — исполнять обязанности акушерки, а также «баня» — шар, пузырь, свод, пузатый сосуд, что образно совпадает с другими значениями санскр. vana — сильное и страстное желание, источник, родник и значением санскр. vāna — расцветший, раздувшийся, как расцветает молодая беременная женщина и как раздувается мужской орган во время юношеского расцвета организма, наполненного пылом, жаром, сиянием и блеском.

Поэтому можно предположить, что слово «баня» имеет определенную связь с санскр. bhāna — свет, знание через выражение «познать женщину», потому что в

бане происходит соединение темноты и воды с разожженным огнем, знаменующее соединение темного женского и светлого мужского начал, что отчасти соответствует наличию в древности общих для мужчин и женщин мылен, которые на Руси существовали вплоть до конца 18 столетия и в которых, тем не менее, не допускалось никаких половых контактов, что могло соответствовать поведению парней и девушек в снятой для встреч «бане», где имели место лишь скабрезные шуточки и флирт. Все остальное выходило за рамки приличий и осуждалось обществом. Отдельно можно указать на наличие в древнеримских банях библиотек, что еще больше сближает русское слово «баня» с санскр. bhāna — свет, знание.

15. Дополнительные санскритские слова sūra — солнце, стекающая сома в сопоставлении с śūra — герой, воин и śūla — пика, копье, дротик, вертел, а также śaga — тростник, стрела, вода в сопоставлении с sāga — сила, мощь, зерно, суть, богатство, вода и śala — палка, посох, жезл, подкрепленные санскритскими словами śīra — острый, sirā — вена, артерия, жила, поток, водосток и śīla — колос, в совокупности определяют образную связь благодатных солнечных «стрел» с острыми струйками дождя и с острыми злаковыми растениями, в то время как санскритские слова sṛ — источник, струя, поток, śṛ (śṛ) - бить, ударять и śrā — доводить до готовности, созреть указывают не только на силу весенне-летнего героя — солнца, но и на обмолот злаков, вошедших в силу, благодаря жарким солнечным лучам и живительной небесной влаге, что может быть спроецировано на хлестание веником человеческого тела в жарко натопленной бане для придания ему силы и крепости, составляющих суть человеческого организма. При этом русское выражение «бить ключом» - быть бурным, плодотворным, то есть вести активный образ жизни (активный быт) хорошо сопоставляется со значениями англ. bit – поведение, образ действий, что в совокупности со значениями bit – бурав, зубило, резец, взнуздывать, обуздывать, кусать, жалить, обжигать, дробить и bitch – самка, жаловаться, ворчать, скулить дает нам скрытое описание принуждения к половому акту, ведущему к «дроблению» самки на части (англ. bit – частица, доля, кусок). Сюда же надо отнести др.-фриз. bita – резать, протыкать, проникать, санскр. bhitta — фрагмент, разрез (с учетом санскр. ta – матка, лоно) и нем. bitten – звать, упрашивать. Исходя из брачной символики веника, датские слова slå - бить, избивать и ven – друг, приятель могут относиться не столько к древним молодецким забавам, когда даже друзья - приятели, живущие на соседних улицах, по праздникам могли сходиться стенка на стенку, а прежде всего к сексуальному «избиению» женщины мужчиной, которое в прежние времена никогда не переходило в простое избиение, потому что не случайно же существовал культ Богини — Матери, или Великой Матери. Это мнение можно подтвердить фонетически схожими санскритскими словами śṛ — бить и śrī — красивый, прекрасный, которые можно заменить на санскр. āvaṇ – желать, жаждать, хотеть, вождель. Подтверждается оно и тем, что слово «бить» в русских диалектах может в совокупности означать «любые производственные действия, способствующие успешному достижению поставленной цели», в том числе и «делание» ребенка, хотя при этом существует выражение «бить баклуши», то есть заниматься пустяками. Однако значение устаревшего слова «баклуша» - таз как музыкальный инструмент намекает на сексуальный смысл данного выражения, в то время как уже приведенное выражение «бить ключом» можно сопоставить с санскритскими словами vāṇa – расцветший, звучащий, фонтанирующий, существование, жизнь, движение, дыхание и vaṇa – фонтан, источник, ключ, родник. При этом нельзя не обратить внимание на элемент «кл» в слове «ключ», который может входить в слова «клан» - родственное объединение и «колени» - поколение.

У санскритского слова śrā — доводить до готовности, созреть есть еще одно

значение «варить», которое может иметь отношение к санскр. *vaga* – жених, возлюбленный, супруг, причем русское диалектное «варить» — стегать, бить, беспорядочно двигаться туда-сюда обладает явно сексуальным подтекстом, на что указывает и другое диалектное слово «сварить» — устроить свадьбу. Но для этого нужно было «подобрать ключик» к сердцу девушки и «запереть» ее в своих владениях, что соответствует латинскому слову *clāvis* – ключ, задвижка, засов. Однако еще одно латинское слово *clāva* – дубина, булава, жезл, палка, посох ассоциативно указывает на мощный мужской орган, который был крайне необходим действующему женскому «источнику», родственному смыслу англ. *cleave* – корзина, тем более что значения англ. *clave* (*cleave, clove*) – рассекать, раскалывать соответствуют образу ключа, или родника, «раскалывающего» поверхность земли, что образно можно сравнить с дат. *slå* – бить, избивать и с санскр. *śūr* (*śṛ*) – бить, ударять. Сравните также шв. *slava* – работать как каторжный и борнхольм. *slava* – битва, сражение, бой, удар, впадина, выпуклость, неровность.

Отдельно можно привести фарерские слова *slá* (*sló*) – небольшой стержень, штифт, ударить, толкнуть, бросить, залить, тронуть струны музыкального инструмента, косить или подстригать траву, загребать, встать в танцевальный круг, биение, пульсация и *slava* – стать влажным, моросить, накрапывать, а также *slabb* — тяжелая работа, изнурительный труд, которое можно сравнить со швед. шв. *slava* – работать как каторжный и даже с борнхольм. *slava* – битва, сражение, бой, удар. При этом сочетание значений *slava* — впадина, выпуклость, неровность, *slava* – стать влажным, моросить, накрапывать и *slá* (*sló*) — бить, ударять, загребать могут относиться к гребцам, которые выполняют изнурительную работу, пытаясь плыть по штормовому морю. Сюда же *slavra* — плюхаться, проваливаться, болтаться, раскачиваться и *slavna* — становиться влажным, хотя все эти значения могут относиться и к сексуальной работе.

В ведийском языке есть фонетически схожие слова *śrī* – прибежище, здравница, средство, первопричина, корень, внедряться и *śrī* — слава, величие, сияние, которые, фонетически совпадая с санскритскими словами *śrī* — красота, счастье, успех, смешивать, готовить и *śrī* — прилипать, зависеть от кого-л., определяют расцвет человеческой природы и человеческой общности, основанной на любовных, родственных или дружеских отношениях, которые можно воспринимать как «слипание» в единый человеческий «ком» или семью в соответствии с уйгур. *қом* — род, племя и санскр. *kaṁ* – любить, хотеть, желать. В таком случае можно предположить, что элемент «сли» в слове «слипание» является вариантом не только санскритских *śrī* и *śrī*, но и ведийских слов *śrī* и *śrī*, имея при этом отношение к санскритским словам *sa* – с, вместе с и *lī* – липнуть, ласкаться, скрываться, растворяться.

По своей внутренней сути все эти слова являются эквивалентами др.-ирл. *slog* – группа людей, собираться вместе, общаться, др.-гр. *λογος* — слово, речь, право говорить, предмет обсуждения, слава, упоминание и санскр. *ślāghā* — слава, хвастовство, цена, награда, чему образно соответствуют русские слова «слог», «сложить» и «слагать». В данном случае такое «сборище» или «сложение» можно воспринимать как старинные молодежные гуляния или вечеринки, где парни старались «склеить» самых красивых девушек, а девушки, несмотря на все свое «томление» и «обнимашки» со многими парнями, старались сохранить свою честь и одновременно славу обожаемой парнями девушки, чтобы не попасть в презрительную категорию «недотрог».

Такое сохранение девушками чести соответствует значениям санскр. *arhaṇā* — имеющий право, честь, слава, почет, в то время как *araṇa* — далекий, чужой, убежище и *āraṇa* — глубина, бездна, пучина одновременно указывают на

потусторонний мир женского лона и на парней, пришедших с улицы или со стороны в качестве желанных гостей в предварительно снятую девушками избу, а также на пучину страстей, которая способна поглотить соблазненную каким-нибудь «особенным» гостем девушку. Поэтому санскр. *duvas* — честь, почет, поклонение содержит элемент *du*, не только означающий «душевное мучение» и «сгорание в пламени страстей», но и фонетически близкий элементу *dū-* 'становиться дурным, испорченным, развращенным', что, как раз, и указывает на крайне неудачный исход таких молодежных посиделок, хотя при этом все значения слова *duvas* указывают на благополучное преодоление девушкой по сути обрядовых испытаний на прочность девичьей «честь». На это указывают и значения элемента *vas* — сиять, сверкать, светить, который имеется не только в санскритском слове *duvas* - честь, почет, поклонение, но и в санскр. *śravas* — звук, слава, призыв, пыл, внешность.

При этом санскритские слова *śrava* — слух, чувство и *srāva* — вытекание, стекание, образно близкое фарерским словам *slava* – стать влажным и *slavna* — становиться влажным, через течку и призывные крики животных подводят нас к пониманию сакрального смысла человеческой славы, который можно также передать через санскритские слова *saḥ* – течь, струиться, идти, бежать, *sāra* — зерно, сердцевина, сила, мощь, суть, сущность, хождение, путь, вода, *śara* — жидкость, вода, тростник, камыш, стрела и *av* — способствовать, насыщать, защищать, любить, *ava* — благосклонность, *ava-* 'двигаться вниз', *āvā* — дуть, втыкать, вплетать, как движутся вниз, от высшего к низшему, струи дождя или стекают небесные лучи, а также текут с верховьев потоки воды, насыщая влагой равнину. Наверное, поэтому, исходя из обычного положения более сильного и более требовательного мужчины и более слабой и более зависимой женщины во время жаркого полового акта, мужчине соответствует древнее значение хорошо освещаемой солнцем «высоты» или «горы», а женщине — темной «низменности» или какой-нибудь «впадины», в которой, тем не менее, присутствует разожженный мужчиной «огонь».

Поэтому два человеческих начала мифологически делятся на светлое мужское начало и темное женское, которое побуждается и освещается светлым, что определило появление санскритских слов *ga* – овладевающий, дающий, жертвующий, жар, пыл, желание, любовь и *abhā* – светить, сиять, озарять, затмевать, выглядеть, которые при соединении образуют составные слова *gabh* — начинать, предпринимать, неистово желать, схватывать, сжимать, удерживать, действовать опрометчиво и *gabha* – обезьяна, которая, благодаря своим воровским ухваткам, служит олицетворением хитрости, коварства, греха и похоти, причем обезьяний крик в Японии является символом тоски. Но в то же время из-за своей способности все схватывать на лету обезьяна может служить символом обучения и даже впоследствии превратиться в некое подобие индийского царя обезьян Ханумана, обладавшего благородной душой, незаурядным умом, большой физической силой и верностью своему правителю или богу. В общем смысле все это соответствует процессу перехода сластолюбивого и беспокойного юнца - обезьяны во взрослого и сознательного человека, подчиненного общественному порядку, что достигалось его обучением и подтверждается образом обезьяны в цепях, символизирующим победу над грехом.

16. В дальнейшем подобная взаимосвязь более сильного с менее сильным, или большего с меньшим, которая ассоциативно похожа на связку старшего и младшего возрастов одного и того же человека, могла привести к созданию древнетюркских слов *Rab* - бог, господь и *gabčat* – принудительные работы в сопоставлении со славянским словом «раб» - невольник, причем элемент *čat* в древнетюркском языке может иметь значения «колодец, скважина, яма» и «сгонять, собирать (скот), подпускать к матке молодняк животных», что позволяет трактовать слово *gabčat* как

связь человеческого стада или «сынов божьих» с Богом — источником всех благ, что на низшем уровне может восприниматься как человеческая община, на которую работает каждый из членов этой общины. При этом значение *čat* — подпускать к матке молодняк животных, примененное к *gabčat* — принудительные работы, под словом *gab* скрывает особь женского пола, которую таким образом принуждают кормить маленьких животных, что образно примыкает к русскому диалектному слову «трудиться» — рожать и, в принципе, отождествляется со словом «раба», которая, согласно словам святого Феофана Затворника «да убоится жена мужа своего» должна была быть смиренной по отношению к своему гневливому супругу и рожать ему достаточное количество детей — будущих помощников.

Но дело в том, что если мать кормила малышей собственным молоком, то и отец добывал пропитание для всех остальных, будучи не только авторитетом, но и слугой для своего семейства. В качестве подтверждения возьмем древнефранцузские слова *gabi* — бешеный, неистовый, разъяренный, разгневанный (12 век), *gabee* — быстрый и стремительный (13 век), *gabiant* — огненный, пылкий, темпераментный (конец 12 века) и *gobe* — грабежи, военные трофеи, добыча, кража, воровство (1155 год); одежда в целом, одежда женщин, священников, судей (1160 год); сборы, расходы, жалованье (13 век), *gober* — украсть, похитить, ограбить, опустошить, изнасиловать женщину (конец 12 века), а затем совместим их с другими древнефранцузскими словами *gabat* — действие по снижению цены, скидка, снятие перегородки (1262), где присутствует намек на лишение девственности, и *gabo* — карапузик, карлик (1220 год), оформление ипотеки (1268 год), где присутствует указание на рождение ребенка. В результате мы сможем, отбросив финансово-экономические эвфемизмы, определить общий исходный смысл всех этих значений, следуя по цепочке «трофей (получение супруги) — нападение (сексуальное домогательство) — снятие одежды (и снятие девственной плевы) — изнасилование (не всегда любовное) — расход спермы (с предварительным выкупом невесты) — снижение цены (в результате утраты девственности) — опустошение (роды) — получение прибыли (в виде ребенка). Священники и судьи здесь присутствуют в качестве зрителей законных (брачных) и незаконных (внебрачные) отношений между мужчиной и женщиной. Современные французские слова *gabo* — струг, рубанок, *gaber* — строгать и устаревшее *gabouer* — грубиян можно сопоставить с русским выражением «настрогать детишек», где каждый ребенок соответствует «стружке», отделенной от материнского тела.

Вернемся теперь к древнетюркскому слову *čat* — колодец, сгонять, собирать, которое присутствует в др.-тюрк. *gabčat* — принудительные работы, и сравним его с тур. *čat* — место слияния двух рек, место пересечения двух дорог, перекресток, стык, получив, опять же, некую связь между двумя объектами, что образно подтверждается турецким сленговым *čati* — женский орган, оплодотворение, матка, курд. *cot* — пара, соха, плуг и русским словом «чета». В то же время есть и англ. *chat* — вести непринужденный разговор, болтать, что с одной стороны связано с *chatter* — болтовня, трескотня, щебетание, журчание, дребезжание, стук, щелканье, вибрация, дрожание (инструмента), а с другой стороны с *chattel* — движимое имущество, раб, крепостной, что похоже на др.-тюрк. *čat* — сгонять, собирать скот. Тем не менее окончание *tel* в слове *chattel*, имеющее отношение к др.-гр. *τέλος* — благополучный исход, успех, высшая точка, предел, награда, власть, право, священный обряд, церемония, срок, цель, указывает на достижение «болтливой» молодежи сакрального возраста, позволяющего обрести не только совершенное тело, но и узнаваемый голос, а также завести семью и свой собственный участок земли, на котором он в «жаркую» пору будет трудиться с утра до вечера.

Поэтому образ пастуха можно сравнить с образом молодого человека, пасущего

девушку - «телку», а движимое имущество можно сравнить с мужским «хозяйством», причем такое сравнение присутствует и в санскритских словах iṣ — желать, искать, требовать, приводить в движение, возбуждать и īśā — сила, мощь, имущество, состояние, образующих имя Иса, каковым наградили вошедшего в духовную силу пророка, который, вероятно, полностью подчинил свою сексуальную природу избранной им духовной цели. Конечно же рабы в нынешнем смысле слова вряд ли могли вести непринужденный разговор друг с другом, а вот парень с девушкой мог, причем значения «болтовня, треск» указывают на добрачный период их общения, а также на то, что их болтовня могла восприниматься древним обществом на уровне того же мычания и блеяния, потому как они по причине буйства гормонов не принадлежали еще цивилизованному обществу взрослых и ценящих Слово людей.

Имеющие отношение к англ. chat — вести непринужденный разговор, болтать английские сленговые слова chat — болтливость, бродяга, бездельник, вагина, соблазнять, флиртовать и cat — рыскать вдали от дома в поисках греха, преследовать кого-то в надежде на сексуальные отношения лишь подтверждают возможность объединения др.-тюрк. čat — колодец, сгонять, собирать и тур. çat — место слияния двух рек, место пересечения двух дорог, перекресток, стык в единый образ сакральной связи между большим и малым, - то есть между парнем и девушкой, одновременно указывая на переходной возраст между божественным состоянием взрослого человека и рабским положением подчинившегося греховным страстям юнца, что подтверждается турецким сленговым čati – женский орган, оплодотворение, влагалище, матка. При этом значение малости, отнесенное к женщине, подтверждается фонетически схожими санскритскими словами kaṇā — девочка, девушка и kaṇa — капля, крупинка, искра. На это также указывают тур. Rab - бог, господь, господин, владелец и слав. «раба» — прислужница, к которому вполне логично добавилось слово «раб» — слуга, потому что славяне, жизнь которых зависела от урожая, на величину которого влияло множество небесных и земных факторов, в отличие от англосаксов никогда не мнили себя «пупом» земли и не причисляли себя исключительно к небесным существам.

17. Можно предположить, что нынешнее европейское slave – раб есть извращенное понимание сакральной связи высшего и нижнего миров, которые должны быть в гармонии друг с другом, чтобы небо давало земле необходимые свет и влагу, а земля давала людям хороший урожай, притом что славяне, по своей сути, являлись детьми лежащей под небом земли и поэтому объединяли в единое целое количество детей, рожденных по воле небес, и количество рожденного землей урожая. Для понимания этого достаточно посмотреть и на другие значения этого слова, одним из которых в английском языке помимо изложенного выше значения «ведомый» является историческое slave — торговать рабами. Так кто же такие эти slave — рабы или работорговцы? Скорее всего, ни то, ни другое. Можно предположить, что за нынешним термином «работорговец» скрывается понятие «вено» - платы за славную избранницу - невесту, когда после передачи необходимых средств «работорговцу» - отцу девушка поступала в полное распоряжение чужого для нее рода, - то есть она становилась «рабой» и в то же время служанкой. Но и такой же славный парень — жених становился рабом семейных уз и данного при обручении Слова.

Можно также предположить, что славянское «вено» - выкуп за невесту в древние времена немногим отличалось от мусульманского калыма, в состав которого входили скот, деньги, украшения, ткани, хозяйственные и бытовые предметы, а также деньги. При этом жених из не очень богатой семьи при получении согласия на брак должен был отработать в хозяйстве родителей девушки, где его припахивали до состояния полноценного «рабства», а любое недовольство с его стороны хитроумными «работорговцами» - родителями девушки - воспринималось как причина для отказа

от заключенного договора безо всякого возмещения за работу. Во всяком случае английские слова *wend* — западный славянин и *vend* — продавать, торговать, а также *wench* — девчонка, служанка, распутница, содержат неоднозначные смыслы, исходя из которых славяне - венды могут выступать не только в качестве обычных торговцев, в том числе захваченными пленниками и пленницами, но и в качестве родителей, требующих большой выкуп за отдаваемых замуж дочерей, что сближает английские слова *vend* и *wench* с англ. *slave* – торговать рабами, ведомый, управляемый, поддавшийся страстям, раб, невольник с учетом санскр. *vepa* – требующий, просящий, любящий, страстное желание, стремление и русск. «водити жену» - жениться. К этому же статусу в качестве условных «рабов» могли добавляться заложники - аманаты, передаваемые в знак подчинения более слабого племени более сильному, и заложники, передаваемые союзными племенами выбранному на время боевых действий вождю в знак нерушимости данной ему клятвы верности. При этом выросшие дети могли передаваться в чужие семьи для дальнейшего воспитания с особой жесткостью, зачастую не свойственной родителям.

Естественно, что перед тем, как человек становился способным давать необходимую клятву, в нем пробуждалось волнующее сексуальное желание, подкрепленное выделением особого запаха, воспринимаемого сейчас на подсознательном уровне который, однако, мог отчетливо восприниматься нашими древними предками и до сих пор воспринимается животным миром. На это указывают санскритские слова *vā* — дуть, веять, распространяться, соединять, связывать, испускать аромат и *vuāna* — дыхание, а также русские диалектные слова «вянуть» — дуть, веять, «ванькаться» — нежить, холить, баловать и «вантажиться» — уделять много времени любимому человеку, разговаривать с ним, что фактически означает «обмениваться дыханием». К сожалению такие возможности со временем исчезают, что сопровождается процессом увядания. Еще одно значение *vā* — бить, ранить, повреждать относится не только к силе ураганного ветра или к воинской славе какого-нибудь богатыря, но и к сексуальным «битвам», «убивающим» девичью невинность и меняющим облик женщины во время беременности, поэтому выражение «бьет значит любит» в наше время понимается неправильно. Исходя из того, что повзрослевшие юноши и девушки начинают «метать» свои острые взгляды друг на друга, что соответствует солнечным и звездным лучам, с санскритским *sa* - с, вместе с можно сопоставить санскр. *śā*- точить, обострять, укреплять, возбуждать, стимулировать, что гармонирует с санскритскими словами *la* – начинать, предпринимать, мечтать и *vā* — распространять запах, создавая при этом неотразимый образ человеческой Славы, связанной с началом и продолжением жизни, которая мифологически соединена с периодом сексуальной активности.

В то же время термин «слабо(сть)» может включать в себя элемент «бо», соответствующий звательной частице *bho*, которая в санскритском языке использовалась при обращении, например, более слабого к более сильному или славному. Такая частица, обладая внутренней связью с санскр. *bha* – звезда, солнце, светило, созвездие, могла применяться в языческие времена для призывания дневного светила во время утренних молитв, хотя при этом славяне проводили и ночные моления, например, в пасхальную ночь, которые считались обязательными для всех крестьян. В русском языке отголосок звательной частицы *bho* и одновременно санскр. *bha* сохранился в общем виде «ба-ба-ба» в качестве слова, которым когда-то подзывали лошадей, при том что образ белой лошади относится к солярным символам, знаменующим не только животную силу и плодородие, но и процесс увядания. В то же время черная лошадь, являясь символом похорон, может одновременно означать зачатие, связанное с захоронением мужского семени в лоне

женщины и семян зерновых злаков в лоне земли, что по своей сути совпадает с олицетворением черной лошади японцами в качестве атрибута бога дождя, который дает земле необходимую для нее плодородную влагу. Так что вполне логично предположить, что термин «слабо(сть)» мог относиться к восходящему и еще недостаточно сильному солнцу, а заодно и к его аналогу — растущему ребенку, который в итоге превращается в славного юношу или славную девушку, что с одной стороны соответствует образу ярого «солнца в зените», а с другой стороны соответствует образу внешне холодной полной луны. Тем не менее после «зенита» человеческой жизни начинается ее увядание или закат, что связано уже с образом слабеющего солнца или же луны на ущербе.

18. К санскритским словам śgā — варить, стряпать, доводить до готовности, делать зрелым, śgu — слышать о чем-то, учить, изучать, внимать и śūg — бить, ударять, śṛ — бить, разрывать, а также к древнеирландским clú — слава и clag — слово, уровень, ярус в качестве достигнутого статуса, можно добавить авест. sṛū- 'рог, коготь, пригвождать, заколачивать' и датск. slå — бить, победить, которые напрямую и ассоциативно соответствуют авестийским словам sārau- 'пролом, перелом, обрушение, заход' и srao- (sru-) 'звучать, слушать, узнать' по принципу «обратить внимание, закрепить за собой», причем значение «бить» может относиться и к сексуальной «битве» мужчины и женщины во время полового акта, и к способности подростковой молодежи активно участвовать, например, в битве за урожай, а также к боевым возможностям молодых парней, которые при необходимости могут принимать участие в отражении какой-нибудь вражеской атаки. В таком случае сексуальное значение эвфемизма «коготь» можно определить через санскр. śarpa — копыто, коготь, лапа, с которым связаны русские слова «цапка» — мотыга и «цапок» — трость, посох, а также по ассоциации англ. sara — траншея. Но более явным способом такая связь определяется через санскритские слова sara — пенис и śāra — пастбище, выгон, на котором этот условный «коготь» имеет желание «пасться». Любопытно, что даже афр. sara — отнимать, похищать (язык суахили) не только родственно русск. «цапать» (цеплять), но и соответствует выражению «похищать девичью честь». Если же вспомнить о способностях «кура» — петуха разгребать землю своими куриными лапами и активно сражаться со своими соперниками, то появляется возможность к сопоставлению наименования «кур» с санскритскими словами śūg — бить, ударять и śṛ — бить, разрывать. При этом нельзя забывать и о сексуальных возможностях неисправимого в этом плане петуха, а также о его блестящем оперении, что хорошо соотносится с русским диалектным «кур» - жених, болг. «kur» - мужской половой орган, курд. «кур» - мальчик и санскр. sūg — солнце в сопоставлении с санскр. kug — издавать звук, потому что петух своим пением встречает восход солнца в качестве пока еще маленького ребенка, издавая первый звук начинающегося дня.

Тем не менее в отличие от др.-ирл. cloine (claen) — беззаконие, грех, порок, что сопоставимо с порочностью сексуально озабоченного петуха, датчане выбрали другое значение klo — плохой почерк, что можно сравнить с дат. kløer — коготь и русским выражением «как курица лапой», однако датское уличное klo — палец позволяет сопоставить термин klo не только с выражением «не пальцем деланный» в отношении какого-нибудь умельца, но и с древними непонятными письменами, напоминающими порезы когтем, которые одинаково можно назвать и рунами, и ранами. Естественно, что оба значения датск. klo можно отождествить с авест. sṛū- 'рог, коготь, пригвождать, заколачивать', в то время как образный вариант klo — непонятные письмена подходит под описание доступного лишь избранным Слова или Великого Делания, когда с получением более высокого статуса появляется clú — слава, что одновременно совпадает с др.-ирл. clag — слово, уровень, ярус, датск. klare

— решать, преодолевать, делать и англ. clear – ясный, светлый, отчетливый, понятный, совершенный.

При этом сопоставление санскр. śr̥ — бить, разрывать с санскритским корнем kr̥ — издавать звук, произносить, дат. slå (slog) — бить, разбивать с русск. «слог» - звук, сочетание звуков в слове, а также русских терминов «сор» и «ссора», к чему можно добавить дат. kløve — колоть, расщеплять в сопоставлении с русск. «слово» и даже англ. sword — меч в сопоставлении с word - слово, может указывать на могучее воздействие вовремя сказанного Слова, которое, расщепляя человеческие губы, образно совпадает с рождающимся ребенком, расщепляющим материнское лоно, или с рождающимся солнцем, расщепляющим ночную тьму, не говоря уж о разящем мече, расщепляющем человеческое тело. Но в то же время женское естество бьет, скребет, чешет и расщепляет работающий мужской орган, что подтверждается укр. «почесать марфутку», то есть вульву, и русскими словами «поскребыш» — поздний ребенок и «скребенье» — название полового акта, а также эротической символикой гребня. Поэтому девичье мечтание о том, что любимый придет расчесать ее волосы, связывает нем. kamn – гребень с санскритскими словами kama – любовь и kāmam – радостно, охотно, с удовольствием, в соответствии с желанием или мечтой. Но ровно то же самое, став хозяином, молодой парень должен был делать и при работе с землей, «расчесывая» ее сохой или бороной. Такие рабочие, сексуальные и в необходимых случаях боевые возможности выросших молодых людей отражены в авест. sraua- 'дельный, изрядный, усердный, здорово, основательно, хорошенько', которое совпадает с санскр. śravas – слава, в то время как под авест. srū- 'рог, коготь' можно понимать и острое сельскохозяйственное орудие, и колющее оружие, и торчащее наподобие рога мужское начало. Если же мы рассмотрим элемент ava в слове sraua, то в авестийском языке он может соответствовать значениям av(a)- 'помогать, заботиться, беспокоиться', ava- 'оба' и a'va- 'такого размера, такой степени' при очевидной связи начального элемента sr(a) с авест. sar- 'соединить', на что указывает и авест. sraēš- 'скреплять'.

Любопытно, что в русских диалектах помимо многочисленных слов с основой на «сла(б)», означающих недостаточную физическую силу, существуют и такие слова как «слабже» — расти быстрее, легче, без помех и «слабохотный» — ласковый, приветливый, обходительный, работающий, «слабоохотный» — развратный, «слаборукий» — драчливый, а также выражение «слаба на передок», в которых может быть зашифрована сексуальная характеристика драчливой и одновременно порочной из-за игры гормонов молодежи, что соответствует др.-ирл. clae – грех, порок, где присутствует необходимый нам элемент cla, который может быть образно связан с ростом, работоспособностью, установлением дружеских отношений и в то же время драчливостью и порочностью «слабой» в нравственном отношении молодежи. На это же указывают русские слова «сладиться» — вступить в любовную связь и «сладимый» — милый, дорогой, любимый, а также «сладеть» — находиться в состоянии брожения и «слагостить» — уничтожить, истребить,- причем слово «слагостить» очевидным образом связано с датск. slå — бить, победить, что применительно к окончанию переходного возраста, или сексуального «брожения», могло означать чувство победы над своим бесплодным детством и юношеской невинностью, что помогало укрепить свой род, наложив на него новый ряд подобно кладке в кирпичной стене.

В качестве очередного доказательства смысловой связи между элементами sla (сла) и cla (кла) можно привести русские диалектные слова «кладаться» — складываться, накладываться и «кладево» — смотрины, сговор о времени свадьбы, которые хорошо сопоставляются со словом «сладиться» — вступить в любовную связь. При этом в качестве отдельного экскурса можно обратить внимание на окончание

«гостить» в слове «слагостить», потому что в ассоциативном образе гостя и одновременно призрака в соответствии с англ. ghost — привидение, призрак, дух может выступать мужское начало, «гостящее» в потустороннем мире женского лона в соответствии с русским обценным словом «вдуть» — совершить половой акт, который при этом уничтожает девичью невинность и одновременно бесплодие. Также необходимо обратить внимание на схожее с элементом «лагос» в слове «слагостить» др.-гр. λᾱγός - жить заячьей жизнью, что неправильно трактуется как жить в постоянном страхе, потому что заяц является символом плодovitости и любви, а значит заячий трепет может символизировать любовное трепетание, которое при этом требует уединения влюбленной пары под каким-нибудь «кустиком» и к тому же согласуется с быстрыми движениями мужского органа в противоположных направлениях, что соответствует движущемуся в разные стороны трепетанию. Можно даже предположить, что перс. «зайеш» — рождение, роды, увеличение, прибавление связано с русским словом «заяц», что подтверждается выражением «плодятся как кролики». При этом перс. «зай», которое также может быть связано с русским диалектным «зай» — заяц, имеет значение «родящий, производящий». На их связь косвенно указывает еще одно значение русского «зай» — огонь в качестве намека на пылкость влюбленного и его «трепетание», а также другое русское слово «зайвич» — не имеющий пары.

Исходя из всего вышесказанного, санскритские слова śravas – звук, слава, восторг, пыл, внешность и śravaṇa — слушание, учение, репутация, зов, приглашение можно сравнить с русскими словами «славник» — завидный жених и «славница» — молодая девушка, достигшая брачного возраста, причем такая девушка могла «славиться» множеством ухажеров и даже целоваться и обниматься с ними, но при этом она тщательно сохраняла свою девичью невинность, что придавало ей поистине славную репутацию, получаемую в результате обучения держать свою страстность под неустанным контролем. И не беда, что подобная целомудренность может не подтверждаться отдельными моментами поведения славянской молодежи, потому как такие моменты могут свидетельствовать о разрушении древнеславянского образа жизни.

Если же какая-нибудь девушка не выдерживала такое испытание и будучи «склеенной» согласно выражению «клеить девушку» совершала грех внебрачного соития, то ей мазали ворота дома смолой или дегтем в знак дурной славы, причем ворота служили аналогом греховного лона. Поэтому можно предположить, что по своей клейкости образ смолы связан с др.-гр. κλέος (κλέῳ) - молва, слух, слава и болгарским словом «клей» - смола, а по способу загрязнения — с санскритскими словами śamala — место, пятно, признак, ошибка, изъян и samala — грязный, запачканный, в которых явно просматривается слово «смола», состоящее из элементов, родственных санскритским словам sa со значениями связи, подобия, равенства и mala — грязь, испражнения, что несет в себе смысл плодородия. Такое восприятие полового соития как нечистого и даже греховного занятия в первую очередь связано со взаимоотношениями темного женского и светлого мужского начал, которые взаимно «загрязняют» друг друга, к чему примешиваются и загрязняющие плоть выделения. Но в то же время смысл нечистоты связывает в единый образ потусторонний мир женского лона и рожавшую землю, совмещенную с ее подземной частью, где может обитать «нечистый дух». Поэтому такая земля по своей сути является «не чистой» в отличие от понятия «чисто поле», — то есть поле с уже убраным урожаем или поле, где не растут хлебные злаки.

19. В данном случае необходимо отметить, что дурная слава и слава доброкачественная в одинаковой степени прилипают к человеку, но в то же время и любящие люди «липнут» или «смолачиваются» друг к другу, создавая семью, в

которой затем обязательно появлялась «смола кипучая», - то есть множество ребятшек разного возраста. Этот факт отражается во взаимодействии санскритских слов *lā* — начинать, предпринимать, *lī* — ласкаться, прикасаться, липнуть, таять (например, от прилива нежных чувств) и *lū* — разрезать, отделять, собирать урожай, что можно воспринимать как разрезание пуповины при рождении очередного ребенка, хотя этот же образ может относиться и к лунным (месячным) циклам, а также к уходу подросшей молодежи из родительского дома. Если же разделить слово *śravas* — звук, слава на *śrā* — варить, стряпать, доводить до готовности, делать зрелым и *vas* — быть прямым, прикреплять, сверкать, реветь, разрезать, обитать в сопоставлении с *vaś* — страстно желать, домогаться, любить и *van* (*vene*) - любить, нравиться, стремиться, обладать, помогать, готовить, то, опять же, становится очевидной сексуальное значение добываемой славы, что, как уже было сказано, в значительной мере объясняет многочисленность славянских, некогда наполненных молодежью, племен, которые, конечно же, стремились и к воинской славе.

Исходя из этого, санскр. *śru* — слышать, прислушиваться, внимать, учить, изучать (на слух), служить, быть полезным, известным, знаменитым, услышанным и др.-ирл. *clú* — слава являются синонимами по отношению друг к другу, притом что санскритские слова *śrā* — варить, стряпать, доводить до готовности, делать зрелым и *śru* с общим значением «быть хорошо обученным» указывают на контролируемый жрецами процесс обучения молодежи, достигшей возраста плодородной славы. В то же время молодежь не только созревала, но и становилась зримой, - то есть достойной особого внимания, что соответствовало ее выделению из общей массы славянских детей. Этим фактом обеспечено фонетическое сближение русских слов «зреть» — наливаться силой, созреть и «зреть» — видеть, наблюдать. Поэтому ныне обценное слово «срать» (прасл. *syrati*) может быть связано с санскр. *śrā* (*śrāti*) — варить, стряпать, доводить до готовности, в результате чего приготовленное «варево» может выплеснуться (высраться, выслатся) наружу в виде пены, спермы, экскрементов, созревшей молодежи или рожденного ребенка, что можно сопоставить с авест. *saīrya*- 'навоз, помет' и с санскритскими словами *sar* (*sarati*) — вытекать и *sarāti* — щедрый, благосклонный, единомышленный, а также с русскими народными словами «высрать ребенка» — родить ребенка и «срань» — дети, в то время как значение санскритского слова *phena* — пена, накипь, которая также вытекает при закипании, можно сопоставить с исп. *pepa* – срок, мучение, латин. *penis* — детородный орган и русск. «пенный» - порочный, что в общем смысле сопоставимо с пометом животных в качестве рожденных детенышей и родовыми муками, начинающимися в определенный природой срок.

Отсюда можно сделать вывод, что термины «быть зрелым», «быть прямым», «сверкать» и «разрезать» могут относиться к светлому мужскому началу, "разрезающему" темное женское лоно, причем элементы санскр. *śrava* — текущий, льющийся, поток, водопад могут совпадать с древнегреческими словами *σᾶ* — целый, здоровый, верный, неизбежный и *ῥέω* — течь, струиться, с жаром набрасываться, говорить (звучать) в сопоставлении с санскр. *śrava* — рев, крик, звук. Но в то же время значения древнегреческих слов *σάρξ* — мясо, плоть, тело (с учетом *σᾶ* — целый, здоровый и *ῥέω* — с жаром набрасываться, говорить) и *ἀβός* — возмужалый, зрелый могут ассоциативно соответствовать санскритским словам *śrā* — варить, стряпать, доводить до готовности, делать зрелым и *āva* — втыкать, вплетать, дуть, *ābhā* — светить, сиять, становиться явным, казаться, выглядеть, если воспринимать все эти слова в качестве эвфемизмов, описывающих здоровую и крепкую молодежь, стремящуюся к межполовому общению. В таком случае еще одно значение санскр. *śrava* — моча соотносится с тем фактом, что в молодости мочеиспускание является наиболее сильным и со временем слабеет, соответствуя в

этом слову мощь (мочь), которая также ослабевает с годами.

Любопытно, что др.-гр. ῥᾱ — легкомысленный, беспечный, беззаботный может символизировать пока еще беззаботную юность, не связанную узами брака, хотя санскр. gā — давать, дарить, жаловать, богатство отмечает наличие огромных плодородных сил у молодежи, своим возрастом связанной с поднимающимся весенним солнцем (солнечным камнем), готовым начать свою чрезвычайно важную работу по наполнению земного лона живительной силой в соответствии с др.-гр. λᾱ — камень, глыба в качестве образной крепости и санскр. lā — начинать, предпринимать, мечтать в качестве начала духовной и плодородной жизни.

Дополнительно можно указать на санскр. sāra — сила, мощь, вода, суть, зерно, путь, śara — камыш, тростник, стрела и др.-гр. σῆρος — метла, веник с учетом использования метлы и веника в качестве ритуальных предметов в свадебной обрядности, притом что любовная страсть и подготовка к свадьбе в значительной мере связаны с тем, что определяется др.-гр. σάλα — волнение, колебание, которое может испытывать молодая и поэтому «трепещущая» от наплыва жарких чувств пара, ассоциативно связанная с санскритскими словами śala — палка, жезл, посох, что символизирует находящегося в движении мужчину, и śālā — дом, комната, помещение, где его ожидает супруга, и что естественным образом отражается во взаимодействии двух человеческих начал, чье присутствие может быть также скрыто в древнерусских словах «солига» — прут и «солома» — пролив с учетом фонетической схожести др.-русс. «плѣва» — солома и современного «плева» (из праслав. *plěva) — девственная пленка во влагалище. При этом санскритские слова — эвфемизмы śala — палка, жезл, посох и śālā — дом, комната, помещение ассоциативными нитями связаны с другим санскритским словом — эвфемизмом śara — камыш, тростник, жидкость, вода, обозначая нерушимую связь двух человеческих начал.

Можно обратить внимание и на то, что санскритские слова ga — приобретающий, достигающий, овладевающий, дающий, пыл, страсть, любовь, желание и la — начинать, предпринимать, брать, овладевать, вмещать, дарить имеют общие смыслы, что позволяет напрямую отождествить санскр. śravas — звук, слава, призыв и русск. «слава», а также авест. sravah- 'слово, учение, изречение' и русск. «слово», которые создавались на основе самостоятельных элементов, как и слова śṇu — прислушиваться и «слушать».

20. Более того, латин. sol — солнце и санскр. sūr — солнце также входят в эту обойму родственных слов, включающую помимо этого санскритские слова heli и harit с тем же значением «солнце», притом что солнце в прямом и переносном смысле «харит» или «жарит» землю своими лучами в соответствии с ныне общенными словами «харить» и «жарить», обозначающими половой акт в активной роли, в то время как слова «холить» и «жалить» завуалированно описывают те же самые любовные отношения, связанные с образом трудолюбивой пчелы, заботливо кружащейся вокруг облюбованного ею цветка и затем втыкающей свое острое жало в его нежную плоть. Поэтому начальное «п» в слове «пчела» может иметь отношение к фонетически одинаковым санскритским словам pā — пить, всасывать, поглощать и pā — защищать, покровительствовать, управлять, в то время как в общеславянском слове бьчела — пчела элемент бь можно сравнить с санскритскими словами bha — солнце и bhā — светить, появляться, иметь место, где даже значение «иметь (собственное) место» можно отнести к улью, а солнечный цвет — к окраске пчелы и к ее янтарному меду. Но в то же время элемент «чела», находящийся в слове «пчела» и сравнимый с сербскохорв. cela (н.-луж. сола) — пчела, можно сопоставить с санскритскими словами cela (ceta) — слуга, раб, cola (cela) — одеяние и cala — подвижный, дрожащий, трепещущий, где в едином образе совместились образ жизни

работающей пчелы, ее мохнатое одеяние и дрожание крылышек, производящее жужжание, которое описывается диалектным «бучать» — жужжать. Вполне возможно, что слово «бучать» (а также «буча» - суматоха, быстрина, большая вода) может быть связано с санскритскими словами bhū — быть, делаться, стремиться, ухаживать, достигать, получать, мир, земля и uc — любить, находить удовольствие, заботиться, привыкать, на что указывает латыш. buša — поцелуй, - в данном случае «поцелуй» цветка любвеобильной пчелой. Отдельно нужно указать на возможную связь санскритских слов cela – слуга, раб + vāk (vāc(a)) — речь, голос, звук, слово, высказывание, язык со словом «человек» в качестве говорящего слуги. На это же указывает и слово «вече», на котором имели право высказываться взрослые люди, служащие родной общине.

Естественно, что в сербскохорв. cela (н.-луж. сола) — пчела присутствует и образная связь с латин. sol – солнце, потому что солнце, набрасывая свой светлый покров дня на просыпающийся мир, наполняет его звуками жизни и одновременно звуками работы, которые по своей глубинной сути неотделимы друг от друга, что проясняет истинный, а не извращенный, смысл настоящего рабства, тождественного понятию «жизнь». Поэтому обратим свое внимание на такие слова, как др.-русс. и старосл. животъ — жизнь, брюхо, имущество и сербохорв. живот — жизнь, мошонка, которые могут быть связаны с санскритскими словами jīvātu — жизнь, ji — побеждать, jīva — полный жизни, душа и vāṭa — зона, округ, vāṭu — о мужчине, а также vaṭu (baṭu) — парень, юнец, молодой брахман, класс жрецов. В таком случае слова sol – солнце, cela (н.-луж. сола) — пчела и cela (ceta) – слуга, раб могут быть образно связаны между собой, сообразуясь в этом с роем жужжащих пчел, ранним солнечным утром дружно вылетающих из своего улья на работу, что делает их «рабами» солнца, при том что солнце - «пчела», ранним утром поднимаясь на небосвод, также упорно трудится, наполняя лежащую под ним землю животворной «влагой» солнечного света. Но то же самое когда-то делал и человеческий род, выходя из своих темных жилищ навстречу утренней заре и встречая восход солнца благодарственными молитвами, что не может не соответствовать санскр. gabh — начинать, предпринимать, мечтать, захватывать, удерживать, сжимать, а также араб. rabita – связать, причем в этом арабском слове может присутствовать смысл мысленного созерцания мюридом - учеником образа своего «солнечного» шейха - учителя, который красноречивым «Словом» освещает темный и жаждущий знания разум ученика. Сюда же можно добавить арабские слова rabatta — связывать, обязывать, связь и rabitta — связка, соединение, родство вкупе с rabihha — выгода, усиление, прибыль, что очень похоже на сказку Льва Толстого про веник, который трудно сломать в отличие от отдельного прутика.

Видимо, славяне — прутья единой славянской общины - также жили с образом лучистого солнца в душе, хотя при этом могли поклоняться и луне, определяя по лунным циклам будущий урожай. Более того, с учетом санскритских слов cela — слуга, раб и vāk (vāc) — слово одна из трактовок термина «человек» может означать «раб слова», что как раз и подходит для образа славянина, в молодом возрасте дававшего клятву верности своему роду и создаваемой им семье. Этот вывод соответствует одному из значений древнерусского термина «слово» — согласие, обещание, свидетельство, выражение воли, поэтому до сих пор и существует выражение «дать слово», то есть не просто обещать, но и исполнить данное обещание. Подтверждают это предположение русские слова «челядин» — слуга, «челядина» — служанка и болг. «челяд» — семья, которые можно сопоставить с азиат. «кули» — наемный работник, батрак и санскр. kula (kuli) – семейство, род, союз, потому что окончание «ядь» в слове «челядь» может быть связано с санскр. yadas — близкий союз, чувственность, сладострастность, что в особых случаях

соответствует выражению «сладкий яд (обольщения или любви)», который мог подвигнуть молодого человека на нерушимую клятву служить верно и самоотверженно предмету своей любви, чему могла соответствовать и практика отработки не имеющим возможность отдать калым «женихом» в хозяйстве отца предполагаемой «невесты».

В данном случае любопытно сравнить санскр. *cela* — слуга, раб с курдскими словами *çêlî* — род, происхождение, потомство, племя и *çelî* — дитя, которое находится в полной зависимости от матери, в то время как курдские слова *kel* — кипение, волнение, возбуждение, изогнутый, кривой (о рогах) и *kêl* — пахать, сбивать масло, темп через смежные образы указывают на горячность подросткового и еще не умирившего свою сексуальную страсть юноши, попавшего в жесточайшую зависимость от буйства гормонов, что вынуждало его думать не столько о помощи по хозяйству и духовных потребностях, сколько о гулянках на молодежных вечеринках. Поэтому фонетически одинаковые курдские слова *kol* — безрогий, комолый (о мелком скоте) и *kol* — кипятить, варить, волновать, возбуждать можно объединить под общим словом *kol* — раб,- в первом случае раб материнской заботы, а во втором случае раб своего увлечения девушками. Впрочем, это относится и к женской половине молодежи, на что указывает такое же ассоциативное *kol* — яма, углубление, ров, нора, дупло.

В то же время русские слова «кол» — заостренная палка и «коло» — круг имеют такие же сексуальные признаки мужского и женского начал, как, впрочем, и курд. *kulî* — пряжа, комок шерсти, весь, всё, целиком, фонетически схожее с азиат. «кули» — наемный работник, батрак и санскр. *kula* (*kuli*) — семейство, род, союз, на которые «батрачил» каждый из входящих в них «компонентов», что соответствует схожему понятию славянской общины. Образно такое объединение можно представить в виде избранного круга (коло), в который с помощью клятвы верности входит (вклинивается, вколачивается) условный «раб» или «кол», обладающий необходимыми для избранника достоинствами, при том что круг с точкой в центре является символом вселенной, что в данном случае можно представить как символ славянского мира с учетом русских диалектных слов «мир» — народ, люди, «миро» — благовонное масло и «мира» — вязка животных (с выделением пахучего для них вещества).

21. Если же допустить, что каждый из славян, живущих в древней славянской общине, считал себя этой точкой или этим «колом», то данное предположение объясняет слова Прокопия Кесарийского (6 век) о том, что славяне издревле живут в народоправстве, к которым нужно добавить, что славяне при всей своей нелюбви к единоначалию естественным образом подчинялись божественным силам природы и нерушимым законам человеческого общежития. А в случае войны они подчинялись избранному или притяжному «колу», то есть военному вождю, или воеводе. В таком случае элементы «кля» и «тва» в слове «клятва» с учетом возможной элизии (выпадение звука) могут соответствовать санскритским словам *kalya* — здоровый, крепкий, ловкий, сообразительный, согласный, готовый и *tva* (*tava*) — один из многих, отдельно взятый, другой. В русском языке сохранились похожие на санскр. *kalya* слова «ка́ля» — брюква и «каля» — калека, которые можно связать с общеславянским *kletî* — проклинать, что составляет отрицательный смысл клятвы, однако при этом ровно такой же смысл заключен и в особого рода клятвах верности с употреблением формулы калечения человека, дающего клятву, в случае ее невыполнения, что еще более увеличивало магические свойства произнесенной клятвы.

Видимо, поэтому в некоторых диалектах брюкву (первоначально *бруки) называют «калега», что фонетически близко к слову «калека», но при этом надо учитывать, что в образе калеки, как уже было сказано, заключено нечто магическое и

нечеловеческое, а брюква (в русских диалектах репа, свекла) бросалась в сани неудачливых сватов, которым таким образом отказывали в зрелости жениха, или в зрелости его тестикул, предлагая ему поесть чрезвычайно питательной брюквы. Исходя из этого, слово «брюква» можно сравнить как с русским диалектным словом «брюк» — навозный жук, так и с нем. Brücke — мост. Смысл здесь в том, что мост является символом разграничения своей и враждебной территории, что соответствует нашему миру и миру потустороннему, а навозный жук в виде скарабея является символом созидательной силы встающего над миром солнца и символом возрождения после ухода в загробный мир. В таком случае бросание брюквы в сани приехавших издалека (из другого мира) сватов или в сани самого жениха означало, что жених еще не прошел через мост, соединяющий мертвое в сексуальном плане детство и взрослую жизнь. При этом надо учитывать качение скарабеем шарика навоза со спрятанными в нем личинками с востока (детство) на запад (взрослая жизнь). Удивительно, но на стыке востока и запада с проекцией на область зенита идущего по небу солнца находятся славяне, а вместе с ними и вечно юная Русь. По ассоциации с нем. Brücke — мост можно сравнить русское диалектное слово «брюзга» — сваха, которая является соединяющим звеном между мужчиной и женщиной, но в то же время и слово «брюзжать» — невнятно говорить, назойливо просить, брызгать, болезненно полнеть имеет сексуальные признаки, в том числе связанные с недостаточно «человеческим» обликом юнца, которому еще предстоит стать человеком. Стоит присмотреться и к слову «брюки», потому что голландским словом broek в России при Петре I называли панталоны, которые прикрывали телесный низ, не закрывая при этом ноги. В то же время образ сакрального калеченья и образ болезненной полноты можно применить к изменившейся фигуре беременной женщины, а также к меняющейся форме действующего мужского органа, что позволяет связать подобные изменения с образом великого мастера или творца, который в мифах всегда обладал каким-нибудь телесным недостатком, что равнозначно смыслу наложенного на него проклятия.

Поэтому санскритские слова sara — член, пенис и śāra — пастбище, выгон (то есть женское начало) в сопоставлении со словами «кол» и «коло» имеют фонетическое сходство с другими санскритскими словами śāra — проклятие и śapatha — клятва, проклятие, причем упор сделан на темное по своей сути женское начало, в котором как в клетке может находиться светлое мужское естество или будущий ребенок. А значит диалектное слово «клеть» в значении «тюрьма» можно сопоставить с общеславянским kleti — проклинать. В то же время, исходя из высказанных предположений, окончание «тва» в слове «клятва» может входить в такие слова как «творец», «творение», «тварь» и «товар(ищ)». Более того, элемент «тва» в совокупности с санскр. tva (tava) — один из многих, отдельно взятый, другой можно связать с эстонскими словами tava — обычай, традиция и vanne — клятва, присяга, обет, проклятие, которые определяют наличие древнейшей обрядности в соответствии с эст. vana — старый, старинный, ветхий, древний и курд. vane — урок, учение. Дополнительно необходимо сравнить tava — обычай, традиция со швед. bruk — возделывание, обработка, обычай, традиция, притом что слова «клятва» и «брюква» хорошо совмещаются в обычае давать клятву при обручении и в обычае отказываться давать согласие на брак, закрепляя свой отказ бросанием брюквы.

Но в то же время эст. kalli — милый, дорогой можно отождествить с санскр. kalya — здоровый, крепкий, ловкий, сообразительный, согласный, готовый, что позволяет трактовать слово «клятва» как «древний и милый (сердцу) обычай» или как «важная (для общества) традиция». Дополнительные эстонские слова sala- 'скрытный, сокровенный, задушевный, тайный' и salu (sallu) - роща указывают как на языческие заклинания в рощах, так и на гуляние в них влюбленных парочек с произнесением

любовной клятвы. Поэтому в соединении санскритских слов *kalya* — здоровый, крепкий, ловкий, сообразительный, согласный, готовый + *tva* (*tava*) — один из многих, отдельно взятый, другой, а также в соединениях эстонских слов *kalli* — милый, дорогой + *tava* — обычай, традиция и *sala*- 'скрытый, сокровенный, задушевный, тайный' + *vanne* — клятва, присяга, обет, проклятие, просматривается связь термина «клятва» с термином «славяне», что объясняет наличие неправильно трактуемого *slave* — раб,- изначально человек, давший клятву верности,- чему-то одному с одновременным отрицанием (проклинанием) всего остального. При этом сравните нем. *salve* — залп, англ. *salve* — мазь, бальзам и эст. *salv(e)* — закром, сруб, клетка, лабаз, разнородные значения которых можно образно связать с половым актом, во время которого в женское темное лоно вносится лечебное успокаивающее средство, что сопоставимо с эстонскими словами *salvama* — кусать, колоть, жалить и *salvang* — укус, укол, схожий с действием жалящей цветок пчелы.

Тем же наглядным образом окончание «тва» в слове «клятва» можно рассмотреть с помощью курдских слов: *tav* — солнце, луч, свет, терпение, выдержка, выносливость, сила, мощь, старание, *tev* — вместе, целиком, *tov* - семя, семечко, зерно, плод, племя, род, поколение, а также *taw* — галоп, ливень, *tew* — наклоняться, bravo!, молодец! и *tuw* — зрелость, в которых отчетливо видно присутствие термина «два», при том что курд. *dua* (*tua*) имеет значения «молитва, заклинание, благословение», относящиеся к понятию «клятва», при наличии курдских слов *du* — два, второй и *de'wat* — свадьба,- то есть соединение неба и земли, дня и ночи, мужчины и женщины. В то же время слово *de'wat* — свадьба можно сопоставить не только с курдскими словами *de'wet* — молитва, приглашение и *dewa* — лекарство, исцеление (в данном случае от бесплодного существования или от сексуального одиночества), но и с санскр. *deva* — небесный, божественный, бог, жрец, владыка, царь. Если же сопоставить курд. *dewa* — лекарство, исцеление с санскр. *deva* — божественный, владыка, то обнаружится их тождественность со староболг. «раба» - девица, прислужница и тур. *Rab* — господь, бог, господин, владелец. При этом у санскр. *deva* есть добавочное значение «почитающий как бога», которое можно применить к мужчине или к женщине, обожающих своего напарника противоположного пола и дающих ему клятву верности, а также к любому человеку определенной социальной среды, связавшему нерушимой клятвой свою судьбу с этой средой, данной ему Богом. Как тут не вспомнить выражение «все браки заключаются на небесах»?

Тем не менее еще одно значение староболг. «раба» — рабыня могло когда-то указывать на зависимое положение девушки, нередко выдаваемой замуж не по любви, а по воле родителей, к чему примешивалась и ее зависимость от родственников мужа, что выражалось в обрядовом плаче девушки перед свадьбой по вольной жизни в родительском доме. Сравните также русское диалектное «дева болезная» - ласковое обращение к девушке и курд. *dewa* — лекарство, исцеление, что ассоциативно указывает на выход замуж как на исцеление от «божественной», но при этом бесплодной и ненужной обществу девственности, хотя такая «божественность» как раз и могла быть связана с отсутствием «рабской» материнской заботы о многочисленных детях, что в прошлые времена могло привести к преждевременному старению. Не зря же мусульманский рай для мужчин означает множество прекрасных гурий при полном отсутствии пожилых женщин, которых милостивый Аллах сразу же делает девицами,- и ни одного родившегося ребенка. Одновременно и женская ласка служит лекарством и успокоительным средством для беспокойного мужского организма. При этом существующее диалектное дева-матушка может являться отражением непорочного зачатия матери Христа Марии, что могло перейти и на отдельные случаи применения слова «дева» к замужним женщинам. Однако в случае сближения санскр. *deva* - бог и курд. *tav* —

солнце, луч, свет, а также с учетом наличия в некоторых мифах женской сущности солнца, появляется возможность сравнения образа старой девы или девы-матушки с образом заходящего солнца, которое является таким же бесплодным и не дающим жизненно важной энергии, как и старая дева или же постаревшая жена.

22. Любопытно также сравнить ирландские слова *crann* — столб, шест, жердь, жребий, участь, судьба, важная персона, беда, неудача и *clann* — семья, потомство, где еще одно значение *crann* — пенис образно проясняет истинный смысл удачного или неудачного служения своему семейству или же семейству намеченной для супружества девушки в качестве раба данных при заключении брака или при заключении рабочего договора обязательств, когда в результате произнесенной клятвы ставились на кон репутация и честь, определяемые ирландским словом *clú* — слава. Естественно, что до этого парень и девушка должны были пройти соответствующее обучение у жрецов, что позволяет связать ирл. *clú* — слава с санскр. *śru* — слышать о чем-л., внимать чему-л., учить, изучать (на слух). Любопытно, что образу пока еще не обученного молодого человека соответствуют фр. *сги* — сырой, необработанный, грубый, жестокий и швед. *slö* — слабый, притом что в результате прохождения специальной подготовки молодежь получала более высокий статус и ясное понимание своего предназначения, что соответствует французским словам *croître* — возрастать, увеличиваться и *croire* — доверять, уверовать, думать, предполагать. Даваемая при этом клятва соответствует фр. *serment* — присяга, клятва верности, обет, где окончание *ment* имеет значения «говорить неправду, обманывать», а начальное *ser*, как считается, восходит к праиндоевр. **sek-* «резать, сечь». Если это так, то, давая клятву верности, новоявленный адепт как бы отсекал себя от любого рода неправды и лжи, — то есть становился полностью подчиненным в соответствии с настоящим значением др.-фр. *seri* — безмятежный, потому как мятеж означает своеволие. Необходимо также отметить, что праиндоевр. **sek-* «резать, сечь» и санскр. *śāka* — помощник, друг имеют образное сходжение, тождественное отделению любого союза от всех остальных людей или народов.

Если же мы возьмем исп. *ser* — быть, существовать в качестве отсоединения от небытия, то появляется возможность сближения исп. *ser* — существовать и др.-фр. *seri* — безмятежный, потому что бытие в нашем случае — это взрослое состояние спокойного семейного человека, а небытие — это фактически потустороннее и в духовном плане хаотичное детство человеческого существа, от которого пытается отделиться уже хаотично — мятежная юность. Здесь таится и смысл титулов «сэр, сир, сер», которые отделяли высокопоставленных людей от остальной массы, воспринимаемой в качестве многочисленных «детей» и «ребят». Очевидно, что все эти титулы можно сравнить с санскритскими словами *śrā* — делать зрелым и *śrī* — красивый, богатый, успешный, царственный, при том что есть и *śri* — зависящий от кого-л. или чего-л.

В то же время значения санскритских слов *kūla* — склон, холм, берег, наклон и *kūl* — жечь, подпаливать, что соответствует разжиганию священных весенне-летних костров на вершинах (сравните: культ), а также санскр. *kula* (*kuli*) — семейство, род, союз и азиат. «кули» — наемный работник, батрак, что соответствует самоотверженному служению отдельного члена общества своей общине или семейству (сравните: русские диалектные слова «куль» — сноп, связка и «кулы» — пчельник), относятся к объединяющей функции клятвы, которая в своих наивысших эмоциональных проявлениях могла произноситься новоявленным адептом в виде «клянусь землей», «клянусь водами реки Стикс» и «клянусь небесами», что отчасти соответствует стуку человеческого лба (чела) о землю или же земному поклону, а также принесению жертв воде или земле и воздеванию рук к охраняющим землю

небесам с одновременным произнесением молитвенной формулы-клятвы. Поэтому в данных словах присутствует смысл связи разных частей, составляющих единое целое, что подтверждается древнетюркскими словами күл — связывать и күлте — сноп, пучок, моток. А так как данная клятва была священной, то к этим словам помимо слова «культ» нужно добавить курдские слова kul – хворь, кипячение, хромота и kulî — комок, весь, всё, целиком в качестве семейного, общественного или религиозного объединения с учетом того, что любая болезнь воспринималась как проявление потусторонней силы, с которой были связаны и колдуны.

Однако значения других древнетюркских слов күлмүс — самец серны, дикой козы и косули, а также күлүк — славный, знаменитый, скакун, большая собака, имеют явно сексуальные признаки, как и образ склона, соединяющего верхнее с нижним, при том что высокий берег реки запирает ее течение в достаточно плотных границах. Этот вывод подтверждается через сопоставление древнетюркских слов күл — раб, слуга, крестьянин, раб божий, человек, валет и кула — светло-желтый, кула- 'тянуться, перескакивать, упасть сверху вниз, испустить дух, умереть', где движение солнца по небу совмещается с прохождением человеческой жизни и с действиями светлого мужского начала, которое сначала поднимается вверх, а затем опускается вниз, чтобы испустить «дух» в женском лоне. К этим сексуальным смыслам можно добавить древнегреческие слова κλέω — восхвалять, прославлять, славиться (в сопоставлении с др.-тюрк. күлүк — славный, знаменитый, скакун, большая собака) и κλίνω — склонять, склоняться, прислонять, взламывать (в сопоставлении с русскими словами «склон», «клонить», «клин» и «клевать»). При этом такой же сексуальный смысл «берега» или «склона» можно обнаружить в древнегреческих словах κλιῶ — ограждать, запирает, сковывать и κλείς (κλής) — засов, запор, пролив.

Дополнительные древнегреческие слова κλάω — плакать, ломать, κλύω — слышать, внимать, понимать, усваивать и κλίνη — ложе, κλίνω — склонять, склоняться, прислонять, взламывать также могут быть эвфемизмами начавшихся любовных взаимоотношений, которые можно описать не только выражением «познать женщину», но и несколько грубоватым «ломать целку», причем значение «плакать» может относиться к так называемому ритуальному плачу, как одному из элементов обряда перехода, - в данном случае из статуса девушки в статус женщины, - причем лить слезы могли не только невеста перед свадьбой, горюя о своей уходящей «вольности» и расставании с семьей, но и дорвавшийся до своей цели молодой мужской орган, изливающий сперму наподобие того, как «плачущее» небо изливает дождевые струи, а «плачущее» солнце изливает солнечные лучи, что можно образно соотнести с древнегреческими словами κλύζω — покрывать, ополаскивать, κλίμα — склон, скат, спуск, страна света и κλήμα (κλάω) — молодой побег, молодая сила, которая склоняет девушку к половому акту и над ней наклоняется, чтобы излить то, что определяется датским словом slim – слизь или русским словом «слезы». Но в данном случае это слезы радости и наслаждения, а не тоски и горя. На то, что элементы κλίμ и κλήμ связаны с половой функцией человека указывает слово «климакс» - завершение менструаций у женщин, которое производят от древнегреческих слов κλίμαξ — лестница (в качестве перехода на другой этап) и κλίνω — клонить, наклонять. Дополнительно можно указать на ассоциативные смыслы фонетически одинаковых русских слов, родственных слову «клан», таких как «клин» — вставка, колун, колышек и «клин» — участок земли, отверстие, причем эти значения, связанные с забиванием, раскалыванием и запирающим женского начала мужским, можно одновременно сравнить с дат. slå — бить, slagte — колоть и др.-гр. κλάω — ломать, κλιῶ — запирает, задвигать, а также с дат. slids [sles] - разрез, щель, паз и др.-гр. κλείς (κλής) — пролив. Поэтому за фонетически тождественными древнегреческими словами κλητός — избранный, приглашенный, званный, κλυτός —

славный, пышный, чудный, дивный и κλίτος — область, край, сообществу которых принадлежит и слово «клитор», может скрываться намек на весеннюю юность молодых половых органов, причем окончание -τος, трактуемое как «то, что пострадало или не пострадало от действия, определяемого начальным элементом», может соответствовать санскритским словам toṣa — капающий, текущий, жертвующий и toṣa — удовлетворение, наслаждение. Сравните также с др.-гр. τό — он, этот, тот.

В то же время древнегреческие слова κλάς - ветвь, побег, κλάζω — звать, призывать, возвещать и даже κλαίω — плакать, рыдать, оплакивать могут указывать на отделение молодежи от родителей, то есть «разбитие» первоначальной семьи, в результате выхода замуж дочери или ухода сына на опасную инициацию, что когда-то сопровождалось не только ритуальным плачем девушки по утраченной вольности, но и ритуальным плачем матери по навсегда ушедшему из-под ее опеки парню. Такое расставание, тем не менее, являлось положительным фактом для общества и подтверждается противоположными значениями окончания ίω в слове κλαίω — плакать, рыдать, оплакивать, которому соответствуют не только «возгласы сожаления или обращения к кому-нибудь», но и «возглас ликования».

23. Одновременно значения др.-гр. κλάζω — звать, призывать, возвещать, родственные латинскому слову calare — созывать и косвенно латин. classis — разряд, класс (римского населения), а также праиндоевр. kele — звать, кричать, совпадают со значениями санскр. śravas — звук, призыв, зов, слава. Поэтому между собой можно сопоставить не только др.-гр. κλάζω — звать, призывать и санскр. kruś — звать, кричать, звенеть, но также латин. classis — разряд, класс и санскр. śrā — доводить до готовности, делать горячим, варить, испекать, когда человекоподобное существо с пробуждением сексуального чувства начинает превращаться (испекаться) в полноценного человека, то есть приобретает более высокую «классность». Однако для этого должны быть взяты под контроль животные устремления, возникающие с приходом пубертатного периода, что и отличает русское диалектное «варвар» — милый, любимый человек от общеизвестного «варвар» — грубое и некультурное существо. Исходя из этого, окончание ζῶ — быть в силе, разгаре, движении, то есть быть живым, в др.-гр. κλάζω — звать, призывать, возвещать можно образно сопоставить с окончанием vas — жить, сверкать, быть прямым, прикреплять, проникать, звучать, находить удовольствие, любить в санскр. śravas — звук, призыв, зов, слава, внешний вид, что не только указывает на тождественность элементов κλά, śra и сла, но и связывает понятие наступающей жизни с успешным окончанием полового развития человеческого существа, которому передаются необходимые для взрослого существования навыки и знания в соответствии с санскритскими словами jiṣ — поливать, разбрызгивать, посыпать и ṇa — знание, уверенность, знакомство, понимание. Сопоставив же слово jiṣ с санскритскими словами ji — побеждать и iṣ — желать, искать, требовать, ускорять, возбуждать, способствовать, возвышать (голос), сила, мощь, сок, услаждение, подкрепление, īś — мочь, быть в состоянии, принадлежать, владеть, iṣ — улетать, поспешно уходить, мы получим образ молодого существа в самом соку, которому приходит пора вылетать из родительского «гнезда», что тесно переплетено с рождением младенца, в роли которого и выступает едва оперившаяся молодежь.

Стоит обратить внимание и на образное соответствие др.-гр. ζῶ — быть в силе, разгаре, движении персидскому «за» со значением «рождающий, производящий», что, например, соотносится с призывным пением птиц или криками животных в период спаривания и подтверждается древнегреческими словами κλάζω — звать, призывать, возвещать и κλύζω — бить, ударять, покрывать, промывать, ополаскивать. Отдельно можно рассмотреть латин. familia — семейство, родня, челядь, рабы, которое хорошо

сопоставляется с латинскими словами *fama* — молва, слух, репутация, слава (в том числе дурная) и *fames* — страстное желание, ненасытность, голод, что можно представить в виде сексуального голода и сравнить значение «голод» со значением «голый», что с одной стороны создает образ «голых» и «голодных» органов плодородия, один из которых вторгается на территорию другого и им жадно поглощается, а с другой стороны создается образ просящего подаяния нищего, что соответствует санскр. *niṣṭya* — посторонний, внешний, чужой. Таким же посторонним может быть и «жених», пришедший извне свататься на «внутреннюю» территорию чужого рода.

Исходя из этого, окончание *ilia* в слове *familia* можно связать с латин. *ilia* — брюшная полость, живот, половые органы, внутренности, потроха, что в совокупности с латинскими словами *fames* — страстное желание, ненасытность, голод и *fama* — молва, слух, репутация, слава наполняет термин «фамилия» пылкими сексуальными чувствами, свойственными юности и ранней молодости. Образно это схоже с наступлением весенней поры, когда пришедшее со стороны и не принадлежащее земному миру, а значит формально чужое, солнце подает изголодавшейся, холодной и голой земле свои ослепительные лучи, чтобы напитать ее чрево живительной силой и покрыть ее травяной «одеждой». Более того, исходя из этой образности, матушку - землю или женщину - мать, определяемую до замужества латин. *femella* — девушка,- то есть условная Снегурочка, жаждущая наплыва жарких чувств,- а после замужества латин. *femina* - женщина, самка, выемка, паз, гнездо, можно представить в виде пчелиной матки в мировом «улье», вокруг которой формируются рожденные ею рабочие «пчелы», образующие вместе с ней пчелиную семью.

В таком случае латин. *famula* (*famul*) — служанка, рабыня, прислужница; слуга, служитель, прислужник как раз и будет обозначать тех самых славных рабочих пчел, приносящих в улей нектар для будущего меда, собранный с цветущих растений, что соответствует сербохорватским словам чела — пчела и чёлъад — челядь, домочадцы, люди. Но в то же время немецкие слова *Wachs* — воск и *Wachsen* — рост, развитие, произрастание, вощение можно сопоставить с французскими словами *cire* — воск, восковые свечи и *seges* — время жатвы, хлеб, которые, в свою очередь, можно сопоставить с перс. *kir* (*ker*) — пенис и словен. *kíma* — пропитание, корм, сено, что равнозначно санскритским словам *sapa* — мужской член и *śāra* — пастбище, выгон. Образно это можно описать такими словами: мужское начало с усердием кормит голодный «материнский рот», обжигая его горячей пищей, а затем «плавится» словно свеча, пожиная впоследствии плоды своих зачастую непродуманных действий. На связь же воска с любовными чувствами указывает следующее сообщение: «Воск — символ духовной чистоты, надежды и благополучия. Восковые свечи, зажженные при венчании, всю ночь горят в спальне новобрачных». Загадочны и русские слова «воскатить» — взойти, подняться (о солнце), «воскачать» — вырастить (качая, баюкая), «воскормить» — вскормить, воспитать, вырастить, «воскочить» — вскочить, войти, проникнуть куда-либо, «воскачки» — вскачь, быстро и «воскорица» — живая, бойкая девушка или женщина, в которых начальное «воск» одновременно схоже и с нем. *Wachs* - воск, и с русским словом «восход».

На «славность» образа рабочей «пчелы» указывает др.-гр. μέλισσα — пчела в сопоставлении с μέλω — заботиться, μέλλω — быть необходимым, неизбежным и μέλι — мед, медвяной напиток с учетом понятия «медовая свадьба» и с учетом значения др.-гр. μέλος — часть тела, песня, напев, мелодия, причем темой большинства песен является любовь. По смыслу с этими словами можно связать др.-гр. φήμη (дор. φάμη (фā)) — знамение, слово, молва, слава, относящееся не только к латинским словам *femella* — девушка и *femina* - женщина, самка, но и к латинским словам *famula* (*famul*) — служанка, рабыня, прислужница (слуга,

служитель, прислужник) и *familia* — семейство, родня, челядь, рабы, что, образно говоря, представляет собой человеческий улей, в котором добытчики-мужчины приносят своеобразный «нектар» своим женщинам, а те добывают, благодаря природным рождающим «сотам», новое потомство, что можно сравнить с санскритскими словами *suta* — сын, *sutā* — дочь и *sū (sūta)* — производить, порождать, приносить, давать (урожай), в то время как нектар можно сравнить с русским словом «сыта» - вода, подслащенная медом. Можно также указать, что латин. *fames* — страстное желание, ненасытность, голод, схожее с *famula (famul)* - служанка, рабыня, слуга, раб и *familia* — семейство, родня, челядь, рабы, имеет прямое отношение к санскритским словам *kāma (kāmuā)* — страстное желание, любовь и *kaṁala* — цветок лотоса, который олицетворяет плодоносящее женское лоно, что хорошо соотносится с латинским словом *ilia* — брюшная полость, живот, половые органы, присутствующем в составном слове *familia*. В то же время латин. *ilia* - половые органы можно сравнить с санскритскими словами *ali* – пчела и *ili* – дубина, палка, короткий меч в сопоставлении с санскр. *śilī* — дротик, шило, а также с русским словом «улей», который символизирует человеческую общину, в том числе и материнское лоно. В латинском слове помимо прочего сделан явный намек на природную зависимость половых органов мужчины и женщины по отношению друг к другу.

Однако латин. *fames* — страстное желание, ненасытность, голод может быть также связано с санскритскими словами *vāma* — левый, кривой, красивый, приятный, стремящийся (видимо, налево), здоровый, *vāmā* — красавица и *tāma* — сильное желание, потребность, а также *tamas* — тьма, мрак, заблуждение, ошибка и *tamas* - состояние безразличия, лени и невежества, что, между прочим, можно отнести к женским отговоркам на сексуальные просьбы мужчины, но с другой стороны состояние *tamas*, приводящее к деградации отношений между людьми, можно связать с излишне плотскими чувствами в человеке в ущерб чувствам духовным и возвышенным, что позволяет разглядеть в слове *tamas* чрезмерное поклонение темным и диким сексуальным желаниям, которые в прошедшие века были особенно свойственны молодежи, буквально сходящей с ума от игры гормонов, как до сих пор во время гона «сходят с ума» животные. Поэтому человеческое общество в сексуальных отношениях между мужчиной и женщиной всегда предпочитало «золотую» середину и создавало необходимые условия в виде инициации подросшей молодежи в том числе и для успокоения бешеной игры гормонов.

Общий для санскритских слов *kāma*, *vāma* и *tāma* элемент *āma* — неспелый, незрелый, необожженный может относиться к образу девственности, особенно женской, пока еще нетронутой огнем любви, но в то же время схожее санскр. *ama* — порывистость, стремительность, пылкость, насилие, болезнь можно отнести к темным и больным сексуальным желаниям молодого самца, отличающимся от спокойного и ровного пламени супружеской любви. Исходя из этого, начальные элементы санскритских слов *kāma*, *vāma* и *tāma* могут иметь отношение к санскритским словам *ka* — солнце, душа, тело, время, радость, веселье, божественность, вода, голова и *kā* — искать, жаждать, томиться, любить, *va* — обращение, почтение, примирение, жилище и *vā* — соединять, связывать, дуть, веять, распространяться, уставать, испускать аромат, задевать, повреждать, *ta* — грудь, матка, воин, боец и *tā* — неприступность, недомогание, болезнь. При этом термин «страстное желание» помимо любовных отношений и любовных переживаний, похожих на заболевание, может образно относиться к употреблению пищи или воды и к стремлению познать истину, что во всех трех значениях можно сопоставить с санскритскими словами *eṣa* — поиск, желание, выбор и *iṣṭi* — желание, *iṣṭa* — искомый, любимый, приятный, желанный, а также с русскими словами «есть»

— кушать, насыщаться и «есть» - иметь, причем значения санскритских слов *āśāsyā* — желательный, желание и *sasya* — посев, всходы, урожай зерна, злаки обозначают не только желание хорошего урожая, но и в переносном смысле указывают на образ растущего ребенка (санскр. *śīśu* — младенец, ребенок), жадно сосущего материнскую грудь (сисю).

24. Интересно, что по своей многочисленности со славянами могут сравниться арабы, но в то же время арабы живут в местностях с малым количеством воды, заполняя территорию, неинтересную славянам. В таком случае фонетическая близость слов «араб» и «раб», а также смысловая близость араб. *araba* — связывать, привязывать, стягивать и англ. *slave* – раб, невольник, которых обычно изображали связанными веревкой или цепью, опять же, наводит на мысль о сакральном значении слова «раб», которым когда-то могли называть человека, опьяненного «медом любви» и верного данному при этом Слову, что в какой-то мере делало его невольником чести, название которой связано с санскритскими словами *seṣṭa* — движение, поведение, *seṣṭā* — деятельность и *seṣṭ* — волноваться, напрягаться, действовать, заботиться, жить. Именно такими когда-то были не только славяне, но и арабы, тем более что название «мусульманин» обычно трактуется как «преданные исламу», «подданные ислама» или даже «покоренные исламом» (покорные исламу), что в точности соответствует трактовке славян как «верные Слову», а также смыслу араб. *rab'* — круг, сообщество, обитель, если клятва (Слово) давалась общине или при заключении брака. В таком случае слово *rab'* соответствует санскр. *vara* — ограниченное замкнутое пространство, круг, избранный, самый лучший, любовник, жених, супруг и, соответственно, санскр. *var* – выбирать, окружать, покрывать, защищать, любить, что можно сопоставить с русским диалектным словом «варвар» - милый, любимый человек, в котором удвоение элемента «вар» - кипяток, жара может характеризовать особую пылкость, свойственную альфа-самцу.

Исходя из этого, даже название религии «ислам», которое ныне трактуется как «покорность, предание себя Богу», любопытным образом совпадает с санскритскими словами *īś* — властитель, владыка и *īam* (*gam*) – получать удовольствие, развлекаться, сексуально наслаждаться, что соответствует понятию мусульманского рая, в котором праведники, получавшие удовольствие от строгих мусульманских законов, после своей смерти будут наслаждаться общением с прекрасными девами-гуриями, которые станут их ублажать. Более того название главы Корана «сура», которое трактуется с использованием значений «ограждение, высокий статус, восхождение, вид (картинка), слава, известность, пение», может соответствовать не только др.-гр. *κλίω* — ограждать, запира́ть, сковывать и др.-ирл. *clú* – хорошая репутация, слава, но и санскр. *śru* — слышать о чем-то, учить, изучать, внимать, др.-ирл. *clag* – слово, уровень, ярус, а также санскритским словам *śura* — бог, *śurī* — богиня, *śūra*- мужественный, отважный, герой, воин, *śūr* — бить, ударять, *sūra* — сома, стекающая с пресса, где зафиксированы ассоциативные значения, вполне соответствующие значениям санскр. *īam* (*gam*) – получать удовольствие, развлекаться, сексуально наслаждаться с учетом санскр. *īś* — властитель, владыка.

При этом попытка отождествления араб. *сӯра* с евр. *шира* — песня, пение находит свое продолжение в немецких словах *klingen* — звучать, звенеть и *Klinge* – лезвие, клинок, что можно сопоставить со словами «пение», «песня» и «пенис» в соответствии с происхождением латинского слова *pēnis* из **resnis*. То есть любовь связывали с пением души и плоти, что естественным образом привело к появлению неисчислимого количества любовных песен, которые до сих пор заполняют едва ли не все песенное пространство. Эту необычную связку мужского органа и пения можно подтвердить с помощью жаргонного сербскохорв. *penis* – петух, при том что

связь петуха и пения подтверждается сопоставлением белор. «певень» — петух и серб. «певање» — пение, а связь петуха и мужского начала дополнительно определяется сопоставлением французского литературного *coq* (кок) — петух и французских жаргонных слов *coquin* — ухажер, любовник, *coquille* — девственность и *koké* — заниматься сексом, которые могут являться эвфемизмами мужского органа.

В принципе огненный или «кипящий» вид петуха, своим громким возгласом предвещающего появление солнечного «младенца», равнозначен бурлению кипящей воды перед вытеканием пены и бурлению страстных любовных чувств, способствующих рождению ребенка. При этом любопытно, что латинские слова *chēlē* (*chela*) — скорпион, рак, орудие для выброса снарядов, баллиста и *celox* — груз, транспорт могли использоваться в качестве эвфемизмов мужского и женского начал, что ассоциативно подтверждает латин. *celo* - скрывать, утаивать, причем и здесь просматривается связь с пением или музыкой в латин. *chelys* — лира, благодаря тому, что щипание струн плектром в виде кольца с «когтем», надеваемым на палец, ассоциировалось с укусом скорпиона или щипанием рака, - а также с укусом пчелы, если вспомнить сербохорв. чела — пчела.

Возвращаясь к слову «сура» - глава Корана, отметим, что существует и термин «*surā*» — хмельной напиток в Ведах, противопоставленный *соме*, который мог означать как обычное вино, так и любовную страсть, затемняющую разум в противоположность освежающему «меду любви» - *соме*. В какой-то мере такая болезненная и застывшая глаза страсть присуща и некоторым пожилым людям, стремящимся найти себе молодую половину, поэтому обратим внимание на четыре стороны света, где север и юг могут объединиться в образе «заледеневшего», но полного внутреннего огня, мужского органа в сопоставлении с образом застывшего мертвеца, которого сначала заруют в землю, а затем он согласно мифологическим представлениям возродится к новой жизни, то есть наполнится жаром, в то время как запад и восток соответствуют старческому возрасту и возрасту детскому, который любят опекать едва ли не все старики. Известно, что в исламе разрешается иметь до четырех жен, что, вероятно, соответствует четырем сторонам света и арабскому *gabā'* — процветание, благополучие в сопоставлении с *gābi'* — четверть. В то же время арабские слова *gabi'* — весна, расцвет, соответствующее одному из четырех сезонов, и *gab'* — вознести, воздвигнуть, исправить, улучшить, убрать, удалить в качестве эвфемизмов отражают подспудное стремление молодежи к бахвальству и к увеличению потомства, которое сменит ее в процессе своего развития. Вместе с тем эти значения соответствуют не только смене времен года и смене дня и ночи, но и чередованию посева и уборки земного урожая.

25. Если же вспомнить библейское выражение «вначале было Слово, и Слово было Бог», а также мифологическое сотворение мира из звука или голоса, то интересно сравнить санскр. *vāṇī* — голос, речь, слова, музыка с эст. *vana* — старый, старинный, *vanem* — старшина, староста, старейшина, родители, *vang* — заключенный, пленник, невольник, *vanik* — венок, *vanker* — телега, повозка и *vanne* — присяга, клятва, где может быть зашифровано почитание предков, вождя и родителей, делающее человека зависимым от них, а также почитание священного брака, на что указывает значение «венка», который у славян использовался в свадебных обрядах и в гаданиях на замужество. Однако «невольником» может быть не только зависимый от общества и старинных обычаев человек, но и внутриутробный ребенок, который до поры до времени находится в материнском чреве. Даже после своего рождения маленький человеческий детеныш по-прежнему будет находиться под родительской опекой, а после совершеннолетия и короткого периода вольной юношеской жизни уже не юноша, а молодой человек, вступит в брак и станет тянуть семейную упряжку, на этот раз совмещая в себе не только состояние «раба-невольника», но и состояние

хозяина, которое определяется др.-тюрк. Rab — господин, хозяин, бог.

Видимо, в этом плане коренную, то есть более массивную лошадь, можно сравнить с мужчиной, а пристяжную — с женщиной, что отчасти совпадает с положением Rab — господин и раба — невольница, которая подчиняется действиям коренника, потому что присоединена к своему «божеству», но в то же время и само «божество» подчиняется неписаным правилам семейной жизни, тождественным правилам рода или общины. В таком случае латин. *ilīa* (*ile*) — брюшная полость, половые органы в слове *familia* можно с полным правом сопоставить с турецкими словами *ilâ* — возвышение, возвеличивание, прославление, *ile* — связь, совместность, согласованность, предмет действия и *il* — страна, край, где зашифрованы гордое мужское начало и прославленное начало женское, куда мужскому началу в поисках славы предстоит раз за разом отправляться, словно в далекую неведомую страну, которая по-прежнему будет недоступна человеческому взгляду.

В результате высказанных в этой статье предположений можно сделать уверенный вывод о том, что термин «славяне» (словене) является по многим своим значениям синонимом термина «фамилия», обозначая в своих составных элементах страстное желание мужчин и женщин любить друг друга и работать на благо созданной ими семьи или рода, которые фактически схожи с роем известных своим трудолюбием пчел, несущих добытый ими нектар в собственный улей, как работники общины несли добытое ими зерно в общественный амбар. Поэтому существует определенная связь не только между значениями санскритского слова *kula* — семья, род, стая, стадо, рой, хозяйство, дом, но и между русскими словами «род», «рой» и «рай», «замешанными» на чувстве светлой и жертвенной любви, что подтверждается санскритскими словами *gaḥ* — быть окрашенным, удовлетворенным, любить и *gāḥ* — появляться, блеснуть, властвовать, а также *gaī* — собственность, владение, богатство, достояние и *rodha* — растущий, ограждающий, защищающий, в то время как слово «родить» (рожать) может соответствовать форме *roditi* санскритского слова *rud* — кричать, жаловаться, рыдать, что тождественно понятию «родовые муки» и слову «трудиться» — рожать в сопоставлении с диалектным словом «руда» — кровь, которое в качестве эвфемизма «родная кровь» может обозначать рожденное потомство.

Сопоставление слов *gaḥ* — быть окрашенным, удовлетворенным, любить и *gāḥ* — появляться, блеснуть, властвовать с *gaī* — собственность, владение, богатство и понятиями рая, рода и роя является вполне оправданным, так как естественным желанием человека является желание жить дружной общиной в каком-нибудь замечательно красивом месте, хотя не всем это удастся. Не зря же в русских диалектах существует значение «рай» — удача, счастье. В то же время сопоставление этих слов со словом *rodha* — растущий, ограждающий, защищающий находит свое подтверждение в образах растущего и требующего тщательного присмотра потомства, появление которого невозможно без дееспособного мужского органа и самого защитника-мужчины. К тому же звук *j* (в санскрите *дж*) в русском языке может соответствовать звуку *й*, а в некоторых случаях и «ж», на что указывает диалектное «ражо» — хорошо, красиво, много, которое можно сопоставить с вышеназванными санскритскими и русскими словами. В таком случае санскр. *rodhas* — крутой берег, склон горы, бедра женщины может ассоциативно указывать на место сакрального соединения двух детородных органов, давшее начало росту человеческого рода, а точнее славянского племени, которое всегда расселялось рядом с водой или в болотистой местности, что соответствует русским диалектным словам «моча» — вода, влага, залитое водой место и «мочаг» — болото, а также русским словам «мочь» и «мощь». При этом славяне предпочитали места в районе впадения одной реки в другую. Более того древнетюркское слово *rabčat* —

принудительные работы и тур. *čat* — место слияния двух рек, место пересечения двух дорог, перекресток, стык образно схожи с завещанной Богом работой двух человеческих плодородных начал, объединившихся в единое целое для выполнения строгого божьего наказа «плодитесь и размножайтесь», тем более что русское диалектное «принудом жениться» означает насильственное обручение парня с девушкой помимо их воли.

26. Конечно, разговор об этнониме «славяне» (словене) был бы неполным без упоминания об этнониме «склавлены» (склавины), который, как считается, принадлежит более ранним славянам. В принципе соотношение слов «склавлены» и «славяне» (словене) соответствует соотношению слов «складывать» и «сложить», а также «кладу» и «ложу», что, как раз, и подходит для определения славянской общины, складывавшейся из отдельных, но подчиненных единому уставу, семей. Исходя из сочетания звуков д-ж в словах «кладу» и «ложу», «прикладывать» и «слаживать» можно предположить наличие в них звука, подобного *j*, которое дало русские диалектные слова «лад» - помолвка, сговор и «лаженье» - намерение, желание, согласие, мир, лад, «ладый» — милый, возлюбленный и «лажий» - толковый, бойкий, ловкий, «лада» - жених, невеста, муж, жена, любимый, любимая и «лажа» — обман, плутовство, надувательство (то есть внебрачная беременность), а также «ладило» — сват, плут, который «слаживает» помолвку, чрезмерно возвеличивая достоинства жениха. Наравне с этими словами можно поставить санскритские *laḍ* — желать, хотеть, бросать, кидать, нежно любить, воспитывать и *laḥ* - показываться, проявляться, стыдиться, быть пристыженным с учетом русских диалектных слов «стыд» — наружные половые органы человека, холод, стужа и «стыжа» — холод, стужа, что может одновременно относиться к сексуальному «опеденению» рабочего мужского органа, и к условной «замороженности» женского органа девственницы, который, например, до поры до времени был у сказочной девушки - Снегурочки, «растаявшей», а точнее оттаявшей, во время молодежных гуляний под пламенем жарких чувств, ассоциативно прикрытых образом костра.

Что же касается слова «склавлены» (склавины), то его отличие от слова «славяне» (словене) заключается в наличии звука «к», который может определять значения, схожие со значениями, определяемыми звуком «с». В качестве доказательства можно сравнить русские предлоги «с(со)» и «к(ко)», в которых присутствует смысл «связи», подкрепляемый санскритскими словами *sa* - с, вместе с и *kā* — искать, желать, томиться, быть стремящимся к, что в совокупности дает санскр. *saka* — это тот самый человек или та самая женщина, которое, к тому же, в другом варианте *śāka* — помощник соответствует санскритским *sa* и *kā*, обладающим смыслом связи. Таким образом слова «склавлены» и «славяне» (словене) имеют общее для них значение, что, однако, не всегда предполагает совместное происхождение носивших эти этнонимы племен. Тем не менее санскритские слова *śāka* — сила, помощь, название племени «саки» в сопоставлении с *sakha* — друг, приятель, связанный с и *lavana* — срезание, жатва предполагает в склавенах видеть оседлую и поэтому как бы отделившуюся часть союзного племени саков. Но в то же время их потомки славяне могли уже утратить всякую связь с саками. Следует обратить внимание и на санскритские слова *śakala* — щепка, осколок, черепок, половина и *sakala* — полный, целый, совершенный, значения которых могут соответствовать с одной стороны образам детства и незрелой юности, а с другой стороны образу взрослого человека, имеющего вторую половину, что определяется значениями санскритских слов *śala* — палка, посох, жезл (мужские термины) и *śālā* — дом, комната, помещение (женские термины).

Если же мы разделим др.-гр. *σκληρήναι* — склавины по принципу *σκ* — *λάβήν* — *οι*, где элемент *σκ* сравним с др.-гр. *σάκος* — прибежище, защита, элемент *λάβήν*

сравним с др.-гр. λαβῆν — начинать, ощущать, быть охваченным чувством, предпринимать (поиски), встречать, созерцать, оценивать, обнимать, уводить, постигать, а окончание οἱ сравним с др.-гр. οἷ — этот, который, то получим вполне очевидную трактовку этнонима «склавин», которая может означать «(тот) который увлечен поиском прибежища или защиты». Однако дело в том, что прибежищем может быть не только «жалкая хижина», которую вынужден был покидать склавин, перемещаясь с одного места на другое из-за истощения кормящей его земли, но и то, что определяется др.-гр. σάκ-ανδρός и латин. pudenda muliebria (вагина). Другое же деление др.-гр. σκλάβήνοι — склавины на σκ + λάβῆ + νοι добавляет значения λάβῆ — повод, удобный случай и νοί — желание, воля, смысл, значение, душа, сердце, грудь, разум, здравый смысл, намерение, что естественным образом можно отнести к любовному чувству, ведущему к предполагаемой полноте жизни. Этот набор значений в первом случае может означать возраст еще неженатого склавена в сопоставлении с санскр. śakala — щепка, осколок, черепок, половина, который в детстве искал прибежища и защиты у матери, а повзрослев и еще не набравшись ума уходил на поиски какой-нибудь падшей или податливой девушки, которая защитила бы его от сексуального одиночества, что, между прочим, образно совпадает с курд. wana — шакал, который, как известно, питается падалью. А во втором случае это уже склавен в сопоставлении с санскр. sakala — полный, целый, совершенный, который определился с выбором будущей супруги, что позволяет сопоставить санскритское слово sakala — полный, совершенный с русским словом «сокол», потому что эти птицы склонны к созданию постоянной пары. Во всех этих случаях вторая часть этнонима «склавен», как и этнонима «славяне» (словене), может соответствовать санскритским словам ven – томиться, тосковать, завидовать, хотеть, желать и van – любить, нравиться, стремиться, обладать, помогать, готовить. Но в то же время курд. vane [ванә] — учеба предполагает начавшуюся инициацию, а диалектное wend – смелый, отважный как бы намекает на явную «безбашенность» тогдашнего молодого поколения, у которого от гормонов буквально «сносило крышу».

С помощью курдского языка можно подтвердить связь англ. slave – раб с термином «раб(а) любви», который наиболее свойственен молодому «просящему» возрасту, на что указывают курдские слова law – дитя, ребенок, сын, юноша, молодой человек, lawî (lawanî, lawînî) — юность, молодость, молодежь и lav (lava) – просьба, мольба, а также слово lavêj [лавейж] — песня; пение, с которым в случае мены j-й может быть связано русское слово «соловей», потому что эта птичка своим пением или своим Словом славит и приветствует наступающее время любви в сопоставлении со значениями английских слов say — возвещать, сообщать и love - любовь. Более того начальное «со» в слове «соловей» образно может быть связано с курдскими словами şa — радостный, веселый и şo — муж, омыவர், что указывает на радостные и чистые звуки, издаваемые соловьем, с учетом курд. lavêj — песня; пение. Очевидна также связь курдских şa и şo с санскр. sa – с, вместе с и русск. с(со) в качестве предпосылок соединения самца и призываемой звонкою песней самочки. Поэтому все эти курдские слова можно сравнить с другими курдскими словами salt — холостой, одинокий и selav [сәлав] – приветствие, поклон.

Можно также обратить внимание на слова из курдского диалекта сорани: sil – помет, навоз и silav – славянин, славянский, что позволяет провести параллель между этнонимами «славяне» и «саки», благодаря санскр. śaka — помет, навоз, скифы-саки. Естественно, что под «пометом» понимается многочисленное потомство саков и славян, на что косвенно указывают русское диалектное «срань» - дети и сопоставление слова sil – помет, навоз из диалекта сорани со словом sil – сердитый, обидчивый, раздражительный из диалекта курманчи с явным намеком на неустоявшийся характер молодежи. Дополнительное значение silav - привет,

приветствие, поклон (курманчи) в сопоставлении с *silav* – славянин, славянский (сорани) может характеризовать славян, когда-то приветливо кланявшихся друг другу при встрече, что соответствует опусканию солнечной главы при заходе дневного светила в сопоставлении с курд. *āvā* (*āwā*) – заход солнца. Необходимо также обратить внимание на курдские слова *av* (*aw*) – этот, эти, такой, такие и *avin* (*avinī*) – страсть, любовь, а также на термин «славинии», обозначающий социально-политическое объединение славянских племен. Любопытна связь курд. *āvā* (*āwā*) – заход солнца со словами *av* – вода, влага, жидкость (курманчи) и *aw* – вода, влага, жидкость (сорани), что может быть ассоциативно связано с бурлящим (то есть сердитым) потоком текущей со склона воды, напоминающей заход солнца и поклон молодого человека старому. Соответствие этому находится в санскритских словах *sūr* – солнце, небо и *śirā* – поток, водосток в сопоставлении с *ava-* 'двигаться вниз', как движутся текущие вниз солнечные лучи и дождевые струи, насыщая землю в соответствии с санскр. *av* – насыщать, желать, любить. При этом санскритские слова *avanī* – поток, река, земля, почва, *avanī* – вливать и *avana* – благосклонность, покровительство, а также *vanī* – жаждущий, жертвующий, требующий в сопоставлении с *van* – помогать, стремиться, любить и *in* – овладевать, давить, проникать, радовать, *ina* – сильный, крепкий, солнце, можно образно сопоставить с курд. *āwān* (*havān*) – ступка. Объяснение этому находится в курдских словах *havāl* (*hawāl*) – товарищ, приятель, спутник и *havān* (*hawān*, *āwān*) – ступка, которые образуют ассоциативную пару «пест» (мужской термин) и «ступка» (женский термин), тождественную паре «весеннее солнце (небо)» и «девственная земля». В общем плане из этих значений создается образ молодого парня и молодой девушки, полных мочи (мощи), притом что надо учесть и огромный напор мочевой струи в молодости, который в процессе старения иссякает.

В свете вышеизложенного сопоставление курд. *xulam* – раб, слуга, работник (курманчи) с англ. *slave* – раб, рабыня нужно проводить через сравнение курдских слов *xulī* – мечта, греза, размышление и *xulīn* (*xul*) – шум течения полноводной реки, шум дождя, шум падающих камней (то есть лавины), вращаться, сплетать, сочинять с английскими словами *lave* – мыть, омывать (с учетом омывания до и после секса или после месячных) и *love* – любовь. Поэтому падающие вниз струи дождя или солнечного света, а также падение метеоритных камней, в мифологическом понимании народов были сопряжены с сексуальными отношениями неба (мужчины) и земли (женщины).

27. Если же вернуться к др.-гр. *σκλάβηνοι* – склавины, которые могли представлять из себя оседлую часть единого союза саков со входящими в него разными кочевыми племенами, то значение др.-гр. *σάκος* (*σάκκος*) – мешок, отнесенное к начальному элементу *σκ*, в сопоставлении со значениями курдских слов *meşk* – бурдюк и *mesken* – местопребывание, родина в ассоциативном плане представляет из себя описание некоего вместилища (своеобразную ступку или котел), где смешиваются в единое целое разные человеческие начала, а сексуальные «мехи» нагнетают при этом жар. Возникающее при этом понятие женской рожавшей утробы можно совместить с понятием родины в качестве постоянного места пребывания, принадлежащего тому или иному оседлому племени, – в данном случае склавином, что позволяет объединить в единый образ древнегреческие слова *σάκος* – мешок и *λαβήν* – приобретать, завладевать, обхватывать с добавлением *οι* – этот, тот, что помогает трактовать этноним «склавины» как «те, что завладели мешком», то есть поселились на какой-то конкретной территории, перестав кочевать. Таким образом, древнегреческие слова *σάκος* (*σάκκος*) – мешок и родственное ему *σάκος* – прибежище, защита (то есть укрытие, жилье) являются эвфемизмами женского лона, а др.-гр. *σακας* – сак (представитель кочевого и полукочевого союза саков) в

сопоставлении с санскритскими словами śak — быть сильным, могучим, śaka — скифы и śākhā — сук является эвфемизмом мужского начала при наличии санскр. saka – это тот самый человек или та самая женщина.

В то же время другие значения др.-гр. λαβῆν (λάβη) — начинать, ощущать, быть охваченным чувством, предпринимать, встречать, созерцать, оценивать, обнимать, уводить, постигать могут ассоциативно соответствовать фонетически схожим латинским словам lābīna (lābor) — лавина камней или снега, скатываемая с вершины горы (ит. lavina, slavina) и lābīna (lāvo) – местность в окрестностях источников и рек, размягченная дождями, а также санскр. lavana — срезание, покос. Естественно, что в данных словах присутствует связь с любовными чувствами, которые могут подобно лавине нахлынуть даже на самого сурового правителя и на время сделать его более мягким и податливым, не говоря уже о мягкотелых юнцах. Одновременно здесь зафиксирован увод (покос) выросшей девушки пришедшим за нею женихом, который опять же подобно лавине «обрушивается» на нее во время полового акта. В то же время в этих словах определено местожительство славян на увлажненной местности возле рек и у подножья гор.

В доказательство связи термина «славяне» с наплывом любовных чувств можно сравнить итальянские слова slavina (lavina) – горный обвал и slavo – славянин, slavita – славянский характер, где нет даже намек на рабство. Зато есть намек на возможный исход славянского племени с гор, а также имеются намеки на активную сексуальную обработку женщины в двусмысленных словах lavorata – обработка, работа, выполненная в один прием, lavorio - подозрительная возня, активность, работа и lavare – мыть, чистить, продувать, обогащать, что позволяет сопоставить исходное значение слова «раб» с итальянскими словами rabico – бешеный, robusto — сильный, крепкий, здоровый, мощный и санскр. rabhas – сила, мощь, шв. rabus – спешка, гнев. По ассоциации к этим словам примыкают шведские диалектные слова slave – объединение, связь и släva – молоть, шлифовать, измельчать, что подходит к любовной связи мужчины и женщины с последующими родами и созданием полноценной семьи, а также к славянской общине и к любому сообществу, состоящему из отдельных ее членов, притершихся друг к другу. Здесь необходимо отметить, что наличие схожих слов в разных языках не доказывает переход этих слов из одного языка в другой, потому как такие слова могут быть реликтами некоего общего языка, основанного на единой мировоззренческой системе.

С учетом латин. expertus laboris dolores — испытывать родовые муки (схватки) и русского диалектного «трудиться» — рожать такие латинские слова как: labor – наклоняться, слипаться, обвиваться, скатываться, погружаться, скользить, вытекать; labos (labor) - напряжение, усилие, трудолюбие, деяние, подвиг и laboro – беспокоиться, трудиться, терпеть, готовить, производить, разрушаться могут относиться к половой функции человека, связанной с понятиями любви и сексуальной работы. В таком случае даже слово «подвиг» в первую очередь связано с движением, когда требуется много раз «подвигать» то, что имеет мужество перемещаться из внешнего мира в мир внутренний и поэтому таинственный. Указание на эту же половую функцию присутствует и в санскритских словах labh — получать, доставать, добиваться, нацеливаться, схватывать и rabh – неистово желать, захватывать, удерживать с переходом в lubh – жаждать, стремиться, заманивать, соблазнять, любить, что предполагает сравнение русского слова «ловить» с англ. love — любовь, так как общий их смысл нередко проявлялся в обрядовом захватывании (воровстве) девушек женихами, а также в молодежных играх, когда парни старались поймать (словить, рабить) нравящуюся им девушку.

Любопытно, что латин. scarus – стебель, стержень, дверной брус, пенис по ассоциации хорошо сопоставляется с латинскими словами scaeva – примета,

знамение и sacer – посвященный, магический, обреченный подземным богам, а латинские слова scato – бить ключом, изобилывать, scando – восходить, возвышаться и scalpo – пахать, царапать, возбуждать, scabo – чесать, скоблить, scio — знать в сопоставлении со scaena – поле деятельности и saccus – мешок, сумка могут иметь отношение к любовной связи и к познанию мужчиной женщины, что сопоставимо с санскритскими словами sakha — связанный с и śāka — сильный, готовый помочь, а также с символикой расчесывания женских волос или скобления условного «котла» таким же условным «стержнем» в качестве полового акта.

Таким образом, мы видим, что даже термин «склавины» (склавлены) безо всякой натяжки может обладать теми же самыми сексуальными значениями, что и термин «славяне» (словене), а значит за неимением на территории современной Европы других таких же многочисленных народов термин «склавины» (склавлены) можно отнести к предкам нынешних западноевропейских славян. При этом предками уже самих склавен могли быть оседлые племена саков, к названию которых мог добавиться элемент, родственник санскритским словам lavaṇa - срезающий, серп, жнец, жатва, косьба и lavaṇa — блеск, слава, соленость, красота, в то время как их собратья кочевые саки могли увеличивать свою численность путем создания союзнических отношений. Но в то же время стоит учитывать и другие образно и фонетически связанные значения всех предложенных в данной статье элементов, которые могут входить в этноним «славяне» (словене).

Ну и попутно коснемся названия «соловей-разбойник», которое напрямую относится к названию всем известной маленькой птички, а точнее к соловьиному самцу, своим свистом во время майского «томления» привлекающему внимание разборчивой самочки, чтобы создать с ней семейную пару. Одновременно свист соловья очерчивает границы контролируемой им территории, в то время как название соловья можно сопоставить с курдскими словами şa — радостный, веселый и lavêj — песня; пение. Поэтому, исходя из того, что соловьиный свист является гимном любви, попробуем расшифровать его наименование с помощью санскрита, где слово svī (sva) означает «свой, собственный, самость, эго, душа, сокровище, родство», а слово iṣṭa имеет значения «искомый, желанный, приятный, любимый, истинный». Не случайно же в русском народе свистелками, свистулями и свистами называли женщин легкого поведения, свистахами — непосед и свистунами — обманщиков, а до этого свист и дудки-свистульки активно использовались на языческих праздниках, в основном посвященных теме плодородия. Поэтому к этим санскритским значениям надо добавить расходящиеся значения курдского слова sava – незрелый, маленький и sava – зверь, чудо, силач, богатырь, которые соответствуют русским словам «малый» в значении «маленький ребенок» и «малый» в значении «юноша, молодой человек».

Так что вполне возможно отождествление образа маленького ростом, но в то же время чудовищного, Соловья - разбойника с подростками из языческих племен, достигшими периода полового созревания, которых на время обучения забирали в заповедные леса, образуя своеобразное сообщество изгоев. При этом им разрешались воровство, грабеж и прочие безобразия с целью дать возможность перебеситься и выплеснуть свою отрицательную энергию перед тем как стать добропорядочными членами взрослого общества. А теперь сравним описание свистящего Соловья-разбойника, который был фактически таким же изгоем, со смыслами санскритских слов iṣ — сила, мощь, повышать голос и gaḥ — издавать звуки,- дающих при своем объединении слово, похожее на «изгой»,- притом что свист мог использоваться в языческих обрядах во время инициации, которые проводились в священных рощах. Обращает на себя внимание и евр. «гой» — народ, которое в настоящее время обозначает неевреев, что может иметь подтекст,

относящийся к народившимся маленьким детям или подросткам, чей голос обрядово неотличим от звуков природы. То есть евреи в данном случае воспринимают себя в качестве «отцов» или «господ». Поэтому есть смысл сопоставить санскритские слова *gaṇ* — издавать звуки, петь, воспевать, восхвалять, говорить нараспев и *gāya* (*gīta*) — пение, песня, священное песнопение с украинским словом «гай» — роща, притом что слово «роща» связано с «ростом», а евр. «гой» - народ может быть связано с авест. *gaṇa*- 'жизнь, время жизни',- то есть время живительной силы, от которой происходит то, что объясняется санскритскими словами *śvi* — разбухать, увеличиваться в объеме и *svī* (*sva*) - свой, собственный, самость, эго, душа, сокровище, родство, а также *sthā* - стоять и *stai* – покрывать. При этом необходимо отметить смысловое родство евр. «гой» — народ, авест. *gaṇa*- 'жизнь, время жизни' и санскр. *gāya* — пение, песня с русскими словами «народиться» - появиться, возникнуть, начать существовать, «выпевать славу» - прославлять и курдскими словами *law* — дитя, ребенок, юноша, молодой человек, *lavêj* — песня, пение, что предполагает в значении «народиться» видеть появление не столько ребенка, сколько совершеннолетнего самца, обладающего всей полнотой жизни.

Таким образом, в былинах «Илья Муромец и Соловей-разбойник» мы видим некое уничтожение христианскими сочинителями старинных языческих традиций, якобы с легкостью побежденных христианским богатырем. При этом вызывает вопрос паралич самого Ильи Муромца, который закончился приданием 33-летнему Илье силы от старцев, что на самом деле могло быть завершением некой особенной инициации, не слишком связанной с обычной инициацией подростка, потому как приблизительно в этом же возрасте крестился, то есть завершил свою личную инициацию, Иисус Христос.

28. В данном случае любопытно сопоставить термин «разбойник» с англ. *rob* – грабить, отнимать, воровать и слав. «робить» — работать с учетом русских слов «трудиться» — рожать и «рабить» — догонять и легонько шлепать ладонью по спине понравившуюся девушку. Сюда же можно добавить курдские слова *rab* (*rabûn*) – подниматься, восставать и *robûn* — рассыпание, разливание в сопоставлении с датскими словами *gabiāt* – яростный, бешеный, неистовый, *robust* – сильный, крепкий, здоровый, плотный, *gæb* — отрывка, *gøbe* – проявлять, обнаруживать, *gāb* — крик, зов, что может свидетельствовать о пробуждении «славы», - то есть яростного сексуального чувства, заставляющего молодых людей с одной стороны противиться наложенному на них образу ничего не умеющего ребенка, а с другой стороны «рабски» следовать зову сексуальной природы и накладывать на себя узы семейной жизни. Что же касается значений «грабить» и «воровать», то они соответствуют практике умыкания невест из чужого рода, да и законный переход девушки в другую семью тоже имеет смысл добровольного «ограбления». К тому же во время инициации подростков могло практиковаться похищение незамужних красавиц для уборки жилья и приготовления еды,- тех самых первоначальных «рабынь» - служанок,- но при этом исключалось половое сожительство с ними, потому что такое право новоявленные адепты могли получить лишь после успешного завершения инициации. В принципе такая «девчачья» работа в неволе у иницируемых подростков совпадала с хозяйственными функциями замужних женщин, что соответствует предварительному обучению некоторых приглянувшихся девушек основам будущего супружества в чужом для них роду, что неоднократно практиковалось и для мальчиков, отдаваемых родителями на обучение в другие семьи.

И хотя у образовавшейся элиты хозяйственные, а в некоторых случаях и не хозяйственные, обязанности супруги были возложены на рабынь, прислужниц и наложниц, тем не менее латинское слово *serva* – рабыня, невольница содержит в

себе элементы, связанные с латинскими словами *sero* — сплестать, соединять, запира́ть, сеять, производить на свет, рожда́ть и *vaso* — посвящать себя, служить, располагать свободным временем, хотя с другой стороны латин. *vanus* — бесполезность, ненадежность, обман указывает и на призрачность многих девичьих ожиданий, которые в скором времени начнут увядать (вянуть). В то же время мужские хозяйственные функции были переложены на подневольных мужчин. Более того существует вероятность сближения латинских слов *serva* — рабыня, невольница и *servus* — невольник, раб не только с англ. *slave* — раб, рабыня, ведомый, подчиненный, но и с санскр. *śravas* — звук, слава, зов, призыв, потому что, например, латин. *vaso* — посвящать себя, служить вполне может соответствовать санскр. *vaś* — хотеть, домогаться, страстно желать, любить, что равнозначно рыцарскому служению Даме или своему ордену, а в данном случае своей *familia*. При этом элемент *ser* в словах *serva* — рабыня, невольница и *servus* — невольник, раб может быть связан с титулами «сэр, сир, сер». К тому же значения латин. *sero* — сплестать, соединять, запира́ть, сеять, производить на свет, рожда́ть и санскр. *śra* — варить, стряпать, доводить до готовности, созреть могут характеризовать сексуальные возможности созревшей для плодородия молодежи, готовой к любого рода службе, на что указывают курдские слова *serber* — готовый, целый, совокупность и *serbir* — надоедливый, привязчивый, разбойник в сопоставлении с курд. *serwan* — пастух и русским сленговым «телка» — молодая женщина, девушка. В то же время курд. *selwa* — сладости, мед, кипарис указывают на сладость настоящей любви и на ее мифологическое бессмертие.

Исходя из этого, можно предположить, что отголоски древних подростковых инициаций с попаданием девушки в среду совершенно неопасных для нее особей мужского пола, присутствуют, например, в сказке братьев Гримм «Белоснежка и семь гномов», где девушка Белоснежка выступает в качестве своеобразной прислуги для маленьких гномов, что соответствует русскому диалектному «раба» — служанка, работница и староболг. «раба» — девица, прислужница, рабыня. В дальнейшем рабой стали называть и наложниц, откуда появилось русское «рабичич» — ребенок наложницы, причем этому значению слова «раба» соответствует др.-гр. σκλάβη — наложница. Данный факт в очередной раз доказывает, что др.-гр. σκλάβήναι — склaviны имеет сексуальные признаки, указывающие на множество детей в их семьях, подчиненных жестким общинным установкам.

В татарско-сибирских говорах существовали или до сих пор существуют слова «кун» — раба, «кун» (көн) — день, «куну» — жалеть, заботиться и «кун кыс» 'девушка — служанка', то есть девушка, прислуживающая днем, каковой может быть и пока еще незамужняя дочь, заботящаяся о своей семье, причем на звуки дня указывает еще одно слово «ку» — мелодия, звук, голос, шум. В то же время татарско-сибирские слова «кунак» — гость, место ночевки, жилье, «кунау» — испытывать удовольствие, отдыхать и «куна» (қона) — грех имеют уже явно сексуальный подтекст, что подтверждают фр. *coit* — женский половой орган и санскр. *kanā* — девушка, из-за чего мужчина может поставить свою судьбу «на кон». Другие татарские слова «кул» — рука, ровня, назначенный судьбой, быть парой и «күл» — озеро, которые можно ассоциировать с камышом (мужской символ) и водой (женский символ), одновременно обозначают не только парность работающих рук, но и парность мужского (правого) и женского (левого) субъектов с отсылкой на «рабски» встающее «колом» мужское естество в соответствии с тат. «кул» (көл) — кол, раб и курд. *rab* — подниматься, вставать, восставать.

Любопытно, что нем. *Schneewittchen* и англ. *Snow White*, обозначающие Белоснежку или в русском варианте Снегурочку, фонетически соответствуют санскритским словам *sneha* — клейкость, липкость, склонность, привязанность, дружба, любовь и

vīta — пришедший, желанный, приятный, ушедший, умерший, а также санскр. vī (vita) — стремиться к чему-л., помогать, выходить, что в совокупности напоминает сюжет сказки, в которой красавица Белоснежка и гномы взаимно помогают друг другу, а затем Белоснежка после своей временной смерти из-за коварства мачехи выходит замуж за принца, при этом уже окончательно «умирая» для гномов, потому что даже уход на время, а не только выход замуж, мифологически воспринимался как условная «смерть», временная или же окончательная. Дополнительное санскр. viṭa — мошенник, гуляка, повеса в сопоставлении с латин. vita — жизнь можно отнести к обманчивому образу быстро проходящей и мятущейся из-за прилива гормонов юности, которая, несмотря на присущие этой поре человеческой жизни сияние и блеск, имела все признаки несовершенства по причине отсутствия второй половины, предназначенной для создания полноценной семьи. В то же время необходимо отметить нередко мошеннические действия молодых парней, соблазняющих и «надувающих» податливых на обманчивую лесть девушек.

В то же время можно предположить наличие в слове «юность», связанном с др.-русс. унь — юный, молодой, элементов, соответствующих санскритским словам uṇa — нуждающийся, неполный, несовершенный, меньший и форме uṣṭa слова vas — сиять, сверкать, светить, но при этом есть и форма uṇā санскр. yuvan — молодой, юноша, которая через фонетически схожее значение uṇa — завязка, веревка, бечевка подводит нас к пониманию истинного смысла санскритского слова rabh — неистово желать, захватывать, удерживать, обвивать, сжимать, потому что образ веревки имеет негативный смысл лишь в христианской символике, а в восточных религиях веревка считается эквивалентом золотой, но при этом невидимой, нити, соединяющей душу и тело, небесное и земное, мужчину и женщину. В таком случае юность можно определить как пору, когда человек, находящийся в сетях или путах неистовых сексуальных желаний, должен выбрать себе для дальнейшей самостоятельной жизни надежного спутника противоположного пола и связать с ним свою судьбу с одновременным познанием друг друга, что соответствует санскритским словам u — брат, обладать, соединять, связывать, спутник, попутчик, отделять, удалять и ṇa — знание, решение.

29. При определении связи этнонима славяне (словене) с санскритскими словами vena — любящий, просящий, стремящийся и vāṇī — голос, речь, слова, музыка, следует учитывать и обычай платы за невесту или так называемое вено (плату за невесту), что соответствует латин. venus — продажа, хотя другим значением этого слова было venus — любовь, прелесть, красота. Таким образом наличие платы за девушку, которая вследствие этого поступала в полное распоряжение не только мужа, но и чужого рода, становясь при этом фактически подневольным человеком, могло также привести к появлению негативного понятия slave — раб(а). Более того элемент lave — омовение помимо связи с сексуальными отношениями может соответствовать древнему обычаю делать омовение ног своему супругу, что по народным верованиям подпитывало его сексуальную силу, а супруге давало усиление ее женских качеств.

Можно также образно сравнить санскр. śravas — звук, призыв, слава, усердие, пыл, восторг, внешность с латинскими словами clāvis — балка, брус, ключ, засов, имеющий право закрыть, ключи Царства Небесного и clāva — палка, дубинка, саженец дерева, в которых элементы āvis и āva не случайно схожи с avis — знамение, примета, знак и avē — страстно желать, жаждать, томиться, что может указывать на «одеревеневший» мужской орган, страстно желающий отправиться в сексуальное путешествие, что связывает в единое целое санскритские слова yānī — путь, дорога и uṇī — лоно, чрево, матка, род, каста и позволяет связать санскр. yāta — дорога, путь, ночная стража с русским словом «яма» (отверстие в земле в качестве аналога

женского лона). В то же время др.-ирл. *clú* — слава можно сравнить с латин. *cluō* — чистить, очищать, прочищать с учетом ц.-слав. «чиста» — матка, причем дополнительное латин. *cluō* — слыть, считаться, именоваться, быть, существовать относится к наступлению славного детородного возраста человека, когда он ощущает в себе страстное сексуальное желание.

Именно в этом возрасте молодой славен искал себе славы, что соответствует сумме древнеирландских слов *clú* — слава и *want* — хотеть, желать, нуждаться, требовать, причем второе слово можно сравнить с латинскими словами *vēnus* — любовь, красота и *vēna* — нутро, томление, природная склонность, хотя при этом латин. *vānus* — призрачный, пустой, воображаемый, тщетный указывает на возможность того, что юношеские мечты могут не осуществиться. Дополнительные латинские слова *vēneo* — поступать в продажу и *vendo* — любящий продавать, расхваливать, восхвалять могли привести к прозвищу «венды» (венеды), как стали называть славянские племена, живущие по соседству с германцами, а затем привести и к изменению смысла *slave* — раб. Однако при этом надо учитывать езид. *wend* — смелый, отважный, что можно отнести и к храбрым воинам, какими были венды, и к удалым молодым парням, которые во все века нравились девушкам. Поэтому латин. *vēneo* — поступать в продажу могло когда-то означать не только молодого человека, поступающего на службу обществу, что можно сравнить со словом «муж» — государственный человек, но и «девушку на выданье», за которую нужно было отдать «вено», или «калым», что, в общем-то, сродни смыслу слов «купить» и «плата» (в том числе и за службу). В таком случае соединение двух семей через «продажу» девушки из одной семьи в другую могло связать латин. *vēneo* — поступать в продажу с протокельт. *wenuā* — семья, семейство, род, племя, фамилия и с русск. «вено» — выкуп, плата за невесту.

Если же мы возьмем язык этрусков, то в нем существуют слова *cla* — прояснять, показывать, разъяснять и *sl* — острый, резкий, которые можно сравнить с финск. *selvä* 'ясный, чистый, вразумительный, четкий', какими и должны быть не только проясняющее суть «острое» Слово, но и человек, обладающий настоящей Славой, а не ее подменой. При этом этрусское слово *Uni*, как называли богиню-мать Земли, аналогом которой была римская богиня любви и брака Юнона, можно сопоставить с санскр. *avanī* — земля, причем земля рожаящая и вечно юная в соответствии с латин. *iuvenis* — юность, а соединение этрусских слов *cl* — сын, ребенок и *Uni* — богиня мать Земли можно сравнить с англ. *clown* — деревенщина и с русским «клуня» — крытый сарай для сушки снопов и обмолота, амбар, площадка для молотбы хлебных колосьев, — притом что хлебные колосья были «детьми Земли». Однако детьми Земли на самом деле были и древние славяне, называвшие землю своей матушкой.

Но в то же время сопоставление этрусских слов *cl* — сын, ребенок, дети и *cla* — прояснять, показывать, разъяснять помимо рождения ребенка, когда он являет себя миру, выявляет период сакрального обучения подростка через прохождение инициации, которая была связана с обрядом жертвоприношения подростка, а точнее его детства, в соответствии с этрусск. *clevana* — жертвенное приношение, после чего он начинал подготовку к своей новой и славной жизни, что соответствует этрусск. *svalas* — для жизни, на всю жизнь, по жизни, а также санскр. *śravas* — звук, призыв, слава, усердие, пыл, восторг, внешность и русск. «слава». Но таким же жертвенным приношением были и роды, во время которых пришедшая из чужого клана (или рода) женщина отдавала (или показывала) принявшему ее роду своего рожденного ребенка.

Перестановка слогов (с учетом перехода *g-l*) в этрусском слове *sval* (*svalas*) — живой по отношению к санскр. *śravas* — зов, слава, видимо, не играет принципиальной роли, на что косвенно указывают санскритские слова *srava* — текущий, льющийся и

svara — голос, звук, потому как течь (литься) могут не только годы жизни, но и звуки, этой жизни соответствующие. На тождественность данных санскритских слов указывают их элементы, фонетически схожие с другими санскритскими словами śrā — доводить до готовности (то есть делать зрелым) и śvā — пухнуть, разбухать (то есть увеличиваться в размерах), к которым можно добавить санскритские āvā — втыкать и āgā — острие. Естественно, что все эти смыслы образно соответствуют времени сексуальной жизни, что позволяет сблизить санскр. śvā — пухнуть, разбухать не только с англ. swell с тем же значением, но и с этрусск. svel- 'быть живым', причем активность такого периода определяется санскр. śval — быстро идти, бежать в сопоставлении с этрусск. sval (svalas) - живой. Более того, этрусские слова sve – подобно и svel- 'быть живым' образно соответствуют санскр. sva – свой, собственный в качестве признания молодого человека членом взрослой общины, потому как ребенок (санскр. śāva — детеныш) до своего взросления (санскр. sava – отпрыск, потомство, побуждение, оживление) считался связанным с потусторонним миром,- в данном случае он наподобие домового соответствовал санскр. śāla — находящийся в доме (или «у матери под юбкой») с учетом того, что домом могла называться и могила.

В таком случае санскритские элементы lā – начинать, предпринимать, мечтать и vā — соединять, связывать, vya – скрывать, покрывать, окутывать хорошо подходят к образу сексуально ожившего подростка, начинающего мечтать о любовной связи с противоположным полом, что соответствует саскр. sa – знакомство, осведомленность, соединение. Если же сравнить санскритские слова vāla — волос и lava — резание, стрижка, а также vala — пещера и -lāva 'разрезающий, срывающий плоды', то их значения соединяются в единые образы стрижки волос и уборки урожая, в том числе и отрезание рожденного ребенка от матери в сопоставлении с изыманием руды из земного источника, а также «отрезание» взятой замуж девушки от родной семьи. В этом случае этрусск. svaleni — живой, живущий вполне можно сравнить с этнонимом «славене», а стрижку волос можно приурочить к малому возрасту славенских детей, которые в прошлом могли ходить поголовно лысыми. В то же время при сопоставлении санскритских слов vūāla — злой, озорной, порочный, сумасбродный, расточительный и lavuā — должный быть срезанным или скошенным возникает образ неуравновешенного подростка пубертатного периода, которого вместе с остальными подростками необходимо было забрать на инициацию в некое запретное для обычных людей место, чтобы они взяли свои чувства под контроль, что в какой-то мере соответствует помещению преступных элементов в тюрьму.

В этом отношении этрусск. svalas — для жизни, на всю жизнь, по жизни, фонетически и по смыслу близкое русск. «слава» и санскритским словам śravas — звук, слава, призыв, svāra — голос, звук, можно разделить на элементы, соответствующие этрусск. sva 'свой, собственный, родной', родственному лидийск. s'fa и англ. self с общими значениями «сам, самость, личность, сущность», и этрусск. lasa (лаза) — женское божество, что можно применить не только к образу обожаемой мужчиной женщины, но и к образу музы, жизненно необходимой для каждого мужчины - творца, желающего прославиться в обществе. В то же время небесные и подземные божества «лазы» нужны были и для самих женщин, потому как они помогали при рождении ребенка. Возможно, с их названием связаны санскритские слова las — играть, появляться, обнимать, laṣ — хотеть, желать и lasa —двигающийся туда-сюда, lāsyā — танец, выражающий любовные чувства, в сопоставлении с санскр. sva – свой, собственный, общий, самость, богатство, душа, а также русские диалектные слова «лазаты» — волочиться, ухаживать, «лазарить» — просить, выпрашивать, «лазушный» — ласковый, общительный и «лазбунья» — женщина, которая ласкается, причем во всех этих значениях есть объединяющий смысл связи, что

подтверждается ролью самих лаз, прислуживавших не только людям, но и богам.

Исходя из этого, с русскими словами «лазать» и «лизать». в значениях «ухаживать» и «целоваться», а также со словами «ласкать» и «ласкаться», можно сравнить курдские слова «лăз» — быстрый, скорый, ловкий, торопливый и «лăзât» — наслаждение, удовольствие. Если же мы обратимся к венгерскому языку, то обнаружим там слова *láz* — жар, лихорадочное волнение и *laza* — свободный, распушенный (о нравах), к которым можно добавить сленговое *laza* — беззаботный, беспечный, что во всех случаях можно применить к образу сладострастного юнца или юницы, не обремененных семейными узами. Однако при этом венг. *laza* — свободный, распушенный (о нравах) нельзя не сравнить со словен. *laž* — ложь, потому что порочный человек по своей натуре является лживым. С учетом же мены г-л можно обратить внимание и на санскр. *gaz* (*gas*) — любить, хотеть, чувствовать, наслаждаться, издавать звук, восхвалять (славословить), мадьяр. (венг.) *gáz* — тряхи, потрясать (испытывать потрясение от переизбытка чувств) и курд. *gazî* — согласный, благодарный, удовлетворенный, с которыми может быть связано и русское «ни разу», обозначающее отсутствие какого-нибудь действия или качества.

30. Также любопытно сопоставление др.-кельт. *kladiwo* — меч, *klad-o-* 'копать, зарывать, хоронить' и *klado-* 'ров, канава, впадина, углубление', где может присутствовать не только указание на мужские и женские половые органы, но и на тот факт, что из металла, на определенное время положенного в землю, то есть положенного в клад, выковывались более качественные мечи - кладенцы, что естественным образом соотносилось с качеством набравшего силу мужского органа, в то время как женское лоно отождествлялось с земным. В этом плане с этрусским словом *cl* — сын, ребенок хорошо согласуются не только ст.-слав. *класъ* (польск. *kłós*) — колос (в том числе и прорастающий из земли), но и древнеирландские слова *clo* — гвоздь, коготь, шип, колючка и *clú* — слава в сопоставлении с русским диалектным «клева» - красота, которая у человека появляется в пору его совершеннолетия, связанного с окончательным пробуждением сексуального чувства, то есть с созреванием мужского «колоса» или «хлеба», которое сопровождается появлением более «грубого» мужского голоса и получением права иметь собственное мнение после прохождения инициации (право голоса).

Поэтому интересно взглянуть на фонетическую тождественность эст *leib* (макед. *leb*) — хлеб, евр. *leib* — лев, нем. *leib* — плоть, тело, чрево, живот и нем. *lieb* — любимый, к чему можно добавить нем. *gelb* — желтый, желтеть, при том что слова «желтый» и «зеленый» в качестве признаков зреющей молодости имеют общую основу *g.l*, которая может присутствовать в английских словах *glory* — слава и *geld* — кастрировать, как выхолащивают не дожидаясь полового созревания кабанов и как срезают поспевшие колосья, не дожидаясь их перезревания. Даже евр. *leib* — лев может подспудно указывать не только на желто-серую окраску льва, но и на его положение в качестве альфа-самца, имеющего несколько самок в собственном прайде. Очевидно, что один из элементов этих слов с основой на *l* так или иначе связан с санскритскими словами *la* — начинать, овладевать, отдавать, *lū* - резать, отрывать, снимать урожай, *li* - липнуть, касаться, ласкаться и латин. *līe* - брюшная полость, живот, половые органы, которые, благодаря славному любовному соитию мужчины и женщины, участвуют в процессе, символически связанном со значением латин. *liba* — возлияние богам, которое можно отождествить с нем. *Liebe* — привязанность, любовь. Но в то же время нем. *lieber* — дороже, милее, скорее, лучше можно сопоставить с курд. *liber* — напротив, впереди, возле, около, что также указывает на возможность любовной связи, потому как другие курдские слова *liba* — наветренный, подвергающийся действию ветра и *lib* — зерно, зернышко можно сопоставить с санскритскими словами *kapā* — молоденькая девушка и *kaṇa* —

крупинка, капля, зерно, учитывая при этом русское сленговое слово «вдуть» - совершить половой акт с женщиной.

Ровно также нем. *gelb* — желтый, желтеть можно сопоставить с курд. *qelb* — сердце, душа, желание, намерение, фальшь, ложь, обман,- что определяет двусмысленное значение юношеской любви (как и желтый цвет семафора), если связать этот желтый цвет с половым созреванием человеческого организма. В это время мужское «хозяйство» встает на страже своего «двора», что соответствует курдским словам *kelb* — собака (пес), который сторожит двор, и *keleba* — петух, который тщательно охраняет свой куриный «гарем». При этом курд. *qerewil* — сторож, стражник содержит элемент, схожий с курдскими словами *qerî* — близкий и *e'wil* — первый по отношению к *qer* — темный, карий (о глазах), смуглый (о коже), что можно отнести не только к кареглазой красавице — смуглянке (курд. *qerê* — смуглянка), но и к ее темной (или ночной) сущности, разбавленной страстным блеском глаз, ассоциативно похожих на звезды. В то же время элемент *kel* в курдском языке означает «кипение, жара, волнение, возбуждение, страсть», что позволяет сравнить его с курд. *kêl* — темп, сбивать (масло), пахать, притом что их значения являются эвфемизмами полового сношения и по своей образности совпадают с пылкой речью влюбленных, когда быстрое раздвигание губ при их разговоре совпадает с любовным соитием, раздвигающим «половые губы» женщины, или же с быстрым деланием борозды деревянной сохой (поэтому сравните сленговое слово «рогоносец» - муж, у жены которого имеется любовник, со словами «сохатый» (взрослый лось с рогами) и «соха», которая первоначально представляла собой обрубленную сучковатую верхушку ели). Дополнительно можно указать на курдские слова *kêlm* — слово, речь и *kêlim* — говорить, заговаривать, которые через *kêlek* — сторона, край, берег, рядом, возле, около образно сопоставляются с курдскими словами *qerî* — близкий и *leb* (*lêv*) — губы, уста, край, выступ, берег, притом что значения курдских слов *law* — болтовня, ребенок, юноша и *lawî* — молодость, юность, молодежь соответствуют значениям курдских слов *lewand* — беспутный, своевольный, красивый, нежный, разбойник, бродяга, авантюрист и *lawjan* — грустная песня, грустный напев. Именно такие песни нередко пели славянские девушки, оставляя в прошлом свою первую любовь к какому-нибудь беспутному парню, ищущему на свою голову приключений вместо того, чтобы успокоиться в жарких женских объятиях, что включает слово *lawjan* (по-русски лавян) в обойму возможных трактовок многозначного этнонима «славяне».

31. Вне всякого сомнения термины «слава» и «слово», принадлежащие данному этнониму, находятся в полном симбиозе,- то есть в таком сожительстве, которое нельзя ничем разделить, но также нельзя разделить и смыслы выражений «клеить девушку» и «пойти налево», что хорошо согласуется с кельт. *kleuo* — левый, налево. В то же время «пойти налево», - то есть начать поиски желанной пары,- можно было лишь после услышанного зова природы и получения жреческих наставлений во время инициации, что согласуется с праиндоевр. *klew* – слышать, слушать, узнавать и с санскритскими словами *śru* — слышать, прислушиваться, учить, изучать и *sgu* — появляться, увеличиваться, накапливаться, истекать, струиться, приводить в движение, возбуждать. Однако все эти слова, а также санскритские *śravas* — звук, слава и *śrava* — желание восхвалять, можно отнести и к жрецу - наставнику, определяемому этруск. *clevana* — провидец, пророк, предсказатель (сравните: латин. *Criwe* — балтийский верховный жрец), который подносит в дар молодому человеку *cleva* — подарок, подношение в виде сакрального Слова (острого «меча») и при этом совершает *cles* — прославление новой плодородной силы, даруя ему ключи от условного «царства небесного», что согласуется с фр. *clés* — ключи и *clé* — ключ, секрет. В таком случае с учетом санскритских слов *śravaṇa* — слушание,

учение, репутация, призыв, хромой и śravas — звук, слава, зов, призыв нельзя оставить без внимания санскритские слова śrāvaṇa — относящийся к Лунному дому, в астрологии состоящему из трех звезд в созвездии Орла, и śrāvaṇa - название пятого месяца индийского календаря, который падает на июль-август, то есть на время созревания урожая в регионе расселения славян. Здесь к месту будет и условная «хромота» жреца, олицетворяющая собой темную и в то же время страстную силу, тождественную такой же условной «слепоте» жреца по сравнению со «слепотой» трепещущего от любви подростка.

Обратим теперь свое внимание на священный месяц Шравана (śrāvaṇa), чье название совпадает с санскр. śravaṇa — слушание, учение, репутация (то есть слава), крик, зов, приглашение, а он сам приходится на славное время созревания хлебных славянских злаков, которые в мифологическом понимании равнозначны человеческой поросли. Вот его описание: 1. управитель: Чандра (Луна); 2. символ: ухо, трезубец, три следа; 3. божество: Вишну — хранитель мироздания; 4. части тела: ухо, половые органы; 5. животное: обезьяна; 6. гуна: раджас; 7. звуки: джу, дже, джо.

При этом утверждение о том, что «Луна в Шраване создает личность преуспевающую и образованную, дает ему или ей свободомыслящего супруга, богатство и широкую известность», подтверждается значениями санскритских слов śara — камыш, стрела, жидкость, вода, где зашифрованы два человеческих начала, sāra — сила, мощь, суть, богатство, śrā — доводить до готовности и van (vene) — любить, нравиться, стремиться, обладать, помогать, готовить, vana — лес, заросли, вода, изобилие, достаток, vena — любящий, просящий, стремящийся. К тому же замечательного по своим качествам любовника женщины нередко называли соколом или в другом варианте орлом, что соответствует значению śrāvaṇa — относящийся к Лунному дому, в астрологии состоящему из трех звезд в созвездии Орла.

Ухо ассоциируется со спиралью, витой раковиной и солнцем, притом что раковина является символом рождения, связанным с вульвой, а само ухо слышит дыхание жизни и Слово творения. Трезубец является небесным символом власти над землей, водой и небесами, а также олицетворяет три аспекта (три следа) Шивы: творец, хранитель и разрушитель (то есть условные «Небо», «Земной мир» и «Подземное царство»), что в принципе соответствует деятельности «проникающего во все миры» бога Вишну, по чьей воле происходит «создание, сохранение и разрушение бесчисленных миров».

Входящие в состав учения о Шраване части тела «уши, половые органы» соответствуют не только санскритским словам śrava — слух, ухо и śṛ - сокрушать, но и санскритским корням hr̥ — быть яростным или значимым и hr̥ — жаждать любви, овладевать, проникать, очаровывать, что в сопоставлении с санскритским словом hera — вид короны или диадемы, демоническая иллюзия, с английскими словами her — полагающийся ей, она, hero — герой, полубог и с русским словом «хер» - мужской половой орган может соответствовать значениям санскритского слова śravas — звук, слава, призыв, награда, цена, восторг, пыл, внешность и распространяться на облик мятежной юности, сокрушившей свое бесплодное детство и постепенно обретающей законное право на сексуальную любовь. В подтверждение этому санскр. rava — любой звук или шум в качестве элемента существования, в том числе и рев самца, призывающего самку, можно сравнить с английскими словами love — любовь и law — закон,- в данном случае закон природы, совмещенный с законом человеческого общежития, который предполагает не только соединение мужчины с женщиной, но и рождение детей с последующим их пестованием до начала самостоятельной жизни, что добавляет к этим словам курд. law — дитя, ребенок, сын, юноша, молодой человек и санскр. lavuṇa — должный быть срезанным,- то есть отсоединенным вначале

от матери при своем рождении, а затем и от взрастившей его семьи.

Еще один элемент учения «обезьяна» намекает на дочеловеческое существование ребенка — своеобразной «обезьянки» с детскими ужимками и прыжками, что затем превращается в дикую обезьяну, которую через обуздание юношеских страстей предстоит превратить во взрослого человека, имеющего спокойный нрав и свой проявленный «голос». Такое сравнение подтверждается отождествлением санскр. *kīśa* — обезьяна и русских слов «киш» — малярная кисть в сопоставлении с англ. *male* — мальчик, мужчина, самец (намек на мужской мажущий орган), «киша» — закваска (намек на внесение спермы), а также «кишень» — брюхо, желудок, карман, мешок для денег или «киса» - кошелек, что соответствует животу беременной женщины и подтверждается еще одним словом «кишеть» — ухаживать, возиться с большим количеством детей. Вероятно, сюда же нужно добавить слово «киса», как ласково называют любвеобильных кошек и котов, а также англ. *kiss* — ласковое касание, поцелуй. Ну и, конечно, стоит указать на образное совмещение санскритских слов *vāṇaḥ* — обезьяна (самец) и *vāṇaḥ* — обезьяна (самка) с *vāṇa* — ткачество, густой лес и *vāṇa* — стострунная вина или арфа, что может обозначать густоту волос, нитей или струн в качестве символов плодородия. Гуна «раджас», как и планета-управитель «луна», также относящаяся к элементам Шраваны, указывает на сексуальную работу человеческих существ по ночам, поэтому гуне «раджас» свойственны особая страстность, большая активность и чрезвычайное возбуждение. Хотя эта же гуна может относиться к воину и земледельцу, но воин и земледелец работают, как правило, днем. Звуки «джу», «дже», «джо» можно сопоставить с санскритскими словами *jū* — спешить, подгонять, торопить, *ji* — побеждать и *jā* — рожденный, происходящий, племя, род.

При этом символы Шраваны «три следа» и «трезубец» с учетом β Орла (Альшаин), α Орла (Альтаир) и γ Орла (Таразед) образуют так называемое «Коромысло весов», что соответствует принципу равновесия или гармонии при наличии др.-гр. *ἄρμα* (*harma*) — любовь. Более того соединенные в одну линию обозначения яркости звезд $\beta + \alpha + \gamma$ дает слово $\beta\alpha\gamma$, которое можно сравнить с индоевр. *bhag-* 'наделять, раздавать' и русским словом «бог». С другой стороны символ Шраваны «три следа Вишну» может обозначать далекое небо в виде санскр. *bha* — звезда, созвездие, светило, солнце, а также воздушное пространство в виде санскр. *ā* — около, рядом и земную часть мира в виде санскритских *go* — земля и *ga* - простирается, хотя по другим представлениям эти три следа означают три горы: гора восхода солнца, гора его наивысшего подъема (зенит) и гора солнечного заката, что в любом случае можно сравнить с существованием человеческой особи, проходящей три стадии своего развития: ребенок (восхождение), плодородный возраст (вершина) и старческое состояние (закат), фактически тождественное бесплодному и бесплотному духу, который в случае реинкарнации имеет возможность перейти в утробу забеременевшей женщины, причем значение «бесплотный» можно сравнить с русским «плоть» — мужские половые клетки. Что же касается трехзубца, образ которого связывают с образом сокола, то в южнорусских песнях сокол является не только синонимом жениха, но и побратимом орла, в то время как орел сизокрылый может наравне с соколом символизировать жениха или возлюбленного, только, вероятно, более царственного, что можно отнести не к жениху, а мужу. Поэтому на гербах изображение орла было равносильно изображению льва (босн. *lav*, дат. *løve*), который, как известно, может обладать собственным прайдом, или «гаремом», что позволяет напрямую сравнить дат. *løve* — лев с англ. *love* — любовь.

Сопоставление санскритских слов *śrāvaṇa* — воспринимаемый на слух, объявление, провозглашение и *gaṇaṇa* — ревущий, кричащий, звучащий, поющий, жужжащий как пчела помимо рычания льва указывает на звон струны, что совпадает по смыслу с

санскр. *vāṇī* — голос, речь, слова, музыка. При этом наименование *saga* — струна, нить, веревка может быть скрыто в элементе *śgā* — доводить до готовности, созревать, потому как в юношеском возрасте пробуждаются любовные «струны» организма, заставляющие повзрослевшее человеческое существо «звучать», приветствуя наступление жаркой сексуальной поры, что отождествляет этот образ с образом поющего соловья и даже с образом ревущего льва. Более того санскритские слова *śravaṇa* — течение и *śrāvaṇa* — воспринимаемый на слух позволяют сравнить русские слова «река» и «изрекать», что связывает в единый образ течение реки жизни и течение звуков человеческого голоса, которые могут воплощаться в религиозные изречения или в прославление новоявленной сексуальной силы. Это предположение о священном Звуке можно согласовать с санскритскими словами *śva(n)* — пес, собака, *svan* – издавать звук, звучать и *sva* – свой, самость + *uc* (*ucita*) — любить, находить удовольствие, заботиться с учетом того, что пес (собака) является аллегорией священника, который с помощью истинного Слова учит созревшую для обучения паству укрощать свои звериные чувства, что соответствует обучению молодежи бывшими прежде языческими жрецами.

Можно даже предположить, что известный в индуистской мифологии многоголовый и многорукий демон Равана являлся олицетворением неистовой и помрачающей разум сексуальной дрожи, охватившей все мировое пространство и ведущей к полноценному хаосу и разрушению. В принципе этот образ схож с дрожанием возбужденной и ничем не контролируемой струны, которое создает иллюзию множества струн, обманывая при этом человеческое сознание, но в то же время контролируемое дрожание струны может создавать гармонию, основанную на принципе равновесия между страстностью и порядком, который можно назвать и ладом. Поэтому победа одноголового и двурукого бога Рамы над многоголовым и многоруким демоном Раваной означает преодоление демонической по своей сути юношеской гиперсексуальности, схожей с желанием самца покрыть множество самок, что соответствует обретению более спокойного любовного чувства, которое, как раз, и дает похожим на бога Раму людям счастье и богатство семейных сексуальных отношений. Данный вывод согласуется с санскритскими словами *gamā* — счастье, богатство, *gāma* — милый, прекрасный и *gāmā* — прелестная очаровательная женщина, возлюбленная, жена, при том что слово *gāma* — темный, черный в равной степени символизирует темноту ночи, покрытие женщины мужчиной и «темную» сущность самой женщины, которую мужчины всю жизнь разгадывают и никак не могут разгадать. Любопытно, что термин «любовный роман» находит свое объяснение не в старофранц. *roman* — сочинение на романском (народном) языке, а в санскритских словах *gamana* — радующий, любовник, возлюбленный, супруг и *gamāṇī* — любовница, возлюбленная, супруга, сладострастие, наслаждение, притом что эти слова связаны с санскр. *gamāṇī* — сексуальный союз, совокупление и *gamaṇ* — волоски на теле, которые появлялись с наступлением полового созревания, когда подросткам также разрешалось отращивать волосы, по состоянию которых судили о половой функции парней и девушек.

32. Ну и наконец, вспомним о слове «сакалиба», которое может быть связано не только с араб. *ṣaqlabī* — славянин и ср.-гр. *σκληρός* с тем же значением, но и с чагатайскими словами *saqlav* — страж, охранник, наблюдатель, *saqla-* 'защищать, оберегать, скрывать' и *saḳ* – бдительный, бодрствующий, способный, причем чагат. *ṣaql* — вес, тяжесть в данном случае может определять полную ответственность саклаба за охрану вверенного ему объекта, что позволяет в окончании *av* видеть чагат. *av* – человек, боец. Однако при этом необходимо учитывать не только обязанности стража по защите имущества нанимателя и его самого, но и святую обязанность взрослого человека по защите своего рода, общины, семьи или

любимой девушки. В конце концов саклаб — евнух тоже ведь защищал гарем правителя, который он по своему любил и о нем заботился, в отличие от саклаба - славянина, любившего и защищавшего свою родную землю. Также интересно и другое чагатайское слово saqlav — залог, заклад, которое можно сравнить с русскими народными словами «залог» — предметы, секретно даваемые друг другу парнем и девушкой перед сватанием, и «заклад» — твердое обещание жениться, клятва, что образно соответствует передаче выходящей замуж девушки в другой род и передаче парня в качестве «заложника» для обеспечения договора о дружбе.

С чагатайским словом saqlav — страж, охранник можно сравнить татарские слова «саклау» - хранить, защищать, предостерегать и «саклы» - находящийся под охраной, что можно применить к термину «сакля» - жилище и к санскритскому слову śāla — находящийся под кровом в сопоставлении с альпийским «шале» - приют пастуха. Однако санскритские слова śak — быть сильным, могучим, śākh — охватывать, проникать, śāka — сильный, готовый помочь, śākhā — ветвь, сук в сопоставлении с sakha — связанный, сопровождаемый, друг, товарищ и śakla (śakala) — щепка, кусок, половина в сопоставлении с sakala — полный, целый, совершенный указывают на божественную связь охраняющего с охраняемым независимо от того, что или кто охраняется. В таком случае значения labh — получать, доставать, добиваться, изучать, постигать, встречаться могут нести в себе помимо охранительной функции функцию сексуальную, на что указывает еще одно значение labh — забеременеть, когда охраняемая и как бы «отрезаемая» от остальных людей женщина становится беременной от охраняющего ее мужчины. Исходя из этого, санскр. lava — резание, жатва, срывание, сбор, под чем можно понимать рождение ребенка, может быть ассоциативно связано не только с англ. love — любовь, но и с фр. raboter — строгать в сопоставлении с выражением «настрогать детишек» и с русскими словами «работать» - производить и «трудиться» - рожать, а также с латин. laboro — работать, стараться, заботиться, волноваться, мучиться, терпеть, изготавливать. Отдельно нужно указать на испанские слова salva — торжественная клятва, присяга, приветствие, salvar — спасать, сохранять, преодолевать и salvo — спасенный, целый, невредимый в сопоставлении с salvaje — дикий, грубый, невосделанный, бесплодный, что соответствует как девушке, до выхода замуж сохранившей свое целомудрие, так и парню, преодолевшему свою природную дикость, что позволило им стать поистине славными людьми, при заключении брака дающими клятву заботиться друг о друге и защищать свою цивилизованную семью.

Что же касается намеков на саклабов — рабов, переселенцев или наемников, то это в основном могло относиться к молодежи любой национальности, оторванной от родных корней и выполнявшей функции, мало чем отличающиеся от их социальной жизни в родном краю, за исключением саклабов-евнухов. Тем не менее чагат. saqlav — охранник может входить в описание жениха или мужа, тщательно охраняющих свою избранницу от посягательств других самцов. Этим же занимается и весьма драчливый петух, следящий за своим многочисленным «гаремом». Поэтому охранника можно сравнить со щитом, а чагатайское слово saqlav — охранник можно сравнить с древнегреческими словами σάκος — щит больших размеров и λαβή — схватить, держать, что могло бы дать слово «саклаб» — держащий щит, ассоциативно связанное с защитой доверенного ему объекта.

В этом отношении со значениями всех слов, приведенных в данном исследовании, весьма затруднительно сравнивать нынешнее славянство, давно уже утратившее суть и цель своего предназначения. Однажды поддавшись влиянию чужеродных идей и начав обслуживать чужие, а не свои, интересы, нынешнее славянство являет собой лишь неудачную копию своего бывшего величия, на самом деле превратившись

в то, что обозначается англ. slave - раб. Поэтому ни Слова, ни Славы у него больше нет. А вот нам — русским, белорусам и малороссам — нужно бережно хранить доставшиеся нам в наследство от давно уже ушедших общих предков гордость и мощную самостоятельную силу,- в том числе и силу нашего совместного Слова и нашей совместной Славы.

При этом надо всегда помнить о том, что сходное с описанием характера древних русов значения санскритских слов *guṣ* — гнев, ярость и *gūṣ* — украшать, мазать могут иметь не только гиперболизированный смысл половых отношений, но и соответствовать значению латин. *gūs* – деревня, село, поле, пашня с учетом того, что деревенские жители в прошлые времена имели большое количество детей. Более того русские диалектные слова «рус» - ветки, сучья, метла, «рúса» — рожь, большая соломенная кукла, используемая во время масленицы, «русеть» — зреть, «русь» — белый свет, мир и «русский» — народный, крестьянский, а также «русалить» — поливать водой, пачкать землей, имеют хорошее сопоставление с латин. *gūs* – деревня, село, поле, пашня, в то время как слова «рушить» - взрыхлять землю, разламывать, снимать урожай и «рюши» - резные наличники, «рюша» - кружева хорошо согласуются с санскритскими словами *guṣ* — гнев, ярость, повреждать, убивать и *gūṣ* — украшать. Здесь даже значение «рус» - метла соответствует тому, что в свадебных обрядах метла наравне с веником символизирует зрелую девушку, невесту, что применимо к понятию земного плодородия. Но это же символизирует и красный цвет солнечного круга, поэтому красные знамена и в основном красные щиты древних русов, соответствовавшие их решимости отстаивать свое право на победу в яростных битвах, любопытным образом совпадали с понятием «битвы за урожай».

А значит мы являемся ответвлением связанного с землей и водой плодородного племени славян (словен), на что указывает слово «рус» — ветки, сучья, ветла (ива), притом что это дерево на востоке и на западе символизирует женское плодородное начало, соответствующее понятию «русской земли». Поэтому именно в нас сохранились древнейшие славянские Слово и Слава, которых уже не осталось в нынешних славянах, полностью подчинившихся чужеродному племени англосаксов и ставших под их гнетом абсолютно «немыми» в соответствии с готским словом *slawan* — молчать, быть немым, потому что нынешние славяне не имеют права весомого голоса в англосаксонском сообществе, как не имели его столетия назад дети и подростки, не прошедшие инициацию. А мы, русские, белорусы и малороссы, должны сообща служить нашему единому братству, которое в плане служения можно сравнить с др.-греч. (дорийским) *λαῶς* — народ и кельт. *sluagos* из др.-ирл. *sluag* — община. В то же время не нужно забывать хорошую русскую поговорку «меньше слов — больше дела», чем и отличались древние славяне, которые высоко ценили каждое сказанное Слово и поэтому не растрчивали его по пустякам.

Картинки взяты из интернета. Спасибо авторам!

Литература

Monier-Williams Sanskrit-English Dictionary
Manfred Mayrhofer A Concise Etymological Sanskrit Dictionary
Arthur A. Macdonell A Vedic Reader
Macdonell A.A. A Vedic grammar for students
Бескровный В.М. (ред.) Хинди-русский словарь
Gadd C.J. A Sumerian Reading-book
Aydın Nafiz Büyük Sümerce sözlük

Christian Bartholomae Altiranisches Wörterbuch
Skjærvø P.O. An Introduction to Young Avestan
Покорный An Etymological Dictionary of the Proto-Indo-European Language
Delamarre X. Le vocabulaire Indo-Europeen
Jules Martha La Langue Etrusque
Pittau Massimo Dizionario della lingua Etrusca
Rick Mc Callister and Silvia Mc Callister-Castillo Dictionnaire étrusque-anglais. Etruscan Glossary
Ranko Matasovic Etymological Dictionary of Proto-Celtic
Addenda et corrigenda to Ranko Matasović's Etymological Dictionary of Proto-Celtic
William Shaw A Galic and English dictionary containing all the words in the Scotch and Irish dialects of the Celtic
Michael Barnes, Anthony Faulkes A New Introduction to Old Norse - Part III - Glossary and Index of Names
Antony Green Old Irish Verbs and Vocabulary
Rudolf Thurneysen A Grammar of Old Irish
Thurneysen Rudolf Handbuch des Alt-Irischen Grammatik, Texte und Wörterbuch
Kim McCone A First Old Irish Grammar and Reader Including an Introduction to Middle Irish
R.P.M. Lehmann, W.P. Lehmann An Introduction to Old Irish
David Stifter Sengoidelc. Old Irish For Beginners
Focailoir Gaoidhilge-Sax-Bhearla or An Irish-English dictionary
Windisch Ernst Irische Texte mit Wörterbuch
Шибakov A. Ирландско-русский словарь
Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon
Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь
Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь
Grand dictionnaires de la langue latine
Słownik łacińsko-polski
Walde Alois Lateinisches etymologisches wörterbuch
Pierre Thesaurus Eroticus Linguæ Latinæ [1833]
Etymologisches Lexikon der jüdischen Familiennamen (Eva Guggenheimer Heinrich Guggenheimer)
Strong J. A concise dictionary of the words in the Hebrew Bible
Зорько Г.Ф. и др. Большой итальянско-русский словарь
Нарумов Б.П. (ред) Большой испанско-русский словарь
Апресян Ю.Д. (ред.) Новый Большой англо-русский словарь
Wright, Joseph The English dialect dictionary
Shipley Joseph T. Dictionary of Early English
Mary Lynch Johnson Old English dictionary
Eric Partridge The Routledge dictionary of historical slang
A.J. Greimas Dictionnaire de l'Ancien Français jusqu'au milieu du XIV e siècle
Макаров Н.П. Полный французско-русский словарь
Берков В.П. Исландско-русский словарь
Громова Т.Н., Гринева Е.Ф. Dictionnaire français-russe de l'argot, de la langue populaire et familière
Феерштейн Е.Н., Старец С.М. Большой португальско-русский словарь
Гальди Л. Венгерско-русский словарь
Бескидь Н.А. Мадыарско-Русский словарь
Крымова Н.И. и др. Большой датско-русский словарь
Kristiansen, V Ordbog over gadesproget og saakaldt daglig tale
Kristiansen, V Bidrag til en Ordbog over Gadesproget og saakaldt Daglig Tale

Rietz J.E. Svenskt dialektlexikon
Federico Corriente Ignacio Ferrando Diccionario avanzado árabe
Палладий Полный китайско-русский словарь
Наджип Э.Н. Уйгурско-русский словарь
Курдоев К.К. Курдско-русский словарь (курманчи)
Курдоев К.К., Юсупова З.А. Курдско-русский словарь (сорани)
Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь
Иванов В.Б. Большой персидско-русский словарь
Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь
Ersin Teres Chaghataycada Soz Yapimi
Mirza Ali Baht'in Çağatayca sözlüğü Ferheng-i Azferi
Ünlü Suat. Çağatay Türkçesi Sözlüğü
Этимологический словарь тюркских языков
Старчевский А.В. Сибирский переводчик по линии Сибирской и Уссурийской железных дорог
Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар
Татарско-русский словарь в двух томах
Березгин И.П. Словарь татарского языка
Торопов В.Г. Словарь языка крымских татар
Азербайджанско-русский словарь в 4 томах
Ахмеров К.З. Башкирско-русский словарь
Башкорт теленең академик һүзлеге
Эстонско-русский словарь в 5 томах
Kazimierz Polański, James Allen Sehnert Polabian-English Dictionary
Tadeusz Lehr-Splawiński, Kazimierz Polański Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich
Геров Н. Riechnik na blgarsky iazyk
Бернштейн С.Б. Болгаро-русский словарь
Ююкин Максим Этимологические этюды по восточнославянской лексике
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка
Срезневский Материалы для словаря древнерусского языка
Словарь русских народных говоров

Анатолий Мармазов
2023 - 2024